ISSN 0235—2397

Славяно-русские древности 1

Историко-археологическое изучение Древней Руси

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Выпуск I

Историко-археологическое изучение Древней Руси

итоги и основные проблемы

Под редакцией проф. *И. В. Дубова*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

ББК 63.3(2)43
И 90

Первый выпуск сборника статей подводит итоги длительного историко-археологического изучения практически всей территории Древней Руси: Новгорода, Киева, Пскова, Старой Ладоги, Северо-Запада и Северо-Востока. В статьях исследуются проблемы взаимоотношений Руси с Византией, Скандинавией, кочевническим миром, вопросы древнерусской архитектуры. Хронологически рассматриваемый период охватывает время с IX до XV в.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов и всех, интересующихся отечественной историей.

Редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. *И. В. Дубов* (отв. ред.), д-р ист. наук *А. Н. Кирпичников;* канд. ист. наук *Е. А. Рябинин,* канд. ист. наук *Э. А. Савельева,* д-р ист. наук *В. В. Седов,* д-р ист. наук *П. П. Толочко,* д-р ист. наук, проф. *И. Я. Фроянов,* чл.-корр. АН СССР, проф. *В. Л. Янин.*

Рецензенты: канд. ист. наук *В. А. Булкин* (Ленингр. ун-т), канд. ист. наук *В. А. Назаренко* (ЛОИА АН СССР)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Историко-археологическое изучение
Древней Руси: Итоги и основные проблемы
Славяно-русские древности
Выпуск I

Редактор *Р. Г. Тихонова*
Художественный редактор *С. В. Алексеев*
Обложка художника *В. В. Пожидаева*
Технический редактор *Л. А. Топорина*
Корректоры *В. А. Латыгина, Е. К. Терентьева*

ИБ № 3151

Сдано в набор 09.06.87. Подписано в печать 07.01.88. М-36507. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 17,01. Тираж 4732 экз. Заказ № 263. Цена 1 р. 40 к. Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

И $\frac{0505010000-037}{076(02)-88}$ 23—88

ISBN 5—288—00022—0

© Издательство Ленинградского университета, 1988

СТОЛЕТИЮ
VII АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВВЕДЕНИЕ

Исторический факультет Ленинградского университета начинает публикацию серии сборников под общим названием «Славяно-русские древности». Первый выпуск посвящается столетию VII Археологического съезда, который был проведен в одном из древнейших русских городов Ярославле в августе 1887 года. Во время торжественного открытия съезда видный русский историк С. М. Шпилевский сказал: «Рядом со столицами, тремя университетскими городами и Тифлисом становится Ярославль... Он имеет достаточное количество ученых, сочувствующих археологии, и соседствует с Ростовом, в котором в последнее время восстановлено столько памятников древности». До Ярославля Археологические съезды в 1869—1884 гг. проходили в Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Тифлисе, Одессе. Это были представительные форумы русских ученых, краеведов, музейных работников. Они внесли существенный вклад в развитие отечественной исторической науки, музейное строительство, охрану памятников истории и культуры. Эти же вопросы обсуждались и сто лет назад в Ярославле. Председателем VII Археологического съезда был известный русский историк и археолог Иван Егорович Забелин. Уже в январе 1886 года в Москве был создан предварительный комитет, в состав которого вошли такие видные русские историки и археологи, как Д. И. Иловайский, А. А. Иностранцев, В. О. Ключевский, Н. Е. Бранденбург, И. И. Толстой, Н. П. Кондаков и ряд других. Среди них был и профессор Петербургского университета Н. И. Веселовский. Аналогичный комитет был организован и в Ярославле. Его председателем стал директор Демидовского юридического лицея С. М. Шпилевский. А в состав вошли известный поэт и историк Леонид Трефолев и местные краеведы А. А. Титов, В. И. Лествицын.

Вскоре была утверждена программа предстоящего съезда, а

также разработаны правила его проведения. Среди них были и любопытные. Так, например, пункт 21 гласил: «Председатель обязан остановить каждого члена Съезда, который в своей речи удалится от предмета обсуждения или уклонится от научной цели». А в пункте 25 было записано: «Ни один член не вправе говорить или читать более получаса...» Так устроители съезда стремились сразу создать его деловую и конструктивную атмосферу.

К съезду был подготовлен обширный перечень вопросов, которые предстояло обсудить и по мере возможности дать на них ответы.

И вот 5 августа 1887 года VII Археологический съезд был торжественно открыт. Во вступительном слове была сформулирована его основная задача. «Преимущественное назначение каждого съезда — изучение местных древних памятников и областной истории; для этого лучшие ученые силы со всей России соединяются с местными учеными и знатоками древности».

Проведение съезда именно в Ярославле, где его участников окружали многочисленные первоклассные памятники истории и культуры, безусловно, способствовало царившему на заседаниях творческому настрою.

На рабочих заседаниях съезда было заслушано множество докладов, касающихся истории и археологии в целом России и Ярославского края в частности. Проходили они в серьезной научной и заинтересованной обстановке и сопровождались дискуссиями. Съезд выступил с инициативой организовать Ярославское общество любителей археологии и этнографии и учредить музей. Его задачей должно было стать сохранение, собирание и изучение местных памятников древности, изучение областной истории, этнографическое изучение местного населения.

Делегаты съезда совершили поездки по историческим местам Ярославской губернии — они посетили Ростов, Романово-Борисоглебск (ныне Тутаев), Толгский монастырь. Были произведены также раскопки курганов на широко известном Тимеревском могильнике, о которых в протоколе съезда было сказано: «Раскопка была удачна и вскрытые курганы оказались весьма интересными».

Особое заседание съезда было посвящено анализу деятельности губернских ученых архивных комиссий и провинциальных музеев. Съездом был разработан проект положения для губернских и областных музеев. Они крайне интересны и вполне актуальны и в наше время. Так, музеи объявлялись общественным достоянием, научными центрами. Их основной целью должно быть ознакомление широких слоев населения с историей и создание сводов памятников архитектуры, археологии, искусства. В этом документе был также записан такой важный пункт, согласно которому местные власти обязаны содействовать музеям.

С тех пор прошло сто лет. За это время отечественная историческая наука достигла существенных успехов в изучении истории и археологии Древней Руси. В результате широких раскопок городов и поселений, погребальных комплексов накоплен новый значительный материал. В его свете появилась возможность по-новому рассматривать многие проблемы, пересмотреть, уточнить и углубить существующие представления и точки зрения. При этом, конечно, нельзя забывать и отбрасывать богатое историографическое наследие предшествующих поколений.

Так кратко можно сформулировать задачу серии, над которой начал работу авторский коллектив, представляющий ведущие историко-археологические центры нашей страны, включающие и вузовские коллективы и академические институты. В состав редакционной коллегии и авторов первого выпуска кроме историков Ленинградского университета входят сотрудники Московского университета, Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения, ученые из Киева, Сыктывкара. В дальнейшем планируется расширение авторского коллектива.

Первый сборник формулирует основные задачи дальнейших исследований, подводит определенные итоги достигнутого. Здесь рассмотрены проблемы происхождения и ранней истории славян. Из нее прямо вытекают и вопросы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы. Особое внимание в сборнике уделяется истории городов Руси и процессам градообразования, а также роли ранних городов во внешних и внутренних связях и в формировании древнерусской государственной структуры. И в этом плане невозможно переоценить значение таких ведущих древнерусских центров, как Ладога, Новгород, Киев, Ярославль, которым посвящены специальные работы. На конкретном археологическом и этнографическом материале рассматривается проблема взаимоотношений и взаимосвязей Руси и Скандинавии. Авторы вполне обоснованно исходят из тезиса об одинаковом уровне развития как древнерусского, так и скандинавского общества, об участии их как равноправных партнеров в исторических процессах, протекавших в Северной Европе в эпоху раннего средневековья.

Целая серия работ посвящена исследованию древностей финно-угорских племен в составе Древней Руси и конкретно Волго-Окскому междуречью.

Особым блоком в сборнике являются статьи, в которых рассматриваются исторические проблемы Южной Руси.

Следующие выпуски предполагается посвятить проблемам становления древнерусской государственности, народности, внешнеэкономическим связям, водным и сухопутным путям, вопросам, связанным с возникновением и становлением городов, ремеслам, духовной культуре Руси и многим другим вопросам.

Особое внимание будет уделено международному значению

русской культуры, ее влиянию как на ближайших соседей, так и на многие дальние страны и земли.

Начиная новую серию, редакционная коллегия полагает, что публикация проблемных, узловых и дискуссионных работ позволит продвинуть вперед решение многих проблем отечественной истории и археологии.

И. В. Дубов, А. Н. Кирпичников, И. Я. Фроянов

В. В. СЕДОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

Ретроспективный метод является самым надежным и оправданным в поисках и изучении славянских древностей ранней поры. Его правомерность в освещении не только древней истории и культуры славян, но и других этносов представляется неоспоримой. Метод этот основан на признании исторического развития племен и народов, их материальной и духовной культуры, быта, и исходит он из признания устойчивости этнографических признаков. Конечно, с течением времени последние в той или иной мере видоизменяются. Но поскольку в распоряжении археологии находятся не отрывочные, разрозненные данные, а целый комплекс материалов в пространственных и временных объемах, то эта наука предоставляет возможности исследователям судить в каждом конкретном случае о причинах тех или иных культурных трансформаций, — имеем ли мы дело с простой эволюцией культуры, или здесь имели место миграция или инфильтрация одного или нескольких этносов в среду местного населения, вытеснение аборигенного населения или смешение этносов, воздействие какой-то цивилизации и т. п. Поэтому, анализируя истоки важнейших и частных этнографических особенностей материальной и духовной культуры того или иного этноса или племени ретроспективным путем от достоверного, можно проследить их историю в глубь веков.

В некоторых работах, в частности лингвистических, можно встретить мысль о том, что археология изучает материальную культуру, а история последней не равнозначна этнической истории племени или племенных группировок. В этой связи этногенетические построения по археологическим данным представляются отдельным исследователям неоправданными.

Однако современная археология не является только историей материальной культуры. Археология изучает всякие следы деятельности человека, все стороны жизни человечества, в том

числе его идеологические представления, языческое мировоззрение, этнографические черты в погребальной и иной обрядности, в одежде, культах и т. п., т. е. такие явления, которые наряду с языком отчетливо характеризуют этнические и племенные общности.

На вопрос о соотношении археологической культуры и этноса нельзя дать однозначного ответа. Археологические культуры, выделенные на основе комплекса устойчивых и однотипных признаков, которые охватывают основные стороны материальной и духовной культуры и связаны с определенным ареалом в течение более или менее длительного времени, можно считать соответствующими этническим общностям. И это проверено наукой на основе сопоставления отдельных археологических культур с историческими свидетельствами, данными антропологии, топонимики, а иногда и диалектологии.

Однако в многовековой истории человечества имели место крупные и мелкие передвижения племен, вытеснения из конкретных регионов одних этносов другими, территориальные смешения двух или более племенных группировок. Этногенез был сложным историческим процессом, включающим и членение этноязыковых общностей, и их интеграцию, и формирование новых языковых группировок в результате различного взаимодействия между двумя или несколькими этносами и т. п.

Поэтому исследователям, занимающимся вопросами этногенеза того или иного народа, предстоит сначала выяснить, является ли та или иная конкретная археологическая культура (или группа близкородственных культур) моноэтничной или полиэтничной. Последние культуры выделяются прежде всего разнохарактерностью погребальной обрядности, многотипностью домостроительства, различием прочих элементов, в том числе керамического материала. Если моноэтничные археологические культуры, как правило, формируются на основе одной предшествующей культуры, то полиэтничные культуры обычно складываются в результате взаимодействия двух или нескольких неродственных культур.

Такова, в частности, черняховская культура, объединяющая в единое целое поселения с многоликим домостроительством, могильники с разнохарактерными погребениями, разнотипную лепную керамику и т. п. Формировалась эта культура не на единой основе, в ее сложении участвовали и остатки местного скифо-сарматского населения Северного Причерноморья, и германоязычное население, представленное на территории Белоруссии и Украины древностями типа Брест-Тришин-Дытыничи, и племен зарубинецкой и пшеворской культур, и гето-дакийское население Нижнего Подунавья. Представляется вполне очевидным, что в составе населения, оставившего черняховскую культуру, было несколько этносов.

Основная трудность археологов в изучении этногенеза и этнической истории различных языковых (и диалектных) общностей состоит, как нам представляется, в том, что некоторые археологические культуры из-за недостаточной изученности не имеют надежных признаков этнографического порядка, при их выделении были использованы особенности, обусловленные географической средой, или элементы, связанные с производственной деятельностью.

Переходя конкретно к славянскому этногенезу, прежде всего нужно отметить, что ныне древнейшими достоверно славянскими являются древности, относящиеся к началу средневековой поры. Археология фиксирует их не как адекватные на всей территории раннесредневекового славянского мира. Мысль о том, что если период VI—VII вв. н. э. относится еще к праславянскому языковому периоду, то все славяне должны быть едины в культурном отношении, явно ошибочна. Славяне на последнем этапе праславянского состояния не были монолитны ни в языковом, ни в культурном отношениях. Как показывают лексические данные, праславянский язык к началу средневековья членился на целый ряд диалектов.[1] Дифференциация славянских древностей, устанавливаемая археологами, скорее всего, в какой-то мере соответствует диалектно-племенному делению раннесредневекового славянства.

Славянские культуры V—VII вв. в отличие от провинциальноримских или некоторых синхронных древностей не содержат ярких специфических элементов. В частности, в это время славяне не пользовались какими-либо украшениями из цветных металлов, которые выделяли бы их среди соседних этнических группировок. Почти все изделия из цветных и черных металлов, встречаемые в памятниках славян начала средневековья, одинаковы с аналогичными изделиями из неславянских памятников. Славянские древности V—VII вв. вычленяются археологами среди прочих европейских лишь по специфической лепной керамике, по характеру домостроения и, в некоторой степени, по погребальной обрядности. Именно эти элементы славянской культуры позволяют исследователям наметить среди обширного ареала диалектно-племенные группировки славян V—VII вв.

Одна из крупных племенных группировок этого периода характеризуется керамикой типа Прага-Корчак. Основной формой ее были преимущественно высокие горшки с усеченно-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение их всегда приходится на верхнюю часть, орнаментация отсутствует.[2]

[1] Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря: Проблемы и задачи // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159—196.

[2] Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

Для славянского жилища раннего средневековья в целом весьма характерен следующий интерьер: постройки в плане близки к квадрату, отопительное устройство (печь или очаг) находится в углу, чаще — противоположном от входа. Сама постройка, как правило, срубная.[3] Такой интерьер был этнографичен для славянского домостроительства и был важным признаком при выделении славянских жилищ среди построек иных этносов.

Жилища с характерным славянским интерьером начала средневековья подразделяются на три вида. Области распространения их в общих чертах соответствуют ареалам типов лепной керамики, которые послужили основой дифференциации славянства на диалектно-племенные группы. Необходимо отметить, что также как изоглоссы или изолексемы внутри одного языкового массива имеют вполне самостоятельное распространение и диалектные области выделяются не по их границам, а по пучкам, так и в археологии отдельные культурные элементы, характерные для какой-либо конкретной племенной группировки, в какой-то части захватывают области соседних племенных объединений.

Славянской племенной группировке, выделяемой по глиняной посуде типа Прага-Корчак, были свойственны наземные постройки с полами, обычно деревянными, из плах или толстых досок, которые настилались непосредственно на дневной поверхности. В некоторых южных районах ареала керамики типа Прага-Корчак, в частности в районах Волыни и Припятского Полесья, примыкавших к зоне лесостепи, на поселениях обычны и полуземляночные жилища.

Ранними погребальными памятниками описываемой славянской диалектно-племенной группировки являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. Кремация умерших совершалась на стороне, остатки сожжения, собранные с погребального костра, помещались в неглубокие круглые или овальные в плане ямки. Захоронения, в основном, безурновые и безынвентарные.

Начиная с VI—VII вв. по всей области расселения описываемой славянской племенной группировки постепенно появляются курганные захоронения. Обряд погребения остается неизменным, только теперь для захоронений остатков кремации начали сооружать невысокие искусственные насыпи, округлые в плане. Зарождение курганного обряда в ареале славянской культуры, характеризуемой керамикой типа Прага-Корчак, самостоятельно и, по-видимому, было обусловлено какими-то идеологическими представлениями, языческими мотивами, пока неизвестными исследователям. В VIII—IX вв. курганный обряд вытесняет

[3] Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7.—12. Jahrhundert. Berlin, 1980.

прежний и господствует всюду в тех регионах, где расселились потомки славян, принадлежащих к первой диалектно-племенной группировке начала средневековой поры.

Эти славяне назывались своим именем. Историк VI в. Иордан в сочинении «Getica» сообщает, что в его время «многолюдное племя венетов» известно «под тремя именами: венетов, антов, склавенов». Им приводится и географическая локализация этих трех группировок. Территориальное распространение керамики типа Прага-Корчак дает основания утверждать, что посуда эта характеризует племенную группировку славян, которую Иордан именовал склавенами — славенами.

Они заселяли пространства, широкой полосой простирающиеся от верхней Эльбы на западе до среднего Днепра на востоке, включая области Среднего Подунавья, бассейны верхних течений Одры, Вислы и Днестра, а также Припятское Полесье до Киева.

Вторая диалектно-племенная группировка славянства V—VII вв. не знала курганного обряда захоронения вовсе. Культура ее прежде всего выделяется на основе своеобразной керамики. Ее составляют слабопрофилированные горшки с округлым туловом или биконические. Наибольшее расширение находится в средней части высоты их, горло и дно сужены и примерно равны по диаметрам. Такая глиняная посуда относится к типу Прага-Пеньковка или просто к пеньковскому типу.

Основным типом жилища этой славянской группировки были полуземлянки, в плане близкие к квадрату. Стены домов облицовывались деревом и имели срубную или столбовую конструкцию. Отопительные устройства занимали один из углов жилища.

Погребальными памятниками этой группировки славян являются грунтовые могильники. Есть основания полагать, что наряду с захоронениями по обряду кремации, здесь имел место и обряд трупоположения. В первое время это были еще немногочисленные захоронения, но постепенно процент ингумаций возрастал и к VIII в. в отдельных регионах трупоположения были господствующими в погребальной обрядности.

Древности V—VII вв. рассматриваемого облика в основном известны на юго-востоке раннесредневекового славянского мира от Нижнего Подунавья до бассейна Северского Донца. Это были районы, заселенные антами, которых упоминал не только Иордан, но их описывали и византийские авторы.

Б. А. Рыбаковым была аргументирована славянская принадлежность пальчатых фибул Днепровского региона.[4] И. Вернер показал, что такие фибулы были составной частью славянской

[4] Рыбаков Б. А. 1) Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 57—71; 2) Древние русы // СА. 1953. XVII. С. 23—104.

женской одежды.[5] Последующие их находки подтвердили справедливость этого, а картография отчетливо продемонстрировала, что пальчатые фибулы были характерны только для антской группы славянства. Их находки вне основного ареала антов отражают миграцию антского населения на запад в среднедунайские земли до Адриатики и на Балканский полуостров.

Третья диалектно-племенная группировка выделяется в северо-западной части славянского мира V—VII вв., в регионе, примыкающем к Балтике между нижними течениями Эльбы и Вислы. Своеобразные формы глиняной посуды, характерной для этой группировки, называются в археологической литературе суковско-дзедзицкой керамикой. Наземные срубные дома здесь имели внутри углубление, которое некоторыми исследователями ошибочно называется полуземлянками. В реальности эти углубления овальной, прямоугольной или неправильной формы занимали лишь срединную часть построек. В одних случаях в них устраивались отопительные устройства, в других они служили подпольями. Умерших хоронили по обряду кремации с последующим рассыпанием остатков сожжения непосредственно на поверхности в специальных местах — своеобразных могильниках. По-видимому, эту славянскую группировку можно сопоставлять с венедами Иордана.

В настоящее время выделяется и четвертая диалектно-племенная группировка славян начала средневековья, не зафиксированная синхронными письменными источниками, очевидно, в силу территориальной удаленности от византийского мира. Эта группировка локализуется в бассейнах рек, впадающих в озера Ильмень и Псковское. Наиболее яркими памятниками ее являются длинные курганы. Во всех деталях обрядности последние сопоставимы с курганами VI—VII вв. славянского населения Волыни, Прикарпатья и Повисленья. Однако зарождение курганного обряда в древней Новгородской земле было самостоятельным — эволюция обрядности от захоронений на специальных погребальных площадках к погребениям в курганных насыпях ныне прослежена в ряде местностей.

Славяне, расселившиеся в древней Новгородской земле, смешались с местным прибалтийско-финским населением. Поэтому среди керамического материала культуры длинных курганов есть и лепные горшки, сопоставимые с керамикой Прага-Корчак, и сосуды, обнаруживающие параллели в керамике лесной зоны Восточной Европы. Такая же картина наблюдается и в раннем домостроительстве Новгородско-Псковского региона.[6]

[5] Werner J. 1) Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150—172; 2) Neues zur Frage der slawishen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern // Germania. 1960. 38. S. 114—120.

[6] Седов В. В. Жилища словенско-кривичского региона VIII—X вв. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 10—15.

До недавнего времени немногочисленные металлические находки из ранних длинных курганов сопоставлялись только с вещевыми материалами из памятников Прибалтики. И. Вернер обратил внимание на то, что В-образная рифленая пряжка из кургана в Полибино на р. Ловати имеет не прибалтийские аналогии, а сопоставима со среднеевропейскими материалами середины I тыс. н. э.[7] Об этом же говорят и другие находки В-образных пряжек культуры длинных курганов. В настоящее время можно полагать, что пряжки и некоторые иные металлические предметы проникли в ареал ранних длинных курганов из Средней Европы. Это обстоятельство вместе с керамическими материалами и элементами домостроительства дают основание предполагать, что вся культура длинных курганов является результатом миграции какой-то части славян из Средней Европы в бассейны озер Ильмень и Псковского в середине I тыс. н. э.

Этот вывод находит подтверждение в наблюдениях лингвистики, полученных в последнее время на основе анализа новгородских берестяных грамот и материалов Псковского областного словаря. Оказывается, что древненовгородский диалект образовался очень рано и непосредственно из праславянского. Одним из существеннейших характеристик его является отсутствие эффекта второй палатализации.[8] Этот факт является свидетельством того, что славяне, расселившиеся в бассейне озер Ильмень и Псковского, какое-то время были отрезаны от основной массы славянства.

Поиски истоков вышеохарактеризованных культурных групп раннесредневекового славянства показывают, что в предшествующее время в Европе не обнаруживается такой археологической культуры или нескольких таковых, из которых они могли бы эволюционировать. Важнейшие признаки славянских древностей начала средневековья — лепная керамика, домостроительство и погребальная обрядность — могут лишь восходить к соответствующим элементам, наличествующим в провинциально-римских культурах Повисленья и Днестро-Днепровского междуречья. Поскольку в целом между последними и раннесредневековыми славянскими наблюдается значительное различие, говорить о простом генезисе здесь не приходится. Конечная ста-

[7] Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.—6. Jahrhundert // Beitrage zur Ur- und Frühgeschichte. Bd 1. Berlin, 1981. S. 700.

[8] Глускина С. М. 1) О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке: На материале северо-западных говоров // Псковские говоры. Псков, 1968. Т. 2. С. 21—28; 2) Фонетические особенности древнепсковского диалекта: По данным картотеки Псковского областного словаря // Археология и история Пскова и Псковской земли / Под ред. В. В. Седова. Псков, 1982. С. 27—31; Зализняк А. А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 61—80; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 годов. М., 1985. С. 111—119, 217, 218.

дия провинциальноримских культур названных выше территорий — пшеворской и черняховской — совпадает с крушением Римской империи и «великим переселением народов». Нужно полагать, что в это время прекратили функционирование основные ремесленные центры, снабжавшие население пшеворской и черняховской культур гончарной керамикой и прочими изделиями, и имел место значительный отлив населения в различные области Европы. Эта миграция в значительной степени затронула зарождающееся княжеско-дружинное сословие и ремесленников. Славянские культуры начала средневековья ведут свое происхождение, таким образом, не от пшеворской и черняховской культур в целом, а от культуры населения, не покинувшего мест обитания в эпоху «великого переселения народов». Это было, прежде всего, земледельческое население пшеворской и черняховской культур.

Ретроспективный анализ славянских древностей от раннесредневековых в глубь веков и тысячелетий произведен был в книге «Происхождение и ранняя история славян».[9] Было показано, что на территории пшеворской и черняховской культур выделяются регионы — Висленский в первой и Подольско-Днепровский во второй, в которых преобладающим было славянское население.

Недавно И. П. Русанова предприняла успешную попытку вычленения славянских и германских древностей в некоторых конкретных могильниках и поселениях пшеворской культуры.[10]

Специально славяно-кельтским отношениям был посвящен наш доклад на IX Международном съезде славистов.[11] Одна группа кельтов, переселившись из Среднего Подунавья, оседает в Силезии, другая занимает верхнее течение Вислы. Первоначально между кельтами и населением междуречья Вислы и Одры устанавливаются культурно-торговые контакты, а со II в. до н. э. ощущается всестороннее воздействие кельтов на пшеворскую культуру. Обнаруживаются следы инфильтрации кельтов и смешения последних со славянами. Славянское железоделательное и железообрабатывающее ремесла, гончарство, земледелие развивались в условиях воздействия кельтской культуры. Более того, в последнее время оказалось, что культовые постройки северо-западной (венедской) части раннесредневековых славян ведут происхождение от храмового строительства кельтов Средней Европы.

Имеются еще некоторые косвенные подтверждения того, что

[9] Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

[10] Русанова И. П. Компоненты пшеворской культуры // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 43—46.

[11] Седов В. В. Славяне и кельты // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 97—107.

славяне были знакомы с провинциальноримскими культурными традициями. В научной литературе неоднократно указывалось на их связи с раннесредневековой славянской культурой, выявляемые в деталях оборонительных конструкций и в керамическом материале. Х.-Й. Фогт недавно показал, что и ремесленную деятельность славянства, расселившегося между Эльбой и Одрой, нельзя рассматривать вне связи с культурами периферийных областей римской цивилизации. В частности, токарный станок славян VI—VII вв. является бесспорным наследием провинциальноримской культуры, в данном случае пшеворской.[12] Греческий ученый Ф. Малингудис в докладе «Славяне на Пелопоннесе», прочитанном в Институте славяноведения и балканистики АН СССР весной 1986 г., показал, что славяне, поселившиеся в VI в. н. э. в южных районах Греции, были, прежде всего, земледельцами, хорошо знакомыми с сельскохозяйственной техникой провинциальноримских земель.

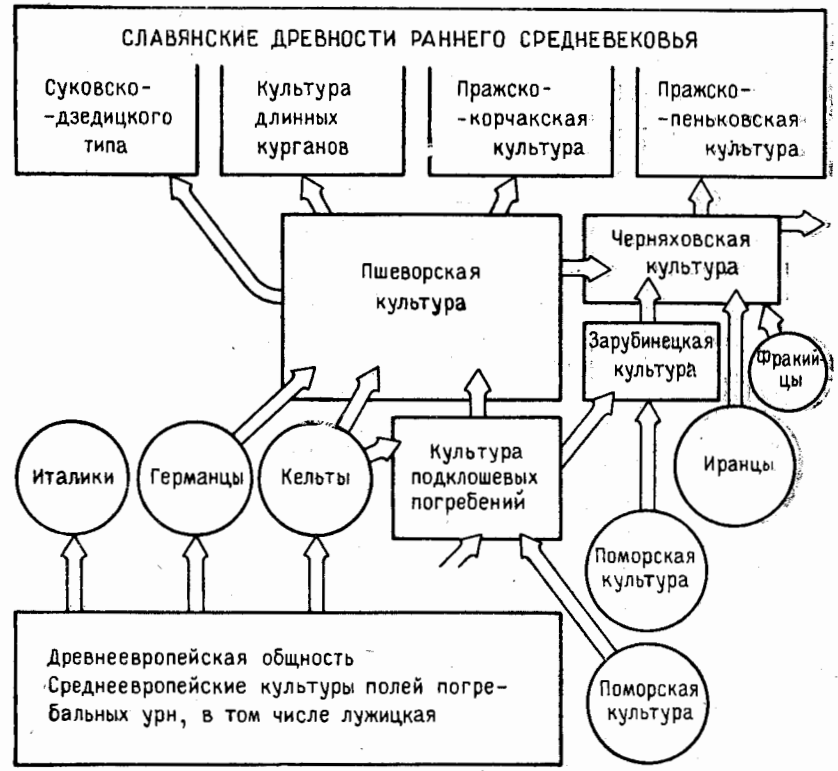


Таблица. Схема эволюции славянских древностей.

[12] Фогт Х.-Й. К развитию токарного ремесла по дереву у северо-западных славян // Тезисы докладов делегации ГДР на IV Международном конгрессе славянской археологии. Берлин, 1980. С. 69—72.

Схему этногенеза славян на современном этапе, по мнению автора настоящей статьи, отражает таблица.

Существенные разработки проблемы славянского этногенеза по лингвистическим материалам в последнее время выполнены О. Н. Трубачевым.[13] Он утверждает, что славянская прародина была весьма подвижной территорией, которая то расширялась, то уменьшалась, а в отдельных случаях внутри нее имело место сосуществование (наряду со славянским) и иных этносов. Локализуется древнейший регион славян этим исследователем на Среднем Дунае, где славяне первоначально контактировали с праиталиками и иллирийцами. Миграция кельтов в среднедунайские земли заставила славян продвинуться к северу от Карпат, в том числе они заселили и Повисленье. Здесь в эпоху раннего железа начинается их сближение с балтами. К этому же времени относится и установление контактов славян с ираноязычными племенами Северного Причерноморья.

Эти представления О. Н. Трубачева о славянском этногенезе в общих чертах сопоставимы с изложенной выше точкой зрения, за исключением локализации древнейших славян в Среднем Подунавье. Археология не дает каких-либо материалов в пользу этого. По-видимому, в лингвистических построениях О. Н. Трубачева, касающихся весьма отдаленной древности, речь должна идти о каком-то среднедунайском диалекте древнеевропейского языка, носители которого после переселения к северу от Карпат приняли участие в формировании праславянского языка. Только при таком предположении можно согласовать археологические результаты по этногенезу славян с лингвистическими построениями.

Среди археологов имеются исследователи, которые не верят в то, что славяне составляли часть населения, оставившего провинциальноримские культуры. Наиболее последовательно эту точку зрения в последние годы отстаивает К. Годловский.[14] Сосредоточивая внимание на том, что славянские культуры V—VII вв. по сравнению с провинциальноримскими — пшеворской и черняховской — выглядят довольно примитивно, этот исследователь считает невероятным генезис раннесредневековых славянских культур из провинциальноримских. Об этом, по его представлениям, говорит не только целостное сопоставление материальной культуры римского времени и начала средневековья, но и различия в общественных отношениях. В этой связи К. Годловский полагает, что славянские древности первой половины I тыс. н. э. нужно искать среди археологических культур, не затронутых римской цивилизацией, где-то в лесной зоне Восточной Европы.

Это — не новая точка зрения. Ее придерживались многие исследователи, в частности И. Вернер и П. Н. Третьяков в последних своих работах. Согласно этому мнению, в римское время области Повисленья и Северного Причерноморья занимали германские племена. Славяне — племена зарубинецкой культуры — вынуждены были отойти в лесные области Восточной Европы.

К. Годловский, исходя из общего отличия пшеворской и черняховской культур от раннесредневековых славянских, рассматривает эти провинциальноримские древности (наряду с вельбаро-цецельскими) как восточногерманские. Славяне в первой половине I тыс. н. э. представлены позднезарубинецкой культурой, распространенной в Верхнем Поднепровье севернее Киева. По уровню социально-экономического развития и общему облику она близка к славянским раннесредневековым культурам.

И только когда германцы в V в. н. э. ушли с территории Северного Причерноморья и Повисленья, началась активная миграция славянского населения в эти пустующие земли, а также далее на запад до Эльбы и на юго-запад в Подунавье и на Балканский полуостров.

Для утверждения большей древности восточноевропейских славянских древностей по сравнению с висло-эльбским регионом К. Годловский картографировал вещевые находки V в. Оказалось, что все они обнаружены в восточноевропейских культурах — корчакской, пеньковской, колочинской, тушемлинской и культуре длинных курганов, которые все и причисляются к славянским. В западнославянских и южнославянских землях, как утверждает К. Годловский, наиболее ранние датирующие находки относятся к VI ст.

Однако возникает вопрос — связаны ли генетически все названные восточноевропейские культуры третьей четверти I тыс. н. э. с позднезарубинецкой. Ни культура длинных курганов, ни тушемлинская никак не могут быть выведены из позднезарубинецкой. Их домостроительство и керамика принадлежат к иным типам, не сопоставимым с зарубинецкими. Жилища поселений типа Корчак и Пеньковки также существенно отличны от зарубинецких. Позднезарубинецкие жилища как и раннесредневековые славянские являются, правда, полуземляночными, но интерьер их явно не славянский, а наличие центрального опорного столба отличает позднезарубинецкие полуземлянки от славянских и по конструктивным особенностям. Да и лепная керамика типа Прага-Корчак никак не может быть производна от позднезарубинецкой глиняной посуды.

Заметный вклад в изучение проблемы славянского этногенеза внесен в последние годы украинскими археологами. Прежде

[13] Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 231—270.

[14] Godłowski K. 1) Z badan nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e. Kraków, 1979; 2) Zur Frage der Slawensitze vor der grossen Slawenwanderung im 6. Jahrhundert // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medicevo. XXX. Spoleto, 1983. S. 257—284.

всего, это относится к значительному пополнению фонда археологических источников, полученного в результате активных полевых изысканий. Что касается разрешения коренных вопросов этногенеза славян, то здесь серьезного продвижения вперед не намечается, что в значительной степени обусловлено тем, что в своих построениях эти исследователи опираются преимущественно на археологические материалы современной территории Украины, а только на них серьезных и убедительных решений получить не удастся.

В докладе В. Д. Барана, предназначенном для IX Международного съезда славистов,[15] в основу этногенетических построений был положен тезис о полуземляночных жилищах как основном культурно-определяющем факторе славянства. Славянские культуры раннего средневековья — пражская, пеньковская и колочинская — характеризуются полуземлянками и, следовательно, славянам более ранней поры, по мысли В. Д. Барана, должны быть свойственны тоже полуземляночные жилища. Последние на территории Украины выявлены на части поселений черняховской культуры, на памятниках колочинского и киевского типа. Значит эти древности и следует считать славянскими для первой половины I тыс. н. э. В более западных областях Европы, в частности, в междуречьи Вислы и Одры, в бассейне Дуная, славяне расселились только в VI—VII вв., о чем свидетельствует появление в этих землях полуземляночных построек.

В этом докладе самым существенным является выявление надежных связей между черняховскими и пражскими древностями. В. Д. Бараном исследовано поселение Теремцы, являющееся переходным памятником между этими культурами. Основывать же этногенетическое построение на существовании полуземлянок, не обращая внимания на их конструктивные особенности и интерьер, просто нельзя. Ошибочно полагать, что жилищами-полуземлянками пользовались только славяне, так как они известны и в памятниках других этносов, в том числе и в Средней Европе. С другой стороны, нельзя забывать, что в раннем средневековье славянский мир широко пользовался и наземными домами.

В последних работах украинские археологи указывают на истоки формирования раннесредневековых славянских культур в определенных группах пшеворской и черняховской культур, а также в культуре киевского типа. Однако полагают, что это касается только славянских древностей Украины. Славянские древности начала средневековья на территории от Вислы до Одры развивались самостоятельно, независимо от миграций славян.[16]

Вопросы славянского этногенеза разрабатывались и И. Геррманом.[17] По мнению этого ученого, в позднеримское время славяне представлены рипневской группой черняховской культуры, иголомской, пшеворской, добродзенской и нижнесилезской культурными группами. В более раннее время славянам принадлежала пшеворская культура в бассейне Вислы и зарубинецкая в Припятском Полесье. Из этих регионов и происходило широкое славянское расселение в VI—VII вв. Верхнее Поднепровье, бассейны Немана и Западной Двины были территорией расселения балтов.

Весьма своеобразно представляет себе этногенез славянства чешский археолог З. Ваня.[18] Выявляя массу противоречивых мнений в историко-археологической и лингвистической литературе о происхождении славян, исследователь предлагает начинать историю этого этноса с VI в. н. э. Только с этого времени можно говорить о цельной языковой и культурной массе славян, как о самостоятельном этносе индоевропейцев. До этого времени шел процесс интеграции славян и их языка в балто-германо-иранской сфере. Формирование славян протекало на стыке трех археологических культур — в восточной части пшеворской, северо-западной части черняховской и южной части зарубинецкой. Исчезновение этих культур в IV—V вв. соответствует завершению процесса интеграции славян.

Собственно славяне (склавины письменных источников), по мнению З. Вани, представлены пражско-корчакской культурой. Ее отростком на северо-западе была суковская группировка, на юго-востоке формируется пеньковская культура, отражающая славянизацию антов, а на северо-востоке — культура типа Тушемли-Колочина, сложившаяся в условиях славянизации днепровских балтов.

Мысль З. Вани о сложении славян только в VI в. н. э. противоречит языковым материалам, отчетливо свидетельствующим о том, что славянский язык к началу средневековья находился на поздней стадии своего развития, накануне его дифференциации на отдельные, самостоятельные языки. Не отвечает эта мысль и археологическим представлениям о формировании этносов.

---

[15] Баран В. Д. Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя за новыми археологічними даними // IX Міжнародний з'їзд славістів. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Доповіді. Київ, 1983. С. 165—179.

[16] Этнокультурная карта территории Украинской ССР в 1 тысячелетии н. э. Киев, 1985.

[17] Herrmann J. Wanderungen und Landnahme im westslawischen Gebiet // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medicevo, XXX. Spoleto, 1983. S. 75—101.

[18] Vana Z. 1) Poznamky k etnogenezi a diferenciaci Slovanu z hlediska poznatku archeologie a jazykovedy // Pamatky archeologicke. LXXI. Praha, 1980. S. 225—237; 2) Der Ursprung der Slawen im Lichte der Sprachwissenschaft und Archäologie // Antropologie. XIX—2. Praha, 1981. S. 161—164.

В археологической литературе продолжает бытовать положение, весьма распространенное в середине XX в., о том, что славянами до середины I тыс. н. э. были племена пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур, а в еще более раннее время население, представленное иными археологическими культурами и проживавшее на той же территории.

Так, Б. А. Рыбаков начинает праславянский период с XV в. до н. э. (вслед за Б. В. Горнунгом) и выделяет несколько этапов его развития.[19] Первый из них соответствует тшинецко-комаровской культуре (XV—XII вв. до н. э.). Область ее распространения была, по мнению этого исследователя, «первичным местом объединения и формирования впервые отпочковавшихся праславян... Эта область может быть обозначена несколько туманным словом „прародина"».[20] Как известно, ареал тшинецко-комаровской культуры простирается от Одры на западе до левобережной части Среднего Поднепровья на востоке.

Второй этап этногенеза славян именуется Б. А. Рыбаковым лужицко-скифским (XI—III вв. до н. э.). Славяне в это время были носителями разнохарактерных культур — лужицкой, белогрудовской, чернолесской и скифской лесостепной. Следующий этап представлен пшеворской и зарубинецкой культурами (II в. до н. э. — II в. н. э.), а четвертый — пшеворской и черняховской (II—IV вв. н. э.). Последний, пятый этап относится к раннему средневековью.

Принадлежность славянам всех этих археологических культур определяется тем, что ареалы их в целом вписываются в одно и то же пространство от Днепра до Одры — карта славянской археологической культуры VI—VII вв. в значительной мере совпадает с картами предшествующих культур, вплоть до тшинецко-комаровской.

Намечаемые пять культурных этапов не обнаруживают полной преемственности, но, по мнению Б. А. Рыбакова, она не обязательна. О применении ретроспективного метода в этногенетических исследованиях сказано выше. Здесь следует добавить, что этот метод учитывает, а не игнорирует и скачки в развитии культуры на определенных этапах, и влияния более развитых цивилизаций, и изменения в устойчивых этнографических признаках, и многое другое.

Гипотеза Б. А. Рыбакова покоится на ничем не оправданном положении, что славяне на протяжении двух тысячелетий должны были жить на одной территории и только в средневековье они стали расселяться на более широких пространствах. В действительности историческая обстановка в Европе в эпоху первобытности была более сложной. Нам хорошо известна широкая экспансия кельтов, многочисленные передвижения германских племен, миграции ираноязычного населения в Северном Причерноморье и т. п. Вряд ли этногенез германцев, или кельтов, или сарматов, или финно-угров можно решить методом, предложенным Б. А. Рыбаковым. Никаких оснований для утверждения, что только славянский регион в Европе на протяжении 2000 лет оставался стабильным, у нас нет.

Согласно представлениям В. Гензеля, в III и II тыс. до н. э. существовала в Европе балто-славянская этноязыковая общность. Балто-славяне заселяли территорию между Вислой и Средним Днепром, при этом будущим славянам (протославянам) принадлежала ее южная часть. Праславяне сформировались в период между IX и VII вв. до н. э. в условиях взаимодействия между протославянами и иллирийцами — племенами лужицкой культуры. Это произошло в регионе, включающем бассейны верхней и средней Вислы и Припятского Полесья. Границы праславянской территории не оставались стабильными, внутрь ее проникали различные этнические группировки. На рубеже нашей эры славянам принадлежали пшеворская, оксывская и зарубинецкая культуры.[21]

Построения В. Гензеля следует рассматривать как гипотезу исследователя, ищущего и разрабатывающего пути раннего этногенеза славян. Этому археологу принадлежит идея о необходимости создания специальной науки этногенезологии, которая бы синтезировала данные и результаты исследований всех наук, разрабатывающих вопросы этногенеза и глоттогенеза. Нужна специальная подготовка среди студенчества иследователей-этногенезологов.

Новейшие работы по славянскому этногенезу свидетельствуют, что в настоящее время в археологии ведутся активные поиски путей и методов изучения происхождения и ранней истории славян и есть основания надеяться, что эта проблема постепенно становится все более отчетливой.

[19] Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 214—230.
[20] Там же. С. 221.
[21] Hensel W. Skad przysli slovianie. Wroclaw, 1984.

Е. Н. НОСОВ

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СВЕТЕ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА

В настоящее время общепризнанно, что земледелие стало основным занятием восточных славян задолго до образования Киевского государства.[1] Накануне расселения в лесной зоне Восточной Европы славяне представляли собой народ с древни-

[1] Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 52.

ми традициями земледелия, причем знакомый с земледелием не только подсечным, но и пашенным. В пользу этого убедительно свидетельствуют данные сравнительного языкознания. «Общеславянская сельскохозяйственная лексика, — отмечал Ф. П. Филин, — в целом резко отличается от соответствующей лексики других индоевропейских языков, представляя собою своеобразный и неповторимый комплекс».[2] Общеславянскими являются термины «орати» (пахать), жать, рало-радло, как и работающий с этим пахотным орудием ратай. То же касается названий важнейших зерновых культур — просо, ячмень, пшеница, рожь, овес, жито (общее название зерновых), технических и огородных культур — лен, конопля, репа, редька, морковь, лук и т. д.[3] Сообщения древнейших письменных источников о славянах и археологические материалы подтверждают выводы о земледельческом характере их экономики.[4]

Славяне, продвигавшиеся в лесную зону Восточной Европы, были носителями, сравнительно с аборигенным населением, более высокой земледельческой культуры. Успех их продвижения, как отмечал Х. А. Моора, был обусловлен тем, что «более совершенные способы и орудия земледелия и вообще более высокий уровень развития производительных сил давали славянам явный перевес над местными племенами. Обладая соответственно и более развитой общественной организацией, славяне в дальнейшем постепенно ассимилировали коренное население».[5]

Систематизируя сельскохозяйственный и некоторые виды бытового инвентаря I тыс. н. э., найденного на территории Восточной Европы, и сравнивая его с аналогичным западноевропейским материалом, Р. С. Минасян выявил комплекс, который, по его мнению, с VI—VII вв. характеризовал только славянскую культуру. Он сложился в VI—VII вв. на славянских памятниках Юго-Восточной и Восточной (Молдавия и Правобережная Украина) Европы и в дальнейшем распространился вместе со славянским населением по обширной территории. Этот комплекс состоит из наконечников пахотных орудий, серпов с отогнутой рукояткой так называемого древнерусского типа, жерновов от ручных мельниц, маленьких втульчатых мотыжек-тесел, кос-горбуш, ножей с волютообразным навершием, особых типов ножей в кожаных ножнах, калачевидных кресал, ведерок с железными дужками и обручами, двушипных наконечников стрел. Появление элементов данного комплекса на поселениях лесной зоны является важным свидетельством появления там славян.[6]

В третьей четверти I тыс. н. э. на территориях Верхнего Поднепровья и Подвинья, занятых ранее группировками восточных балтов, распространяются памятники типа верхнего слоя Тушемли-Акатова-Банцеровщины. В значительной части они формируются на базе культур предшествующего времени, но, вместе с тем, при их изучении исследователи фиксируют ряд новых явлений и культурных элементов, которые, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к пониманию процессов, проходивших во второй половине I тыс. н. э. в более северных землях, в бассейнах Ильменского и Чудского озер.

Население Верхнего Поднепровья и Подвинья к середине I тыс. н. э., а если более конкретно, то, как установил Е. А. Шмидт, к началу IV в.[7] перешло к жизни на открытых поселениях, что было вызвано внутренними социально-экономическими процессами развития местного общества. В середине I тыс. н. э. начинают вновь возводиться городища-убежища (при этом часто используются заброшенные ранее городища), куда население может укрыться в моменты военной опасности. Такие убежища строятся в связи с внешней угрозой.[8] Поскольку речь идет о древностях глухого лесного района, то следует признать появление здесь в середине I тыс. н. э. не эпизодической, а постоянной внешней военной опасности, активного давления на балтские племена лесной зоны. Судьба городков-убежищ известна — почти все они погибли во время пожаров в конце VII—начале VIII в.[9] Не без оснований П. Н. Третьяков предположил, что строительство укрепленных убежищ было вызвано продвижением славян.[10]

На ряде поселений Верхнего Поднепровья и Подвинья, наряду с характерными для балтов наземными большими столбовыми домами, появляются (начиная, видимо, с VI в.) типичные для славян полуземлянки и срубные наземные дома с печа-

---

[2] Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 114.

[3] Там же. С. 112—114; Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. С. 25, 57; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 25.

[4] Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. 1968. № 152. Л., С. 134 и сл.: Седов В. В. 1) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 58; 2) Восточные славяне в VI—VIII вв. М., 1982. С. 236 и сл.

[5] Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа / Под ред. Х. А. Моора. Таллин, 1956. С. 106.

[6] Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 26.

[7] Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в 1 тысячелетии н. э.: Автореф. докт. дис. М., 1975. С. 13.

[8] Там же. С. 14; Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи / Под ред. Ю. В. Кухаренко. М., 1970. С. 63 и сл.

[9] Шмидт Е. А. 1) Археологические памятники Смоленской области: С древнейших времен до VIII века н. э. Смоленск, 1976. С. 34; 2) О культуре городищ-убежищ... С. 63 и сл.

[10] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 62.

ми-каменками в углах.[11] Особенно яркую картину дают селища, раскопанные в западной части распространения памятников типа Тушемли-Банцеровщины, в частности, исследованные А. Г. Митрофановым поселения Дедиловичи и Городище.[12] В ряде мест выявлены постройки, сочетающие, по мнению В. В. Седова, славянские и балтские черты.[13]

В верхнем слое городища Тушемля найден жернов.[14] Это не случайный факт. Жернова также обнаружены на городище-убежище Городок и на селище Дедиловичи в слое с керамикой верхнетушемлинского облика.[15] Жернова, как мы отмечали, входят в выделенный Р. С. Минасяном специфический комплекс именно славянского сельскохозяйственного инвентаря, в то время как балты и финно-угры использовали зернотерки. Заслуживает внимания то, что один из жерновов происходит с селища Дедиловичи, для которого характерны четырехугольные постройки с печами-каменками в углах. Открытие таких построек и дало основания В. В. Седову заключить, что «славянский компонент на этом поселении составлял значительный процент».[16]

В VI в. выделяется особый верхнеднепровский очаг художественной металлообработки, сформировавшийся «в непосредственном контакте с ремеслом Среднего Подунавья».[17] Как этот факт, так и появление среди памятников третьей четверти I тыс. н. э. еще целого ряда находок (ножи с волютообразными завершениями рукоятей, железные шпоры с острым коническим шипом, втульчатые двушипные наконечники стрел и т. д.) отражают славянское проникновение в рассматриваемые районы.[18]

И, наконец, погребальный обряд населения в третьей четверти I тыс. н. э. — трупосожжение на стороне, с последующим помещением остатков сожжения в грунтовые ямки чрезвычайно близок погребальному обряду, известному для бесспорно славянских археологических культур. Это признается всеми исследователями, обращающимися к изучению данной темы, хотя оценивается по-разному, в зависимости от их общих взглядов на вопросы соотношения славянских и балтских древностей в Верхнем Поднепровье в I тыс. н. э.[19] В целом ряде пунктов зафиксирован переход от грунтовых захоронений к курганному обряду погребения. В. Б. Перхавко даже выделяет особый атокинский вариант банцеровской культуры, для которого были характерны именно курганы.[20] Подобные изменения в погребальном обряде в третьей четверти I тыс. н. э. происходили и во всех районах славянского мира.[21]

Давая общую оценку изученности славянских древностей середины I тыс. н. э., В. Д. Баран пришел к выводу, что в настоящее время можно «усомниться в правильности мнения об исключительно балтской принадлежности памятников V—VI вв. Верхнего Поднепровья. Это было скорее всего смешанное население, в материальной культуре которого наметились тенденции славянизации». Верхнеднепровскую группу памятников третьей четверти I тыс. н. э., по мнению В. Д. Барана, следует «рассматривать в процессе ее сложения, наслоения славянских элементов культуры на балтский субстрат».[22] Близких взглядов придерживается Р. В. Терпиловский, полагающий, что изменения в облике балтских культур Средней Белоруссии и Днепро-Двинского междуречья происходили в середине I тыс. н. э. в результате первой волны славянской колонизации лесной зоны (ее следует связывать с расселением носителей киевской или колочинской культур).[23]

На территории бассейнов Ильменского и Чудского озер славяне впервые столкнулись с финно-угорским населением. По данным языковедов, древнейшие восточнославянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят, скорее всего, к VII в.[24] К эпохе славянского расселения на Северо-Западе относятся две археологические культуры — длинных курганов и сопок. Попытки исследователей (И. И. Ляпушкин, Г. С. Лебедев) выделить некую противостоящую им группу древностей пока так и не увенчались успехом.[25]

---

[11] Седов В. В. Восточные славяне... С. 39, 40.

[12] Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Минск, 1978. С. 89—99, 130, 131, 133, 134, 137, 138. Рис. 38, 40, 41, 44—46.

[13] Седов В. В. Восточные славяне... С. 40.

[14] Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 16, 68. Рис. 28.

[15] Там же. С. 101; Митрофанов А. Г. Железный век... С. 115.

[16] Седов В. В. Восточные славяне... С. 40.

[17] Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. С. 73, 74.

[18] Седов В. В. Восточные славяне... С. 40.

[19] Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории / Под ред. В. Г. Ревуненкова. Л., 1967. С. 57; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. С. 63; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 79—84; Седов В. В. Восточные славяне... С. 54; Баран В. Д. Славяне в середине I тысячелетия н. э. // Проблемы этногенеза славян / Под ред. В. Д. Барана. Киев, 1978. С. 15.

[20] Русанова И. П. Славянские древности... С. 80, 84; Митрофанов А. Г. 1) Железный век... С. 120, 121; 2) Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э.— IX в. н. э.) // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии /Под ред. Э. С. Мугуревича. Рига, 1980. С. 109; Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V—VIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1978. С. 10, 11, 19.

[21] Русанова И. П. Славянские древности... С. 43, 44; Седов В. В. Восточные славяне... С. 18, 54.

[22] Баран В. Д. Славяне в середине 1 тысячелетия н. э. С. 29.

[23] Этнокультурная карта территории Украинской ССР в 1 тыс. н. э. Киев, 1985. С. 98.

[24] Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 205.

[25] Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли: К вопросу о славянском расселении // НИС. Вып. 1 (11). Л., 1982. С. 52 и сл.

Основной областью распространения длинных курганов псковско-новгородской группы являются бассейны р. Великой и Псковского озера, верховья рек Плюссы и Западной Двины.[26] В последние годы значительное число новых пунктов открыто в верховьях р. Луги, в бассейне среднего течения р. Мсты и левых притоков р. Мологи, что расширяет в восточном направлении территорию плотного распространения культуры длинных курганов.[27] Можно говорить о едином пласте памятников, простирающемся по всей лесной зоне, — от бассейна Чудского озера на западе до левых притоков р. Мологи на востоке и от верхнего течения р. Луги на севере до бассейна р. Западной Двины на юге.

Сопки известны, главным образом, в бассейне оз. Ильмень (по рекам Шелони, Ловати, Поле, Мсте), а также в Поволховье, в верховьях р. Луги и частично р. Мологи (верховья и левые притоки).[28] Таким образом, ареалы длинных курганов и сопок располагались не рядом друг с другом, как обычно считалось в литературе,[29] а совмещались в ильменском бассейне и сопредельных районах, то есть на части территории длинных курганов псковско-новгородской группы.

Чрезвычайно важен вопрос о том, как соотносятся длинные курганы и сопки в зоне их совмещения. Прежде всего, при сравнении карт распространения памятников, бросается в глаза, что в своей массе могильники культуры длинных курганов тяготеют к берегам озер и небольших рек Валдайской и Тихвинской гряд Валдайской возвышенности и их нет на Ильмень-Волховской низменности (в бассейне р. Шелони, в частности, не известно ни одного пункта). В то же время берега Шелони, Ловати, Полы, Мсты, Волхова — это наиболее типичные места размещения сопок, хотя последние есть и в районах распространения длинных курганов. Намечаются и более дробные территориальные отличия.

Указанные факты получают объяснения при сопоставлении ландшафтной приуроченности памятников. Исследователи неоднократно отмечали различия в топографии сопок и длинных курганов, однако только в 70-е годы А. М. Микляев, основываясь на материалах широких археологических обследований в Верхнем Подвинье, привлек серьезное внимание ученых к этому вопросу. Почти одновременно близкие наблюдения над расположением памятников второй половины I тыс. н. э. были сделаны исследователями, проводившими работы в Приильменье и в Верхнем Полужье. При этом следует подчеркнуть, что расположение могильников отражает размещение в тех же ландшафтных условиях связанных с ними поселений, иначе говоря, отражает тяготение населения к тем или иным природным зонам.[30]

Могильники и поселения культуры длинных курганов приурочены преимущественно к волнистым озерно-ледниковым равнинам, сложенным песком. Господствующими типами почв здесь являются дерново-подзолистые железистые почвы. Основной тип растительности — сосновые леса. При этом следует иметь в виду, что в древности характер растительности здесь мог быть несколько иным. Эстонские ботаники, в частности, полагают, что в юго-восточной Эстонии на легких песчаных почвах прежде преобладали сосново-дубовые смешанные леса с лещиной в кустарниковом ярусе и богатым видами травяным ярусом, характерным для ширсколиственных лесов, и лишь под воздействием человека, вследствие подсечной системы земледелия, почвенные условия намного ухудшились и на этих территориях развились различные типы современных сосновых боров.[31]

Области наибольшей концентрации сопок находятся в пределах холмисто-моренного рельефа, в хорошо разработанных долинах рек, где развиты дерново-карбонатные выщелоченные почвы, сочетающиеся с дерново-подзолистыми. В прошлом на этих местах были хорошо представлены сложные еловые леса с участием широколиственных пород — дуба, липы, клена.[32] Особо подчеркнем, что население культуры сопок могло вести хозяйственную деятельность не только на почвах легкого механического состава, но и на дерново-карбонатных почвах сложного механического состава, которые, с одной стороны, являются наиболее плодородными, но, с другой стороны, крайне трудны для обработки. Такой район — это территория, примыкающая с юго-запада к оз. Ильмень близ с. Коростынь и к долине р. Шелони. Плодородные земли здесь считались особенно трудными для обработки даже в эпоху позднего средневековья,[33] но именно здесь находится скопление групп сопок.[34]

---

[26] Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8. М., 1974. Табл. I.

[27] Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины 1 тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. 1981. № 1. С. 48; карта.

[28] Седов В. В. Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1-8. М., 1970. Табл. 1.

[29] Седов В. В. Длинные курганы... С. 11.

[30] Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада / Под ред. В. М. Массона. Л., 1985. С. 20. — В статье указаны и работы А. М. Микляева по данной теме.

[31] Ласимер Л. Р. Об истории антропогенных растительных сообществ на территории Эстонии // Человек, растительность и почва / Под ред. Ю. А. Курвитса. Тарту, 1983. С. 17—19.

[32] Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада... С. 20—21.

[33] Жекулин В. С. Историческая география. Предмет и методы. Л., 1982. С. 120, 121.

[34] Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада... С. 21; Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 40, 41. Рис. 1.

Наряду с районами «классических» ландшафтов, характерных для памятников культур сопок и длинных курганов, встречаются районы со сложными ландшафтами и большими почвенными разностями, но и здесь рассматриваемые древности размещены в противоположных условиях.

Размещение в разных ландшафтах отражает различия в хозяйственной специализации обитателей поселков, а если быть точнее, — характер земледелия и его соотношение со скотоводством. Именно поэтому, прежде чем рассмотреть структуру хозяйства населения культур сопок и длинных курганов, необходимо коротко остановиться на общей типологии древних систем земледелия в лесной зоне Восточной Европы. Существовало три таких системы: подсечная (или подсечно-огневая) и две пашенных — переложная и паровая.[35] Их четкая характеристика и отличия в последнее время даны в работах Н. А. Кирьяновой и В. Я. Конецкого.[36]

Подсечная система земледелия характеризуется вырубкой и выжиганием лесных участков, а после истощения земли переходом на другие участки. При подсечной системе не используются упряжные пахотные орудия и удобрения. Земледелие и скотоводство существуют в комплексном хозяйстве как бы параллельно, не будучи тесно увязанными между собой. Скотоводство, в первую очередь, является дополнительным источником получения мясной и молочной пищи. В то же время большое значение имеют лесные промыслы, охота и рыболовство.

При переложной системе земледелия участок обрабатывался в течение ряда лет, а затем, по мере истощения, забрасывался. Для перелога использовались поймы рек и лесные поляны (луговой перелог), а также лесные участки (лесной перелог). Земледельцы применяли пахотные орудия и тягловый скот. При лесном перелоге необходимым этапом являлось выжигание лесного участка. В отличие от подсечного земледелия, использование пахотных орудий на освобожденных от леса пространствах давало возможность получать на них высокие урожаи в течение ряда лет. Особое значение эта система имела в период активного освоения лесных районов, расширения земельных угодий. Скотоводство не только пополняло пищевые запасы населения, но, в отличие от хозяйства с подсечной системой земледелия, теснейшим образом было связано с земледелием как источник воспроизводства скота — необходимой при пахоте рабочей силы. Лесные промыслы, охота и рыболовство являлись сопутствующими занятиями земледельца.

[35] Шапиро А. Л. Проблемы социально-политической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977. С. 37.

[36] Кирьянова Н. А. Земледелие Северо-Запада Древней Руси конца IX—XV вв.: Автореф. канд. дис. М., 1983. С. 7—9; Конецкий В. Я. О реконструкции заселенности центральных районов Новгородской земли в IX—XII вв. // Новгородский край / Под ред. В. Л. Янина. Л., 1984. С. 161—163.

При паровой системе земледелия возделывались одни и те же поля, которые периодически оставлялись под паром. Важнейшим условием существования этой системы являлось использование удобрений. Связь земледелия и скотоводства, в силу сказанного, была еще выше, чем при переложной системе.

Для объяснения причин, обусловивших отличия в размещении археологических памятников, принципиален вопрос о соотношении подсеки и лесного перелога. Дело в том, что в литературе подсечной системой нередко называют всякую форму земледелия, где на начальных стадиях выжигался лес. В таком случае один термин охватывает как начальные формы земледельческого хозяйства, так и достаточно развитые, где на выжженных участках уже использовались упряжные пахотные орудия. Такой подход безусловно неверен, поскольку речь идет о совершенно разных хозяйственных укладах с отличным соотношением земледелия и скотоводства, о применении различных комплексов орудий труда. На данный факт в последнее время справедливо обратил внимание исследователей В. Я. Конецкий. Следует признать, что в тех случаях, когда после пожога на участках пашут, мы имеем дело не с собственно подсекой, а с лесным перелогом.[37]

При рассмотрении структуры хозяйства населения культуры длинных курганов крайне важную роль играют два момента— концентрация поселков в местах легких песчаных почв (определяющий фактор) и «необязательность» расположения поблизости широких пойменных лугов. Эти условия соответствуют хозяйству, где земледелие являлось подсечным. Дерново-карбонатные почвы достаточно плодородны при частой (вероятно ежегодной) смене выжигаемых для посева участков. По авторитетному заключению В. П. Петрова «одногодичный срок пользования подсекой представлял собой не случайное и редкое исключение, а непременную норму, общее и обязательное явление» и это «не было особенностью ни давних лет, ни отдаленных местностей...».[38] Скотоводство требует иных угодий, чем подсечное земледелие — широких пойм, но, занимая в комплексном хозяйстве подчиненное место, не оно определяло выбор участков для поселений. Важными отраслями занятий являлись также охота, рыболовство и лесные промыслы.

Подсечное земледелие предполагает обилие леса и значительную свободу землепользования. Исследования последних лет свидетельствуют о крайне низкой плотности населения в

[37] Лесное переложное земледелие называл подсекой, к примеру, даже такой крупный исследователь сельского хозяйства Древней Руси, как Г. Е. Кочин — см.: Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI вв. М.; Л., 1965. С. 130 сл.

[38] Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968. С. 192.

местах концентрации памятников культуры длинных курганов.[39] При занятии населения подсечным земледелием поселения имели небольшие размеры, периодически переносились на новые места (это одна из основных причин того, что селища культуры длинных курганов открыты в очень небольшом числе, а культурные слои на них слабо выражены). Через определенные промежутки времени население могло возвращаться на прежние участки. Анализ размеров курганных групп подтверждает такие выводы. На широких территориях — низовья р. Великой, бассейн Псковского и Чудского озер, бассейн верхней Луги, бассейны среднего течения р. Мсты и левых притоков р. Мологи — мелкие группы, насчитывающие до 10 курганов, составляют две трети от числа всех могильников, а крупные группы редки.[40]

В состав небольших могильников, существовавших сравнительно короткий период времени, входят курганы разных форм и размеров, содержащие от 1—2 до 22 захоронений, в том числе мужчин, женщин, детей и стариков.[41] Могильники разрастались постепенно, однако часть курганов функционировала одновременно, т. е. они являлись местами для погребений групп населения, так или иначе обособленных в своей жизни. В поселке обитал коллектив, вероятно, представлявший собой один из вариантов семейной общины, единство которой поддерживалось необходимостью коллективных усилий при занятии подсечным земледелием.[42] Как показали наши раскопки селища Съезжее, население жило в небольших отдельно стоявших срубных домах.[43] Во второй половине I тыс. н. э. шел постепенный распад кровнородственных связей, что отразилось на погребальном обряде — к X в. стали господствовать курганы с индивидуальными погребениями, а сооружение насыпей с коллективными захоронениями прекратилось.

Памятники культуры сопок приурочены к землям, наиболее удобным для пашенного земледелия, которое являлось основным занятием населения. Широкие поймы крупных рек и озер были благоприятны и для скотоводства, которое находилось в неразрывной связи с земледелием, как источник воспроизводства скота — необходимой тягловой силы. Не случайно именно в эпоху сопок наметилась основная структура размещения сельского населения в центре Новгородской земли, которая сохранялась в древнерусское время и в позднем средневековье.

В группе сопок у д. Коломо (юго-западный берег оз. Ильмень) во время раскопок под «каменным кругом» (видимо, культовым сооружением), одновременным сопкам, были открыты борозды древней вспашки. Борозды прослеживались на протяжении 6 м. Распашка велась по двум взаимоперпендикулярным направлениям.[44] В последние годы на поселениях культуры сопок Холопий городок и Деревяницы в верховьях р. Волхова сделаны также находки железных наконечников пахотных орудий.[45]

Особый интерес представляет находка двух наконечников на Холопьем городке. Оба они входили в состав клада хозяйственных орудий и инвентаря наряду с конскими удилами, двумя косами, точилом, топором, мотыжкой-теслом, пешней, скобелем и ножом. В составе клада, относящегося к IX в., в вещественной форме воплотилась земледельческая направленность занятий его владельца.

Древнейшие железные наконечники пахотных орудий на Северо-Западе происходят из Старой Ладоги, основную часть жителей которой составляло население, сооружавшее сопки. Исследователи считают ладожские находки, относящиеся ко второй половине VIII — середине IX в., наконечниками однозубых почвообрабатывающих орудий, появившихся на Северо-Западе в начальный период распространения пашенного земледелия.[46] Наконечники из Холопьего городка и Деревяниц близки ладожским.

При изучении распространения и эволюции форм пахотных орудий А. В. Чернецов предложил выделять несколько этапов в истории пашенного земледелия. По его мнению, к первому этапу следует относить первоначальное распространение пашенного земледелия на ограниченных участках с наиболее благоприятными почвенными условиями. На таких участках предъявляются наименее жесткие требования к конструкции пахотных

---

[39] Лесман Ю. М. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 33—37.

[40] Там же. С. 33—36; Седов В. В. Длинные курганы... С. 13. Табл. II; Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы... С. 47; Аун М. Э. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980. С. 22.

[41] Седов В. В. Длинные курганы... С. 24; Хвощинская Н. В. Новые данные о длинных курганах восточного побережья Чудского озера // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 31, 32.

[42] Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97—98.

[43] Носов Е. Н. Новые данные о домостроительстве населения I тысячелетия н. э. в Приильменье // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в Северо-Западной части СССР // Тез. докл. Межресп. симпоз. Рига, 1983. С. 30, 31.

[44] Конецкий В. Я. О «каменных кругах»... С. 41, 42. Рис. 2.

[45] Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки новгородской округи. Л., 1985. С. 21, 22.

[46] Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР / Под ред. К. В. Сивкова. М., 1952. С. 136; Левашова В. П. Сельское хозяйство: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956. С. 25; Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв.: По археологическим материалам // МИА. № 65. М., 1959. С. 315, 316, 320; Миролюбов М. А. Пахотные орудия Старой Ладоги // АСГЭ. 1972. № 14. С. 118—120; Чернецов А. В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 33. Рис. 1.

орудий, на них нередко применяются заимствованные орудия обработки почвы.[47] Земледельческое хозяйство культуры сопок безусловно относится к этому этапу, как с точки зрения орудий обработки земли, бывших в обиходе у населения — однозубых рал (орудие, наиболее приспособленное для работы в лесной зоне — соха, еще не было изобретено), так и с точки зрения выбора земель для первоначального освоения.

В Приильменье землями, наиболее благоприятными для пашенного земледелия, которые можно было использовать с наименьшими усилиями, затрачиваемыми на освоение лесов, являлись поймы крупных рек (Ловати, Шелони, Полы, Мсты, Волхова, Веряжи) и оз. Ильмень, где и находится большое число сопок. Аллювиальные почвы в долинах рек отличались высоким плодородием. Не случайно, по наблюдениям В. С. Жекулина, почвы речных долин и озерных котловин относились писцами XVI в. к числу лучших («добрых») земель.[48] А. Л. Шапиро справедливо отметил, что данный факт связан с «традиционностью» их земледельческого освоения.[49] Пойменная переложная система в долинах рек и озер («яровой сев на наволоках»), при которой возделываемые участки периодически запускались под луга, практиковалась в Новгородской земле и позднее, о чем дошли до нас сведения в письменных источниках.[50] Видимо, имел место и луговой перелог на возвышенных лесных полянах.[51] Однако при увеличении численности населения и необходимости расширения хозяйства пашенное земледелие в Приильменье не могло оставаться в пределах ограниченных территорий, пригодных для пойменного и лугового перелога. Освоение лесов явилось жизненной необходимостью. Выжигание леса и дальнейшая распашка этих участков давали на них высокие урожаи и одновременно образовывали фонд старопахотных и луговых земель. Поэтому лесной перелог был широко распространен у населения культуры сопок. Следует иметь в виду, что в первый год работы на выжженном участке леса пахотные орудия не возможно было применять,[52] да и вряд ли имело смысл при очень высокой урожайности. Таким образом, население культуры сопок безусловно было знакомо и с подсечным и с пашенным земледелием, и могло варьировать этими системами в за

[47] Чернецов А. В. Пахотные орудия Древней Руси: Автореф. канд. дис. М., 1973. С. 15.

[48] Жекулин В. С. Историческая география. С. 120.

[49] Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси. С. 43.

[50] Осьминский Т. И. Деревская пятина // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 94.

[51] Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси. С. 40.

[52] Петров В. П. Подсечное земледелие. С. 166.

висимости от обстоятельств, хотя основу хозяйства составляло и определяло его структуру земледелие в форме лесного перелога.[53]

Поселения культуры сопок имели, как правило, небольшие размеры (30—60×120—150 м). Они состояли из нескольких небольших срубных домов, хозяйственных построек и ям. На краю поселений или поблизости от них располагались погребальные памятники.[54] Группы сопок, как и соответствующие поселки, были также невелики. Из 346 групп, состоящих только из сопок, учтенных в каталоге В. В. Седова,[55] одиночные насыпи составляют 56% (194 пункта), группы из 1—2 сопок — 79,7% (276 пунктов), а группы из 1—4 сопок — 91,3% (316 пунктов), то есть подавляющее большинство. Сопки, судя по памятникам нижнего течения р. Волхова — района, где они изучены лучше всего, содержат от 1—2 до 8—12 захоронений,[56] т. е. являлись коллективными местами погребения отдельных семей, живших на поселениях. Подобные поселки при сопках существовали сравнительно недолго, о чем, наряду со слабой выраженностью культурных слоев на селищах, говорит опять же небольшое число погребений в сопках. Затем поселения, по мере истощения окружающих угодий, переносились на новые места.

Пашенное земледелие в форме лугового и лесного перелога предполагает парцеляризацию хозяйства, выделение малых семей, как самостоятельных хозяйственных единиц. Ведение земледельческого хозяйства, при котором на начальном этапе требовалось выжигание лесных участков, было вполне по силам малым семьям. Это убедительно показало исследование Г. Г. Громова.[57] Об этом же говорят данные, собранные В. П. Петровым.[58] Укоренившееся в литературе мнение П. Н. Третьякова о том, что «большая семья» является «обязательным рабочим аппаратом подсеки» и в исчезновении последней «решающее значение» имело разложение большой семьи в XIX в., представляется доведенным до крайности и отдающим дань социологизму 30-х годов.[59]

[53] В работе 1977 г. мы еще не проводили необходимой четкой грани между лесным перелогом на выжженных участках и собственно «чистой» подсекой у населения культуры сопок (Носов Е. Н. Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М., 1977).

[54] Носов Е. Н. Поселения Приильменья и Поволховья... С. 8, 9.

[55] Седов В. В. Новгородские сопки С. 10. Табл. 3.

[56] Петренко В. П. Классификация сопок Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Под ред. В. В. Седова. Л., 1985. С. 135.

[57] Громов Г. Г. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1958. № 4. С. 141—152.

[58] Петров В. П. Подсечное земледелие. С. 14—15.

[59] Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе // Известия ГАИМК. 1932. Т. XIV. Вып. 1. С. 12.

Небольшие группы сопок и одиночные насыпи, вместе с со ответствующими им поселениями, распределяются по берегам рек и озер не равномерно, а чаще образуют отдельные скопле ния. Очень четко подобные скопления, находящиеся на расстоя нии от 4 до 20 км друг от друга, удалось выявить по долине р. Мсты в ее среднем течении.[60] Внутри скоплений часть сопок и поселений хронологически разновременны, однако само суще ствование скоплений говорит об определенной территориальной обособленности групп населения и некоторой разграниченности в праве ведения хозяйственной деятельности в отдельных райо нах. Тем самым в размещении поселений отразилось формиро вание уже сельских территориальных общин. Вместе с тем воз ведение сопок — огромных погребальных насыпей — высотой обычно 3—5 м производилось не силами одной семьи или даже жителей одного небольшого поселка, а более значительными коллективами. Можно думать, что в это время, наряду с хозяй ственной самостоятельностью малых семей, сохранялись кровно родственные связи более крупных коллективов и на начальных стадиях формирования сельские общины состояли преимущест венно из родственных семей.

Итак, для второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе по материалам археологии выделяются две группы населения, оста вившие культуры длинных курганов и сопок. Эти группы разли чаются территориально, хронологически, по некоторым особен ностям материальной культуры и по структуре хозяйства. Бо лее архаичный пласт памятников (и по времени и по уровню хозяйства) представляют длинные курганы. Их ареал охваты вает, по существу, весь Северо-Запад, где районом наивысшей плотности являются бассейны Псковского озера и р. Великой; они датируются временем VI—X вв.[61]; земледельческое хозяй ство в начальный период существования культуры было пред ставлено подсечно-огневой системой. Сопки концентрируются в Ильменском бассейне и по р. Волхову; судя по имеющимся бес спорным данным, они сооружались в VIII—X вв., частично да же в XI в.[62]; основу хозяйства составляло земледелие в форме лесного и лугового перелога.

Связь культуры сопок с распространением пашенного земледелия в центральном Приильменье; наличие на поселениях предметов, входящих в выделенный Р. С. Минасяном комплекс сельскохозяйственного и бытового инвентаря, типичного для славянских культур (наральников, мотыжек-тесел, ножей с волютообразными концами, втульчатых наконечников стрел, жер

[60] Носов Е. Н. Поселения Приильменья и Поволховья... С. 20.
[61] Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников... С. 60, 61.
[62] Там же.

новов, калачевидных кресал)[63]; смена сопок генетически связанными с ними древнерусскими погребальными памятниками городской земли — грунтовыми могильниками и жальниками[64]; формирование на базе культуры сопок средневековых городских центров, таких как Ладога и Новгород, говорят в пользу ее славянской принадлежности. Культура сопок характеризует летописную группировку словен новгородских.

«Коренной племенной территорией словен», если употребить выражение А. Н. Насонова, было верхнее Поволховье и примыкающее к нему ильменское Поозерье — один из наиболее населенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов древней Новгородской земли, протянувшийся узкой полосой в 4—5 км на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и р. Веряжей. Этот район наиболее удобен для начального земледельческого освоения среди территорий, непосредственно примыкающих к Ильменю, и именно к нему, в первую очередь, относятся слова летописца о том, что «словене седоша около езера Ильмеря, и прозвашася своимъ имянемъ».[65] Район характеризуется легкими почвами, большая часть которых писцами XVI в. относилась к числу «добрых» и которые в XVIII в. характеризовались как «иловатые, пещаные, к урожаю хлеба весьма способные»,[66] обширными заливными поймами р. Веряжи и озера Ильмень, относящимися к числу лучших покосов новгородского края,[67] и широколиственными лесами. Еще в XVIII в. в Поозерье сохранялись дубовые, кленовые, вязовые, ильмовые и ясеневые леса, которые были распространены здесь и в эпоху славянского расселения в конце I тыс. н. э.[68] Поселения и сопки довольно плотно располагались как по берегам р. Веряжи, так и вдоль оз. Ильмень и на Волхове.

Вопрос об этнической принадлежности длинных курганов псковско-новгородской группы достаточно сложен.[69] Возможны два основных пути его решения — либо признание того, что культура длинных курганов является результатом развития местных финских культур более раннего времени, либо признание того, что она представляет собой отличный от культуры сопок, архаичный пласт славянских древностей.

[63] Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X в. // Археологическое исследование Новгородской земли / Под ред. Г. С. Лебедева. Л., 1984. С. 97.
[64] Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 162—170.
[65] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 75; Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли... С. 86, 87.
[66] Жекулин В. С. Историческая география. С. 121, 154. Табл. 4.
[67] Там же. С. 119.
[68] Там же. С. 155.
[69] Седов В. В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 5—11.

Культура псковско-новгородских длинных курганов сформировалась и археологически прослеживается на Северо-Западе с VI—VII вв.[70] Можно согласиться с теми исследователями, которые подчеркивают, что многочисленность археологических древностей второй половины I тыс. н. э. этого района свидетельствует о «значительном притоке» сюда нового населения в VI—VII вв.[71] В. В. Седов полагает, что славяне, которые оставили культуру длинных курганов, продвинулись на Северо-Запад из более западных районов, откуда-то из областей, входящих в бассейны рек Вислы и Одры. Первоначально эта группировка концентрировалась в бассейнах р. Великой и Псковского озера, а затем началось ее распространение.[72] Согласно концепции В. В. Седова, эта группа славян оказалась в VI—VII вв. оторванной от славян Среднего Поднепровья и отделенной от них массивом древних балтов (культура типа Тушемли-Акатово-Банцеровщины).

Мы согласны с основными аргументами В. В. Седова в пользу славянской атрибуции культуры длинных курганов, однако полагаем, что вопрос о ее появлении в бассейнах Чудского и Ильменского озер следует решать иначе, чем думает В. В. Седов. Мы уже отмечали, что при рассмотрении древностей третьей четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья прослеживается все больше элементов в материальной культуре и погребальном обряде, которые можно связать со славянами, а в целом, как полагает ряд исследователей, в среде верхнеднепровского населения в V—VII вв. шел процесс наслоения славянской культуры на балтский субстрат. С другой стороны, керамика псковско-новгородской группы длинных курганов во многом близка керамике памятников типа Тушемли-Акатово-Банцеровщины.[73] Как и в культурах V—VII вв. Верхнего Поднепровья и Подвинья, у населения, оставившего северную группу длинных курганов, встречаются грунтовые захоронения, которые постепенно сменяются курганами.[74] В 1974 г. В. В. Седов, обсуждая вопрос о возможной связи культуры длинных курганов и культуры типа Тушемли-Банцеровщины и отвечая на него отрицательно, указывал, что «различаются два важнейших признака материальной культуры — погребальный обряд и керамика».[75] Сейчас с таким выводом согласиться нельзя. Наоборот, в отношении этих признаков мы можем отметить сходство. Именно сходство в погребальном обряде и керамике породило сомнения среди исследователей в отнесении тех или иных памятников к культуре длинных курганов или к банцеровской, позволило высказать предположение о существовании особого атокинского варианта банцеровской культуры и т. д.[76]

Полагаем, присоединяясь к мнению Р. С. Минасяна, что в третьей четверти I тыс. н. э., на стадии перехода от захоронений в грунтовых могилах к курганному обряду,[77] произошло передвижение части населения из Верхнего Поднепровья в более северные районы, что было связано с общим расселением славянских племен в это время.[78] Значительные группы населения проникли в бассейны р. Великой и Псковского озера, в меньшей степени это движение затронуло Ильменский бассейн. Верхнеднепровские славяне безусловно впитали балтский субстрат; в более северных областях они к тому же поглотили немногочисленное финское население. Именно поэтому культура длинных курганов характеризуется достаточно разнородными компонентами в материальной культуре и разным их сочетанием и в отдельных районах и на конкретных памятниках. В литературе неоднократно высказывалось мнение, и недавно В. В. Седов еще раз возвратился к его обоснованию, что культура длинных курганов соответствует той группе славян лесной зоны, которая скрывается за этнонимом «кривичи» древнерусских летописей.[79] Несмотря на то, что установленная во время обследований последних лет территория распространения длинных курганов обширнее области расселения кривичей, указанной летописцем, полагаем, что атрибуция культуры длинных курганов как кривической на современном уровне разработки археологии Северо-Запада все же является наиболее аргументированной.

Отличия культур сопок и длинных курганов, при их частичном территориальном совмещении, позволили нам высказать предположение о том, что славянское заселение Северо-Запада происходило не одновременно, а, как минимум, двумя миграционными волнами.[80] В третьей четверти I тыс. н. э. славянские

---

70 Седов В. В. Длинные курганы... С. 34, 35.

71 Седов В. В. Об этнической принадлежности... С. 8; Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XX. Л., 1979. С. 183, 184.

72 Седов В. В. Восточные славяне... С. 49, 58.

73 Белецкий С. В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия района): Автореф. канд. дис. М., 1980. С. 10; Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры древних курганов на озере Съезжее // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 68.

74 Носов Е. Н. 1) Некоторые общие вопросы... С. 53, 54; 2) К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 16.

75 Седов В. В. Длинные курганы... С. 39.

76 Носов Е. Н. Проблемы изучения... С. 62.

77 В этой связи напомним интересную мысль П. Н. Третьякова о том, что само появление курганов свидетельствует об изменениях в общественных отношениях, когда на смену родовым кладбищам — грунтовым могильникам приходят семейные усыпальницы — курганы (Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 66).

78 Минасян Р. С. Поселение и могильник... С. 183, 184; Носов Е. Н. Проблемы изучения... С. 62, 63.

79 Седов В. В. Об этнической принадлежности... С. 5—10.

80 Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы... С. 56.

группировки проникли в Верхнее Поднепровье и Подвинье из более южных районов и тогда же начали расселяться в бассейнах Чудского и Ильменского озер. В их среде шло распространение пашенного земледелия, но основную роль играла подсека, особенно в период освоения новых мест. В VIII в. в центральном Приильменье появляется новая группа славян с развитым земледельческим укладом хозяйства, которая значительно стимулирует социально-экономическое развитие региона. Истоки этой славянской волны не ясны, но целый ряд элементов в материальной культуре, наряду с данными лингвистики, этнографии и др., позволяют предполагать ее направление не столько из Поднепровья, сколько из более западных районов, в частности Польского Поморья. Отличия в материальной культуре и хозяйстве, явственные на начальном этапе сосуществования культур сопок и длинных курганов, постепенно снивелировались, уступив место единой древнерусской культуре Новгородской земли.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ЛАДОГА И ЛАДОЖСКАЯ ЗЕМЛЯ VIII—XIII вв.

В последние годы исследователи приходят со все большей определенностью к заключению об особой исторической роли Ладоги в первые века русской истории. Развернуто об этом писал А. Н. Насонов. Он отнес Ладогу (а также и Псков) к той части Новгородской области, которая вплоть до середины XI в. складывалась самостоятельно.[1] Территория, на которую в древности распространялось влияние Ладоги, а не Новгорода, по мнению А. Н. Насонова, охватывала нижнее Поволховье, Ижорскую землю, Приладожскую Карелию, наконец, область Обонежского ряда.[2] Эти заключения автора оказались плодотворными и в какой-то мере нашли свое продолжение в науке. Так, по мнению А. В. Кузы, Новгородская земля возглавлялась Псковом, Новгородом и Ладогой. Именно эти три центра входили в состав основной государственной территории и сформировали ее.[3] Значение Ладоги в письменных источниках передается далеко не всегда. Объясняя такого рода умолчания, Д. А. Мачинский справедливо отмечает, что события VIII—IX вв. относились к периоду, который позднее очень неполно зафиксирован в летописи. В дальнейшем, учитывая соперничество Новгорода и Ладоги, роль последней в летописи была умалена.[4]

Ныне исследователи перестали рассматривать Ладогу как некое самобытное местное явление. Здесь добавились не только общерусские, но и общеевропейские сравнения и сопоставления. В результате в работах последнего времени заново оценено значение Ладоги как международного раннесредневекового торгово-ремесленного поселения и важнейшего ключевого места на евразийском торговом пути «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». В деле изучения Ладоги определенные результаты в последние годы достигнуты Староладожской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР.[5] Отметим некоторые из них.

Установлена дата создания поселения в низовьях Волхова — это середина VIII в. Намечены этапы развития Ладоги, начиная с VIII в. Заново рассмотрена ее экономика, культура, ремесло и деятельность проживавшего в ней общества. Полиэтничный состав жителей ранней Ладоги не отрицает ее доминирующий славянский массив. Выявлены достоверные основы ладожской версии «Сказания о призвании варягов». Произведено представительное изучение самой Ладоги, ее округи, окрестных курганов, сопок и поселений. Впервые картографирована площадь посада и определены его границы по состоянию на X—XI и XVI вв. Очерчена ладожская городовая волость, сложившаяся в низовьях Волхова в VIII—IX вв. и поставлен вопрос о сфере ладожского влияния по отношению к финноязычным соседям. Заново изучалось ладожское домостроительство и выделены типы домов, составляющих усадебную застройку. Особое внимание привлекли относительно крупные дома площадью 80—92 м² — предшественники посадских пятистенок X—XV вв. На месте существующей ныне каменной крепости конца XV в. открыты ее две каменные предшественницы конца IX и начала XII в. Предложены методики графической реконструкции руинированной Ладожской крепости конца XV в., а также городской территории, основанные на данных археологии, топографии и описных документов XV—XVII вв. Определены узкие даты

---

[1] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 115.

[2] Там же. С. 79—80.

[3] Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 188 сл.

[4] Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 20—21.

[5] Научное археологическое изучение Ладоги проводится с 1884 г., а ее Земляного городища с 1909 г. В 1938—1959 гг. (с перерывами) изучением Старой Ладоги занимались Староладожская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса. Начиная с 1972 г. в Старой Ладоге работает экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством автора этой статьи. В составе экспедиции в разные годы трудились отряды под руководством Е. А. Рябинина, В. П. Петренко, Е. Н. Носова, В. А. Назаренко. Материалы раскопок 1970-х гг. опубликованы в ряде работ, особенно в сборнике: Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Под ред. В. В. Седова. Л., 1985.

всех пяти ладожских храмов, в большинстве построенных между 1153 и 1166 гг., очевидно, по инициативе ладожских посадников. Установлены дата и инженерные принципы бастионной фортификации, возведенной возле каменной крепости в 1585—1586 гг. Именно это сооружение образует так называемое Земляное городище, где начиная с 1909 г. проходили основные археологические раскопки. Умножены результаты, достигнутые в изучении изделий из дерева, кости, бронзы, стекла и глины. Накапливается все больше данных, свидетельствующих о раннем появлении и развитии в городе на Волхове бронзолитейного, стеклодельного, костерезного, а также судостроительного ремесел. Староладожская экспедиция приложила решающие усилия, чтобы в Ладоге на базе краеведческого музея был создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник республиканского значения. В 1984 г. такой заповедник организован на площади около 200 га. В его состав вошла старинная застройка села, более 150 памятников архитектуры и археологии, участки непотревоженного исторического природного ландшафта, культурный слой поселения эпохи средневековья.

В настоящей работе хотелось бы на основании всего собранного исторического и археологического материала вновь обратиться к узловым проблемам ладожской тематики. Сразу оговоримся. Ряд соображений в силу недостаточности и разрозненности наших источников будут высказаны гипотетически.

Ладога возникла в балто-финской и саамской среде. Ее название, в котором усматривают саамскую основу, произошло, по-видимому, от имени реки Ладожки — притока Волхова. В дальнейшем по названию получившего широкую известность города Ладоги стало называться и Ладожское озеро, первоначально обозначавшееся как «озеро великое Нево».[6] Разрозненные находки на территории Ладоги относятся к эпохе раннего металла и раннего средневековья устанавливают несплошное «мозаичное» заселение этого места в древности, что ни в какое сравнение не идет с новым поселением, обосновавшимся здесь в последней четверти I тыс. н. э.

Новыми археологическими исследованиями Ладоги впервые установлена дендрохронологическая дата ее основания — 750-е годы.[7] По сравнению с известной летописной датой 862 г. история Ладоги, таким образом, удревнилась не менее чем на

[6] Попов А. И. Следы времен давно минувших. Л., 1981. С. 56, 90—91; Schramm G. Normannische Stützpunkte in Nordwestrußland. Beiträge zur Namenforschung // Neue Folge. Bd 17, H. 3. Heidelsberg, 1982. S. 276; 285—286.

[7] Древнейший спил определен Н. Б. Черных 753 годом (более подробно см.: Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. С. 27 сл.).

100 лет. Это, впрочем, не предел. С учетом недатированного предматерикового слоя, вскрытого на Земляном городище, дата возникновения поселения в низовьях р. Волхов в ходе дальнейших поисков может передвинуться на 740-е годы. Однако уже установленная дата — 750-е годы примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, она фиксирует становление в низовьях Волхова нового поселения, во-вторых, имеет отношение к началу, по крайней мере, в этом месте Восточной Европы, международных торговых операций, и в третьих, — уточняет время появления в невско-ладожском регионе славянских поселенцев. До сих пор время расселения славян в лесной полосе будущей северной Руси не имело твердых хронологических вех и определялось гадательно.

Археологические и исторические данные в какой-то мере позволяют обрисовать Ладогу первого столетия ее существования, когда она являлась раннегородским поселением на территории славяно-финской племенной конфедерации.

Какие условия могли благоприятствовать ее развитию? Они складывались в тех случаях, когда поселение находилось на основных водных путях, служило перевалочным пунктом, гаванью, занимало ключевое положение на стыке морских и речных дорог, являлось местом контакта различных этнических групп и культур, представляло базу и рынок для налаженного производства и продажи «экономических» ценностей. Через такие поселения проходила транзитная торговля, осуществлялся сбыт и обмен товарами, было организовано специализированное ремесло. Все эти качественные признаки, которые считаются присущими наиболее преуспевающим торговым местам средневековой Западной и Северной Европы, несомненно, были характерными для Ладоги VIII — первой половины IX в. и ускорили ее подъем. Последняя, следовательно, может считаться центром концентрации торгово-производственной деятельности высшего для своего времени уровня. Действительно, оценивая Ладогу 750—850 гг., можно констатировать, что по времени своего возникновения и темпам развития она являлась одним из передовых мест тогдашнего быстро менявшегося мира. Примечательно, что подъем Ладоги по времени опередил эпоху викингов. Поселение в низовьях р. Волхов в тот период становится международным портом и важнейшим пунктом местной и транзитной торговли и само выступает в роли организатора торговли на водных путях. Ладога контролирует сложную для проезда порожистую зону Волхова длиной около 36 км и обеспечивает здесь судовождение.[8] Ладога — лидер своей округи, которая занимает узкую каемку приречной земли вдоль р. Волхова дли-

[8] Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь / Под ред. В. Д. Барана. Киев, 1979. С. 93 сл.; Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца 1 тысячелетия н. э. // КСИА. М., 1981. Вып. 164. С. 18 сл.

ной около 50 км. Эта зона опознается по цепочке поселений и сопок, суммарно относящихся к последней четверти I тыс. н. э. и, следовательно, по времени своего возникновения одновременных древнейшему археологически выявленному строительному горизонту Е самой Ладоги (750—890 гг.). Некоторые поселения и сопки непосредственно приурочены к местам остановок судов и перегрузок товаров возле порогов (рис. 1).

Торговая активность ранней Ладоги подтверждается, в частности, находками монет, которые для второй половины VIII в. выступают все более надежным хронологическим показателем. На территории Ладоги и тяготеющих к ней поселений и урочищ (Ладожская крепость и поселение, Новые Дубовики), не менее чем в восьми документированных случаях обнаружены в кладах и отдельно арабские монеты, чеканенные в 699/700—786 гг.[9] Эти находки — одни из древнейших среди до сих пор встреченных в Восточной Европе и с поправками на время их распространения и всякого рода случайности[10] свидетельствуют о начале международной «серебряной» торговли, достигшей нижнего Поволховья примерно в 760-е годы. Именно Ладога явилась одним из первых центров русской равнины, где дирхемы зафиксированы, как только началось их распространение в странах Восточной и Северной Европы. Упомянутые монеты попали в Нижнее Поволховье по Волжскому пути, следовательно, его поэтапное функционирование восходит к третьей четверти, а может быть, к середине VIII в.[11] В Ладоге и урочище Княщина открыты также два клада дирхемов с младшими монетами соответственно 808 и 847 гг., что свидетельствует о сохранении важной

[9] Спицын А. А. Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу // ЗОРСА РАО. 5. Вып. 2. СПб., 1904. С. 58; Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией // Сканд. сборн. XVI. Таллин, 1971. С. 143—144; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1976. Вып. 8. С. 99—102.

[10] Время странствования монеты от места чеканки до места сокрытия клада или потери сокровища определяется по данным ладожской археологии в среднем от 3 до 8 лет (Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. С. 22). Приведенный «временной диапазон» в ходе дальнейших изысканий может еще более сократиться. Здесь, думается, прав В. М. Потин, писавший, что «в период активного поступления иноземные монеты, как восточные, так и западные, по всей вероятности, могли достигать Руси всего за несколько лет» (Потин В. М. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 132).

[11] Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость. С. 97.— Организации этой торговли способствовали массовая чеканка серебряной монеты в Халифате при первых Аббасидах, вскоре перенасытившей местный рынок, и установление мирных отношений между хазарами и арабами. Условия для поступления мусульманского серебра в Европу создались после 750 года (ср.: Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 16—21).

роли этих мест и в последующий период начавшейся широкой евразийской «серебряной» торговли.

С Ладогой этого времени, очевидно, связан клад первой четверти IX в., найденный в районе Петергофа, т. е. на территории древней области ижоры.[12] Специалистов монеты клада привлекли разнообразными граффити, позволяющими проследить движение серебра из западных областей Халифата, через Закавказье и Хазарию. Следуя по этой торговой дороге, монеты не могли миновать Ладоги, пока не достигли южного побережья Финского залива. В Петергофском кладе на редкость документально оказалась запечатлена последовательно развертывающаяся картина, связанная с поэтапной торговлей Востока и Запада. Не исключено, что Петергофский клад — одно из свидетельств деятельности ладожского купечества в сфере его областных интересов, связанных с Ижорским краем (об этой области пойдет речь ниже).

Особенностью хозяйства ранней Ладоги (этим она отличалась от многих ранних восточноевропейских городов) были ориентация на внешние связи и отсутствие сколько-нибудь значительной сельской округи. Возможности земледельческого освоения рассматриваемого региона были ограничены природными условиями, характеризующимися мелкоконтурными сельскохозяйственными угодьями и не лучшими для возделывания подзолисто-торфяными почвами. Экономика Ладоги во многом строилась на торговых операциях и сборе даней с окрестного финноязычного населения. Отношения с этим населением стимулировали развитие в Ладоге бронзолитейного, стеклодельного, костерезного, деревообрабатывающего и судостроительного ремесел. Здесь скапливалась пушнина, полученная с окрестных земель в обмен, например, на украшения (застежки, бусы, гребни), оружие, ткани, посуду и некоторую бытовую утварь (топоры). Приобретенный таким образом мех, очевидно, продавали купцам уже на дирхемы.[13] Этот вариант обменно-денежного оборота (впрочем, видимо, не единственный) подтверждает существование в Ладоге не только транзитных дорожных станций и гостевых домов для купцов, но и собственного торжища.

Судя по раскопкам выдающихся исследователей Ладоги И. И. Репникова и В. И. Равдоникаса, ее домостроительство с самого начала было обусловлено нуждами усадебной застройки новообразованного торгово-ремесленного поселения. Так называемые большие, а точнее, крупные дома по площади их основного жилого покоя в среднем составляли 40—60 м² и обла-

[12] Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982 год / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1984. С. 26—46.

[13] Львова З. А. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X—начала XI века в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. 1977. № 18. С. 108.

дали такими характерными, частью общеевропейскими чертами, как столбовая конструкция и прямоугольная печь в центре помещения. Однако по своему типу и плановой структуре (отапливаемое помещение и пристроенный к нему со стороны входа узкий холодный отсек) эти постройки — непосредственные предшественники более поздних русских городских домов-пятистенок. Планировка первоначального поселения была мозаичной и включала дворохозяйства, состоящие из главного дома и нескольких хозяйственных строений.[14] Налицо дворы формирующегося городского посада.

В составе населения начальной Ладоги было, очевидно, много пришельцев из разных стран (особенно купцов). Этими же чертами наделена и ее материальная культура, полиэтничная по своему облику. При всем разноязычии основная часть населения имела определенный этнический адрес. Это отметил еще древнерусский летописец, который назвал Ладогу городом словен — первым на пути «из-за моря» в глубь русской равнины.[15]

Наряду со славянами в составе местного населения выделялись, надо думать, финны и скандинавы. «Расположенная „на острие" славянского расселения в северных землях, в авангарде длительного массового движения, вклинившегося в автохтонные массивы, окруженная различными по происхождению финно-угорскими группировками и при этом выдвинутая к морским просторам Балтики, Ладога стала естественным местом наиболее ранних и глубоких славяно-скандинавских (и, добавим, славяно-финских. — *А. К.*) контактов».[16] По стечению исторических обстоятельств Ладоге выпала выдающаяся миссия организации северорусской государственности.

О Ладоге первого века ее существования мы ретроспективно судим по отрывочным известиям письменных источников и, прежде всего, по летописному Сказанию о призвании варягов. Историческая основа этого Сказания, несмотря на ряд домыслов и позднейших переработок, ныне общепризнана. Сказание, как считают, записано в течение XI в. на основании устных преданий и записей и нашло выражение в различных по деталям летописных версиях. Не касаясь здесь происхождения и сложного состава Сказания, отметим, что оно представляет вполне определенный материал для суждений о месте развернувшихся в Северной Руси в середине IX в. событий. Сказание застает северных славян и финские племена дающими дань варягам и испытывающими от них насилие, что в конце концов привело

[14] Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога // Средневековая Ладога. С. 8 сл.

[15] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1962. С. 20. Прим. 38.

[16] Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 212.

к совместному выступлению данников и изгнанию находников «за море». Наиболее вероятным местом, где происходили все эти события, была действительно близкая к «морю» Ладога. К такой мысли подталкивает чтение самого источника, в котором все действия предполагают определенный неназванный центр. Здесь встречались представители перечисленных в Сказании племен словен, кривичей, мери, веси [17] и чуди.[18] Сюда сво-

[17] Согласно Повести временных лет, в призвании варяжских князей участвовали словени, кривичи, чудь, меря и весь. По утверждению А. А. Шахматова, в Начальном своде 90-х годов XI в. (лежащем в основе ПВЛ и сохраненном в Новгородской первой летописи) весь, однако, не указана. Не входя в подробное рассмотрение этого вопроса, сошлюсь на исследование А. Г. Кузьмина, доказавшего, что первоначальный вариант варяжской легенды читается не в Новгородской первой летописи, а в Ипатьевской, Радзивилловской, некоторых других летописях и, возможно, в Лаврентьевской. В этом варианте весь указана, что соответствует и упомянутому в легенде стольному городу Синеуса в земле веси — Белоозеру (Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 52).

[18] А. А. Шахматов обратил внимание, что в первых строках Сказания о призвании варягов, помещенном в Новгородской первой летописи, в перечне «людей новгородских» этноним «чудь» не значится, а помещен особо (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 106). Это дало повод А. А. Шахматову считать данный этноним поздней припиской, несмотря на то, что это слово в рассматриваемом тексте приведено дважды (Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Изв. ОРЯС. Т. IX. Кн. 4. СПб., 1904. С. 317 сл.). В обоснование своего утверждения А. А Шахматов выдвигал следующие соображения: число братьев, приглашенных на Русь, должно соответствовать числу упоминаемых племен, слово чудь в перечне занимает 4-е место в тексте Комиссионного списка НПЛ и первое в записи ПВЛ, что указывает на его вставной характер. Наконец, в составе северных племен, упомянутых в Начальном своде 90-х годов XI в. (по НПЛ), на которых князем Игорем (Олегом) была наложена дань в пользу варягов, чудь не отмечена. Доводы А. А. Шахматова о более поздней приписке чуди в летописях новгородского извода вряд ли могут быть сочтены убедительными. Число племен, участвовавших в призвании варяжских князей, вовсе не обязательно должно равняться числу братьев и полученных ими городов. Выше отмечалось, что весь, не упомянутая в Сказании по НПЛ, в других источниках тем не менее указана. Порядковое нахождение слова «чудь» в перечне племен при отсутствии протооригинала рукописи, конечно, не является бесспорным свидетельством его поздней вставки. Что же касается отсутствия чуди среди племен, обложенных данью в пользу варягов, то это могло быть реальностью того времени. Во второй половине IX в. и позже чудь, как будет показано ниже, политически являлась достаточно самостоятельным образованием, и наложение на нее варяжской дани в тот период едва ли было возможным. Этим же, очевидно, объясняется отсутствие чуди в составе «новгородских людей» НПЛ. Вплоть до XIII в. эта чудь (об этом ниже) подчинялась не Новгороду, а Ладоге. Впрочем, текст НПЛ, где сказано, что словени, кривичи и меря считались «людми новгородскими», явно носит характер поздней обработки книжником, проводящим идеи новгородского приоритета. В отношении времени появления этнонима «чудь» в Сказании о призвании варягов А. А. Шахматов в работах последнего периода своего творчества проявил неуверенность и колебания. Так, возникновение этого слова на страницах летописи он приписал гипотетическому новгородскому сводчику середины XI в., чтобы объяснить присутствие Трувора в получудском Изборске

зилась дань или откуп для варягов, здесь договаривались о совместных антинорманских действиях, сюда за поборами приезжали «из-за моря» варяги, вероятно, во время очередного наезда отсюда они были изгнаны. В этом же месте, похоже, собрался совет племен, принявший ответственное решение пригласить варяжских князей к власти «по ряду», т. е. на определенных условиях и договорных началах.[19] Описанные в Сказании происшествия достаточно конкретны, чтобы могли происходить в локальном населенном пункте, а не вообще на каком-то географическом пространстве. В тот период на территории федерации славяно-финских племен не было, пожалуй, поселения, равноценного Ладоге по его ключевому положению на магистральном евразийском торговом пути, по связи с крупнейшими тогда городами Европы и Азии, по обеспеченности собственным экономическим потенциалом, по досягаемости для путешественников, торговцев и воинов разных народов и стран.[20] Исторически масштабное значение ранней Ладоги подтверждает и наиболее достоверная версия Сказания о призвании варягов, помещающая в ней столицу Верхней Руси.

Археологические наблюдения подтверждают ту часть варяжской легенды, которая гласит о северных племенах не только собиравшихся, но, вероятно, и проживавших в своей федеративной столице — Ладоге. В слоях ладожского Земляного городища второй половины VIII—IX вв. выделяются характерные украшения: уточки, трапециевидные подвески, височные кольца полулунных очертаний, медальон — все имеющие аналогии, в основном среди находок кривичских смоленских длинных курганов.[21] Обратимся далее к еще одному виду археологических

(Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 309). В итоговой работе А. А. Шахматов без каких-либо оговорок отмечает чудь среди северных племен, согласно Сказанию изгнавших варягов (Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 60; ср.: Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 127).

[19] Новосильцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 15, 36, 86; Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Сканд. сборн. XV. Таллин, 1970. С. 53.

[20] Ладога VIII — первой половины IX в., конечно, не являлась единственным значимым поселением тогдашней Северной Руси. На территории Новгородской и Псковской земель по подсчету Г. С. Лебедева выявлено не менее 20 раннесредневековых городищ. В их число входят и такие, например, известные поселения, как Изборск, Псков, Рюриково городище, выдвинувшиеся уже в начальный период своего существования. На территории Верхней Руси располагались и отмеченные летописью в событиях IX в. такие крупные города, как Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром (ср.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 56 сл.). Волну широкого строительства племенных городов летопись связывает с периодом после изгнания из страны в 859 г. варягов.

[21] Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—IX веков // АСГЭ. 1986. № 27. С. 101 сл. Рис. 2; Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский север.

источников. К настоящему времени в Ладоге выявлены достоверные погребальные памятники, оставленные ее основным населением — словенами, а именно сопки. В этой связи обратила на себя внимание еще одна этноопределенная группа древностей. Во время раскопок 1938 и 1948 гг. в Старой Ладоге к югу от Земляного городища С. Н. Орловым открыто 9 трупосожжений в грунтовых ямках. Выявленные погребения датированы не позже VIII в.[22] и сопоставляются с грунтовыми захоронениями культуры новгородско-псковских длинных курганов. Сооружения этого типа по времени соответствуют ранней стадии сложения культуры длинных курганов, приписываемых кривичам. Грунтовые погребения в ямках распространены от бассейна озера Ильмень на востоке до Псковского и Чудского озер на западе.[23] Нахождение вероятных кривичских погребений и украшений в Старой Ладоге, т. е. вне зоны их основного распространения, выглядит на первый взгляд изолированно, но вполне объяснимо присутствием здесь, очевидно, поселившихся в древности кривичей, хоронивших своих сородичей в топографически определенном могильнике. Можно прогнозировать обнаружение в Старой Ладоге не только отдельных вещей, но и других особых кладбищ — следов проживавших в ней в VIII—IX вв. разноплеменных групп федератов: мери, чуди и веси. Забегая вперед отметим, что один из таких могильников, но принадлежащих скандинавам, в Ладоге также обнаружен. Само наличие на территории древнего города разнообщинных могильников, возможно, свидетельствует об определенных компактных участках, населенных этими общинами. Удастся ли отыскать эти зоны, может быть, особые поселки (или концы), покажут будущие археологические исследования.

В поисках данных о начальной истории Ладоги и хронологии связанных с ней событий Сказания о призвании варягов (как известно, даты здесь расставлены летописцем приблизительно, по догадке),[24] внимание привлекает показание одного западного источника. Речь идет об осаде Бирки датчанами в 852 г., описанной Римбертом в «Житии святого Ансгария». Спро-

М., 1986. С. 17—18 (впрочем, с мыслью Д. А. Мачинского о том, что Ладога 750—760 гг. была заселена скандинавами и кривичами едва ли можно полностью согласиться. Прежде всего, следовало бы также упомянуть словен).

[22] Орлов С. Н. 1) Могильник в Старой Ладоге // Учен. зап. ЛГУ. № 80. Сер. ист. наук. Вып. 10. Л., 1941. С. 116—138; 2) О раннесредневековом грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге // СА. 1960. 2. С. 251—253.

[23] Носов Е. Н. 1) Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. в Приильменьи // СА. 1981. 1. С. 53—54; 2) К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1986. Вып. 179. С. 11—17. Ср.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 80, 84.

[24] Высказано мнение, что эти даты запаздывают по сравнению с действительными не менее чем на 6 лет.

воцировавший датское нападение шведский король Анунд сумел уговорить данов, уже захвативших предместья Бирки, покинуть Швецию и отправиться к некоторому городу (ad urbem), расположенному оттуда далеко, в пределах земли, принадлежащей славянам (in finibus Slavorum). Даны, отступив от Бирки, поспешили на 21 корабле (обычная вместимость морского корабля викингов 50—70 человек) «прямым путем» к этому городу. «Напав неожиданно на его обитателей, живших в мире и тишине, они захватили его силой оружия и, взяв большую добычу и сокровища, возвратились восвояси».[25] Польские историки считали этим городом Волин, или один из других поморских городов,[26] Ф. Крузе и Н. Т. Беляев — Новгород.[27] Не отрицая возможности разуметь в изложении Римберта города в разных частях Северной Европы, несправедливо исключать из этого списка Ладогу. Римберт поименовал бы город, если бы он находился в орбите знакомых ему стран Балтики от Дании до Курляндии. Следовательно, экспедиция датчан простиралась дальше его географических познаний. Поход датчан, несомненно, шел по наезженной морской дороге и в те места, которые еще не были затронуты военными напастями, не имели укреплений, где можно было с успехом использовать фактор внезапности. Многие центры балтийских славян в середине IX в. испытали грабительские нападения и некоторые были уже укреплены. Экспедиция же датчан рассчитывала, по-видимому, добраться до цели там, где армии врагов не ждали и оборонительных мер еще не предпринимали. Представляется, что Ладога, известная «людям Балтики» как значительное торговое место и где, возможно, еще не было надежных оборонительных сооружений, могла приманить пиратов. Что касается Новгорода, то в середине IX в. он если и существовал, то вряд ли считался богатым и полным сокровищ. К тому же этот город находился внутри страны, что исключало быстротечный и внезапный разбойничий набег. Участвовавшие в походе 852 г. морские корабли данов из-за Волховских порогов вряд ли беспрепятственно достигли бы Новгорода. Зато они не могли миновать преуспевающую Ладогу — известный пункт перегрузки с морских на плоскодонные речные суда.

В отношении привязки сообщения Римберта к определенному географическому пункту немаловажно и следующее археологическое наблюдение, к тому же дополняющее и уточняющее один из сюжетов Сказания о призвании варягов. Во время раскопок на Земляном городище в Старой Ладоге выделен горизонт E_2, датированный 842—855 гг.[28] Постройки горизонта погибли в тотальном пожаре, который можно приурочить не к расписанным в Сказании о призвании варягов междоусобиям среди славян и финнов, а к датскому нападению 852 г. Таким образом, «Житие св. Ансгария» и свидетельство варяжской легенды определенным образом дополнили друг друга. Если в нашем сопоставлении есть доля истины, то можно предположить, что именно в 852 г. после разграбления Ладоги славяно-финская племенная конфедерация была, может быть, впервые обложена варяжской данью и возникла коллизия, которая в дальнейшем привела к призванию заморских правителей. Основание же самого межплеменного объединения скорее всего относится ко времени более раннему, чем 852 г. При рассмотрении Ладоги в качестве столицы федерации северных племен получают объяснение многие обстоятельства ее активного формирования в доклняжеский период. Не случайно, что первый династ Северной Руси — Рюрик (которого в свете датского похода 852 г. не так уж фантастично считать историческим лицом Рориком — ютландцем по происхождению)[29] именно Ладогу избрал своим «стольным» городом. Этим он продолжил уже установившуюся местную традицию.

Подведем некоторые итоги. Начальная Ладога обладала исключительно благоприятными условиями для ускоренного развития. С момента своего основания она выдвигается в качестве влиятельного и организующего центра межплеменных и международных связей, взаимодействия культур и социального прогресса. Неудивительно, что в Ладоге развертываются процессы, имеющие общеевропейское значение. Здесь, в низовьях Волхова, создавалась новая, активно формирующаяся не только городская, но и межплеменная раннегосударственная политическая организация и скрещивались экономические, культурные и технические новации Востока и Запада. В качестве поселенческого центра северных народов, Ладога в отношении установления торгового судовождения, его интенсивности, появления ремесленных мастерских могла опережать некоторые европейские города. Во всяком случае, к изучению этого феномена следует подходить с общеевропейскими и общеславянскими мерками. В начальный период существования Ладоги закладываются те

[25] Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. III. Prague, 1929. С. 233—234. — Перевод уточнен А. И. Зайцевым по изданию: Vita Ansgarii in: Quellen des 9 und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd 11. Berlin, 1961. S. 62—63.

[26] Ловмяньский Х. 1) Рюрик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Сканд. сборн. VII. Таллин, 1963. С. 242; 2) Русь и норманны. С. 133.

[27] Беляев Н. Т. 1) Рорик... С. 234; 2) Ответ на рец. В. А. Мошина на мою работу «Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи» // Seminarium Kondakovianum. VI. Prague, 1933. С. 246—247.

[28] Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. С. 47. Ср.: Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. 1961. 3. С. 82—84.

[29] Крузе Ф. 1) О происхождении Рюрика // ЖМНП. Ч. 9. 1836. Январь. С. 43—73; 2) О первом вторжении южных ютландцев в Россию // ЖМНП. Ч. 10. 1836. Июнь. С. 513—517; Беляев Н. Т. Рорик Ютландский... С. 227 сл.; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 299; Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 214.

долговременные социальные, хозяйственные, градообразующие и государственные факторы, которые в той или иной мере будут действовать и в последующее время.

Заметные перемены наступают в Ладоге в третьей четверти IX в. Тогда, точнее в 862 г., согласно летописному Сказанию о призвании варягов, в городе в низовьях Волхова обосновался скандинавский выходец Рюрик, призванный вместе с братьями федерацией славянских и финских племен: «придоша к словенам первее и срубиша город Ладогу и седе старейший в Ладоге Рюрик».[30] Приведенный текст показывает, что происходило тогда в столице новообразованного государства Верхней или Внешней Руси. Были построены деревянные укрепления (впрочем, возможно, здесь не первые), следовательно, был устроен детинец и княжеская резиденция. Полагают, что цитированное выше известие попало в летопись около 1118 г. и основано на достоверных ладожских преданиях.[31]

Существует и иная версия Сказания, согласно которой Рюрик вокняжился не в Ладоге, а в Новгороде.[32] Эта версия, как доказал А. Г. Кузьмин, не оригинальна и возникла, вероятно, в начале XIII в., под влиянием амбиций новгородского старейшинства по сравнению с Ладогой и являлась переработкой первоначальной записи.[33] Во времена славяно-финско-норманских переговоров о власти Новгород, если он и был основан, то как сказано выше, по своему развитию и притягательности еще не мог конкурировать с Ладогой. Действительно, зафиксированный в настоящее время древнейший слой Новгорода относится к 920—930 гг., а предшествующее Новгороду Рюриково городище, как показал Е. Н. Носов, существовало в середине IX в., а возникло, видимо, несколько раньше.[34] «Очевидно, предание, локализующее первоначальную деятельность Рюрика в Ладоге, согласуется с действительностью».[35] Если следовать ладожской версии Сказания, то Рюрик спустя два года после своего

[30] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1962. С. 14. — Аналогичный текст приведен в летописных списках Радзивилловском, Московском-Академическом, Хлебниковском, Летописце Переяславля-Суздальского (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978. С. 164).

[31] Шахматов А. А. 1) Сказание... С. 292 сл.; 2) Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916. С. XXXIX.

[32] Новгородская первая летопись... С. 106.

[33] «Первоначальным вариантом варяжской легенды является та запись, которая читается в Ипатьевской и Радзивилловской летописях. В Лаврентьевской этот текст испорчен, а в Новгородской первой отчасти испорчен, а отчасти отредактирован» (Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. С. 53).

[34] Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. Вып. 2 (12). Л., 1984. С. 23.

[35] Ловмяньский Х. Русь и норманны. С. 167.

вокняжения переменил резиденцию. «И пришед к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород».[36] Разыскания специалистов о происхождении ильменской столицы словен цитированному сообщению не противоречат.

В этом отношении обращает на себя внимание следующее свидетельство Иоакимовской летописи, приведенное В. Н. Татищевым. Когда любимая жена Рюрика Ефанда «роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с Ижорой в вено».[37] В упомянутом женском имени опознаны скандинавские формы Сфанда или Алфвинд.[38] Что же касается отданного в лен не названного города «при море», связанного с Ижорой, то им в тот период могла быть только ближайшая к этому району Ладога. «Таким путем, думали, быть может, наши первые князи вернее обеспечить связь и поддержку своих заморских родичей».[39] Как бы ни оценивать цитированное известие Иоакимовской летописи,[40] оно подкрепляет факт переноса столицы из Ладоги в Новгород и закрепление Ладоги за лицом княжеского дома, а также свидетельствует о юридической подчиненности Ладоге зависимой области, вошедшей в состав фамильного княжеского домена. Не этот ли опыт был в дальнейшем повторен Ярославом Мудрым, предоставившим Ладогу и ее область в лен своей жене Ингигерд.

Сказание о призвании варягов при всех разноречиях отражало, по-видимому, реальные события, связанные с появлением в одном из славянских городов (как выше говорилось, в Ладоге) норманского конунга с его окружением. Здесь заслуживают обсуждения некоторые непроясненные моменты этой легенды. Сказание почти в парадоксальной форме сообщает об освобождении северных племен от варяжского ига и неожиданным, даже рискованным приглашением «владеть нами» представителей этого враждебного им мира. Такая резкая перемена объяснена в источнике раздорами, постигшими местное общество. Это объяснение вряд ли соответствовало истине. Думается, что при истолковании данного события следует учесть политические и особенно экономические обстоятельства. «Люди севера» были заинтересованы в поддержании со славянскими и финскими племенами приемлемых, а порой добрососед-

[36] Ипатьевская летопись... С. 14. — Некоторые дополнительные подробности о поселении Рюрика в Новгороде содержатся в Иоакимовской летописи, изложенной В. Н. Татищевым.

[37] Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 110.

[38] Kleiber B. Nordiske spor i en gammel russisk Krønike // Maal og Minne. Oslo, 1960. N 1—2. P. 65; Беляев Н. Т. Рорик Ютландский... С. 263—264.

[39] Беляев Н. Т. Рорик Ютландский... С 264.

[40] Иоакимовская летопись, составленная, вероятно, в 70—80-х годах XVII в., содержала в своем составе заслуживающие доверия источники, восходящие к XV и более ранним столетиям (Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев // Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 49 сл.).

ских отношений. Учтем, что именно через Русь в Скандинавию поступало более половины бывших там в обращении материальных ценностей.[41] Путем грабежа скандинавы никогда бы не получили столько богатств, сколько им приносила международная, не в последнюю очередь славянская торговля с Арабским халифатом и Византией. Функционирование пути из «варяг в греки» и из «варяг в арабы» зависело от ряда внешних факторов, но в конце концов экономическая необходимость и общность интересов одерживали верх. Не всегда, правда, отношения северных и восточных соседей строились на согласии и осознании социальной и экономической общности. В этой связи коснемся изложенного в Сказании о призвании варягов так называемого добровольного приглашения заморских правителей к власти в среде славяно-финской федерации. Обстоятельства призвания, очевидно, сглажены или домыслены летописцем, а само оно, в действительности, по-видимому, объяснялось стремлением местной племенной знати к отпору растущей экспансии на восток со стороны скандинавов и одновременно попыткой противоборствовать с опасным противником с помощью его же военных представителей. Несомненно, связывается этот факт и с урегулированием выплаты варяжской дани или откупа и защитой от тех находников, которые «насилье деяху словеном, кривичем и мерям и чуди».[42]

В 830—850-х годах усилились грабительские набеги викингов на Западную Европу. Достигли они и стран Юго-Восточной Прибалтики.[43] Угроза массированных вторжений приближалась к славянским землям. Датский поход 852 г. это красноречиво подтвердил. В связи с ослаблением после 830 г. торговли Франкского государства в Балтийском регионе все большее значение для торговых операций приобретал «восточный путь» в Багдад и Константинополь. Викинги все настойчивее стремились на Восток. Славяно-финская дань, упомянутая в Сказании, разжигала захватнические аппетиты скандинавов. Могли возникнуть опасения, что «люди севера» после отдельных набегов предпримут попытку завоевания и колонизации севера Восточной Европы, как это, например, произошло после 865 г. с восточной Англией.[44] В этой напряженной обстановке славянские и финские вожди вовремя сумели договориться об общем ставленнике-полководце из чужой земли. По справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, Рюрик был приглашен на правах князя-военачальника, «чтобы он охранял население северных земель от других варяжских отрядов».[45] В этой связи

[41] Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 144, 268.
[42] Новгородская первая летопись... С. 106.
[43] Ловмяньский Х. Русь и норманны. С. 266.
[44] Там же. С. 132, 259.
[45] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 298—299.

характерно, что, начиная с вокняжения Рюрика и вплоть до конца X в. в источниках нет указаний о каких-либо норманских нападениях на Ладогу. Расчет на длительную безопасность северной границы Руси в определенной мере себя оправдал.

Приглашение в критической ситуации наемника с его дружиной для защиты целой страны или ее части было обычным в практике европейских стран того времени. Договор обязывал новоявленного владетеля города с округой или, еще шире, области оборонять все государство.[46] Может быть, так было и в случае с вокняжением Рюрика и его братьев, оказавшихся сначала в отдельных довольно разрозненных населенных пунктах, и лишь затем старший из них приобрел или узурпировал власть над всей территорией Северной Руси (включая ее крупнейшие города Ладогу, Новгород, Полоцк, Ростов и Белоозеро). Намек на политический переворот выражен в источниках замечаниями о выступлении новгородцев против Рюрика, расправе его с оппозицией[47] и переходе к единовластию («и нача володети один»).[48] Прежний договор очевидно утратил силу. Укрепление своего положения, видимо, очень заботило Рюрика, и достичь здесь успеха он мог только в том случае, если выступал в интересах новой родины как славянский, а не как скандинавский князь, хотя и представлялся обычно в окружении своих сородичей-советников.

Появление в Ладоге первого норманского владетеля с его окружением оставило определенный археологический след. Речь идет о скандинавском по своим признакам могильнике в урочище Плакун, расположенном на берегу Волхова напротив Ладожской каменной крепости.[49] 14 (по счету 1940 г.) курганов Плакуна оставлены обособленным коллективом, представители которого вместе с семьями, видимо, непродолжительное время проживали в Ладоге. Время насыпки плакунских курганов (с учетом дендро-даты одного из комплексов — 890—900 гг.) — вторая половина IX и рубеж IX и X столетий. Погребения в Плакуне могут быть соотнесены с окружением какого-либо конунга, например Рюрика, прибывшего в Ладогу, по летописному замечанию, «с родом своим». Эти северные пришельцы, похоже, не отличались особым богатством и знатностью. По сообщению Никоновской летописи, использовавшей какие-то не дошедшие до нас источники, варяги неохотно откликнулись на приглашение славян и финнов, «едва избрашася».[50] Весьма скромные по составу материалы Плакуна, если их отождест-

[46] Ловмяньский Х. Русь и норманны. С. 92.
[47] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 306.
[48] Новгородская первая летопись... С. 107.
[49] Кирпичников А. Н. Новооткрытая ладожская каменная крепость IX—X вв. // ПКНО. Ежегодник 1979. Л., 1980. С 450—451; Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. С. 156 сл.
[50] Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. IX—X. М., 1965. С. 9.

вить с представителями двора норманского вождя, не противоречат приведенному летописному замечанию.

Итак, Сказание о призвании варягов содержит, насколько удается судить, невымышленные исторические детали и правдоподобно обрисовывает доминирующую роль Ладоги как одного из ведущих центров, где создавалась и крепла раннефеодальная русская государственность.

Статус столицы не мог не повлиять на развитие Ладоги и формирование местной военно-дружинной и купеческой прослойки. По справедливому предположению Х. Ловмяньского, Рюрик и его преемник Олег, деятельность которых одно время локализовалась в городе в низовьях Волхова, сами принимали участие в русско-скандинавской торговле. Сооружение в Ладоге деревянных укреплений, перепланировка, по меньшей мере, части поселения, подразделение его на детинец и посад, возведение в прежде межплеменном центре княжеской резиденции с помещениями для стражи, дворских и родичей, вычленение на почетном месте придворного родового кладбища — все эти черты, судя по письменным источникам, присущи Ладоге второй половины IX в. Однако главным строительным достижением той поры является сооружение на мысу, образованном рекой Ладожкой и Волховом, обводной крепостной каменной стены с башней (или башнями). Это укрепление для своего времени необычно, так как явилось первой каменной фортификацией средневековой Руси. Новая твердыня обеспечивала безопасность судоходству, торговле, всему «посадскому строению», она явно была направлена против варяжских находников, на случай их подступа к городу с разбойничьими и пиратскими целями.[51] Строилась новая твердыня, по-видимому, по инициативе уже не князя Рюрика, а его преемника Олега Вещего, который в 882 г. «нача городы ставити».[52] Этот стратегический план укрепления страны новыми городами молодое русское государство выдвинуло сразу же, как только объединились северная и южная части Руси.

Новопостроенная твердыня на века закрепила за Ладогой значение мощного форпоста и своеобразных укрепленных северных ворот страны. В этот период Ладога, хотя и не являлась столицей Северной Руси, однако в качестве княжеской резиденции могла соперничать с Новгородом, а по своему значению его, похоже, опережала. Характерно следующее обстоятельство. Сообщая о походе Олега Вещего в 882 г. к Киеву, ни Начальный свод, ни Повесть временных лет не упоминают, откуда состоялось выступление армии — «и начаша воевать и налезоста Днепр реку и Смоленск град».[53] «Трудно поверить, — пишет Х. Ловмяньский, чтобы источник не упомянул в этом контексте Новгорода, если бы, по традиции, Олег имел в чем главный центр власти».[54] В этой связи обратим внимание, что войско, собранное в 882 г., включало в себя те же пять племен, которые ранее, базируясь в Ладоге, выступили инициаторами переговоров с варягами. Не было бы удивительно, если бы и на этот раз федераты, а точнее, их воинские отряды собрались не в недавно отстроенном Новгороде, а в Ладоге, где наверняка имелись суда для похода, корабельные верфи, казармы для воинов, запасы оружия и провианта.

Не прерывались связи Олега Вещего с Ладогой и после объединения Северной и Южной Руси. Показателен следующий пример. Начальный свод (повторенный Новгородской первой летописью) указывал, что Олег Вещий вскоре после царьградского похода «иде к Новугороду, и оттуда в Ладогу».[55] В Ладоге, таким образом, в последний раз видели ушедшего из Киева князя. Конец его жизни уже для древнекиевских летописцев окружен неясностями. Одни писали, что он умер в Ладоге, другие, что его могила находилась на горе Щекавице в Киеве. Северная версия признана весьма правдоподобной.[56] «Город Ладога, — заключил А. А. Шахматов, — был, очевидно, связан с именем Олега».[57]

Вообще Ладога, фамильное владение первых Рюриковичей, была больше связана с Киевом, чем в Новгородом.[58] Так, по сообщению К. Багрянородного в его трактате «Об управлении государством» (между 948—952 гг.), во Внешней Руси в Немогарде (Невогарде) «сидел Сфендослав сын Ингоря архонта Росии».[59] Княжение Святослава, как известно, началось в Киеве в 946 г. Если он был во Внешней Руси (в границах, очевидно, государства Рюрика), то в юном возрасте, до смерти своего отца Игоря. Нас привлекло указание резиденции молодого княжича, которую безоговорочно считают Новгородом. Однако в первой части имени города запечатлено скорее не название Новгорода, а тогдашнее наименование озера Ладоги — Нево. Иными словами, речь возможно идет о приозерном городе — Ладоге, входившей в домен Киевского князя и служившей местом пребывания его наследника. Во всяком случае вопрос, о каком городе писал К. Багрянородный, решается не столь однозначно, как принято думать.

К сожалению, для сколько-нибудь целостного представления

---

[51] Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 23 сл.

[52] Лаврентьевская летопись... С. 23—24.

[53] Новгородская первая летопись... С. 107.

[54] Ловмяньский Х. Русь и норманны. С. 136.

[55] Новгородская первая летопись... С. 109.

[56] Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 179, 199.

[57] Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских сводах. С. 334.

[58] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 79.

[59] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272. Ср.: Багрянородный К. Об управлении государства // ИГАИМК. Вып. 91. М.; Л., 1934. С. 52.

о Ладоге X в. имеющихся данных недостаточно. Археологическим путем установлено, что городу в тот период присуща упорядоченная уличная планировка, отражающая тесную фасадную рядность домов. Наряду с крупными домами все чаще строятся обычного размера избы с печью-каменкой в одном из углов. Приезжим торговцам предоставлялись участки городской территории для возведения артельных гостевых общежитий. Можно предполагать деятельность ремесленных и, вероятно, одновременно торговых рядов, образующих территориально и по признаку родственности производств корпоративные объединения. Ремесленники-универсалы, занятые обработкой кости, янтаря, бронзы и стекла,[60] составляли, видимо, заметную часть самодеятельного населения города. Не исключено существование товариществ купцов, особенно лодочников и лоцманов и использование договорных правил, регулирующих судоходство и торговлю. Городская территория, судя по распространению культурного слоя, достигала в тот период 10—12 га.

В конце X в. Ладогу затронули различные внешние события. В конце X в. норвежский ярл Эйрик разрушил и сжег крепость и посад Ладоги. От этого разбойничьего нападения город в низовьях Волхова, вероятно, вскоре оправился. Несомненно, более глубокими и длительными по своим последствиям оказались для ладожан изменения характера и направленности мировой торговли. В связи с уменьшением притока восточного серебра, источником его привоза на Русь становится Западная Европа. По мере спада восточной торговли ее место заступает балто-готландская и византийская. Поступающая извне на Русь монета все более употребляется на нужды собственного хозяйственного развития, а не транзита.[61] В новых условиях значение Ладоги отнюдь не уменьшилось, но приобрело иную ценность. На смену обширным внешнеэкономическим связям Ладоги выдвигаются ее качества как значительного местного экономического и политического центра, впрочем и в этот период не лишенного международного влияния.

Особый этап истории Ладоги наступает в XI в. Около 1020 г. Ладога — Альдейгьюборг[62] и та земля, которая к ней относилась, была отдана в лен в качестве свадебного подарка Ярославом Мудрым своей жене Ингигерд — дочери шведского конунга Олафа.[63] Управлял Ладогой наместник великой княгини Ингигерд — Ирины, ее родич Рогнвальд, а после смерти последнего в 1030 г. его сын Эйлиф. Ладожские правители — шведы напоминали служилых князей. Их действия ограничивались договором, согласно которому они управляли своей землей, содержали наемный отряд, защищали государство конунга, собирали дань и отдавали ее часть центральной власти.[64] Обстановка держания Ладоги ярлом передается древнеисландской сагой в следующих характерных словах: «и ту землю (Ладожскую. — *А. К.*) взял Эйлив ярл, у него тоже было много норвежцев, и он давал им жалование по договору; это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал землю конунга (здесь Ярослава Мудрого. — *А. К.*) от язычников».[65] Под последними можно понимать и заморских варягов-находников и некоторые воинственные финские племена вроде еми или более близкой приладожской чуди.

Указание источника о необходимости защитных действий со стороны ладожских ярлов соответствует не только обычной юридической формуле, но и переменчивой обстановке того времени. Под 1030 г. летопись сообщает о походе великого князя Ярослава Мудрого на эстонскую чудь и основании там Юрьева, а в 1042 г. князем Владимиром Ярославичем был совершен трудный поход на емь.[66] Военная напряженность 1030—1040 гг. отразилась в резком увеличении монетных кладов, зарытых в восточном Причудье, восточной Эстонии и Финляндии.[67] Возможно, что опасность вооруженных столкновений существовала и в районе Ладоги, что и вынуждало содержать там воинский контингент наемников.

---

[60] Давидан О. И. К вопросу об организации косторезного ремесла в Древней Ладоге // АСГЭ. 1977. № 18. С. 101 сл.

[61] Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 65.

[62] Среди 12 упомянутых в сагах русских городов лишь Ладога — Альдейгьюборг (также Алаборг) имеет корень «борг». Не отражает ли такая особенность перенос скандинавами знакомых им названий западноевропейских континентальных городов на крепость в низовьях Волхова? Действительно, элемент «борг» использовался в северных источниках для обозначения нескандинавских городов (Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 202). По мнению Т. Н. Джаксон и Г. В. Глазыриной, наименование Ладоги Альдейгьюборгом связано, во-первых, с этапностью знакомства варягов с русскими городами, во-вторых, передает нетипичное для русских поселений впечатление от Ладоги, снабженной не деревянной, а каменной крепостью (Глазырина Г. В. Русский город в норвежской саге // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982 год / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1984. С. 53; Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги // Там же. 1985 год. М., 1986. С. 108 сл.).

[63] Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнерусской литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 58—59.

[64] Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги. С. 111—112.

[65] Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге... С. 60.

[66] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 101; Новгородская первая летопись... С. 16.

[67] Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тысячелетия н. э. // Вопросы истории Европейского Севера / Отв. ред. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1984. С. 144. Рис. 4, А и Б.

Ладога не только стерегла северные рубежи Руси, но и сама активно участвовала в освоении легендарной Биармии — северного Подвинья, Беломорья, включая и Кольский полуостров.[68] В Новгородской четвертой летописи под 1032 г. упомянут поход некоего Улеба к Железным воротам. В Улебе С. М. Соловьев не без оснований усмотрел брата Эйлифа ладожского ярла Ульфа.[69] Что касается Железных ворот, то они, по одной версии, локализуются близ устья Северной Двины. Так назывался один из проливов.[70] Военная акция одного из ладожских норманнов, несомненно, была связана с подчинением Ладоге какой-то части Беломорья. О влиянии ладожан, географически значительно более далеком, чем нижнее Подвинье, можно судить по одному эпизоду. Побывавший в 1114 г. в Ладоге летописец вставил в свое повествование рассказ ладожан о «мужах старых», ходивших «за югру и самоядь». Событие имело место в эпоху Ярослава Мудрого, а маршрут «старых мужей» привел их, кажется, в Северное Зауралье.[71] Как ни разрозненны приведенные факты, они свидетельствуют, что именно из Ладоги (возможно, до XI в.) шло на север проникновение славянских дружин, данников, а затем и поселенцев.[72] Путь этот проходил через Прионежье, где опять-таки, вероятно, при посредстве ладожан, в среде финноязычного населения, устраивались первые на севере погосты.

Норманские наместники, несомненно, пребывали в Ладоге вплоть до 1050 г., когда умерла ее владелица великая княгиня Ингигерд. Какова была дальнейшая судьба Ладоги? Были высказаны мнения о том, что город в низовьях Волхова либо в 40—50-е годы XI в., либо в последние десятилетия этого же столетия административно вошел в состав Новгородской земли.[73] Ныне опубликованы отрывки переводного источника — «Саги о Хальвдане сыне Эйстейна», которая, с моей точки зрения, восполняет недостаток сведений о Ладоге и ладожско-новгородских отношениях в XI в.[74] В упомянутом произведении, записанном в середине XIV в., впервые названы представители трех поколений норманнов, властвовавших в Ладоге — Альдейгьюборге. К ее области с севера примыкало особое ярл-

[68] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 80; ср.: Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 113.

[69] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 216.

[70] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 93.

[71] Там же. С. 80.

[72] Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978. С. 20 сл.

[73] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 73; Кирпичников А. Н. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // ПКНО. Ежегодник 1977. М., 1977. С. 418.

[74] Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане сыне Эйстейна». К истории русского севера // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1983 год. М., 1984. С. 200 сл.

ство с городом Алаборгом. Судя по тому, что правитель Алаборга зависел от властителя Ладоги и выплачивал ему подать, это ярлство отпочковалось от первоначального ядра на правах вассального кормления. Разгоревшаяся было, по описанию саги, борьба между двумя городами окончилась подчинением Алаборга Ладожской метрополии.

По вопросу о достоверности рассматриваемой саги высказаны разноречивые мнения. По одному из них, Алаборг имеет некоторые основания для его отождествления с Олонцом.[75] Согласно другому мнению, «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» — лишь литературное отражение событий ладожской истории первой половины XI в., а в слове Алаборг использовано наименование датского города Ольборга.[76] Столь контрастные оценки источника отражают трудности в его истолковании. Действительно, сага расцвечена такими занимательными подробностями, что их подлинность нуждается в подтверждении. Ряд сведений саги, на первый взгляд, мало основателен, имена действующих в ней лиц не известны по другим источникам,[77] да и само произведение по жанру относится к приключенческим. При использовании «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна», разумеется, требуется осторожность. При этом, однако, не будем спешить и с заключениями, подрывающими источниковедческие возможности данного произведения. Не вдаваясь в подробное рассмотрение источника, отметим обнаруживающиеся в нем достоверные моменты.

В этом древнескандинавском тексте повествуется о Ладоге того времени, когда в соседстве с ней и, вероятнее всего, в составе ее территории обособился особый населенный пункт Алаборг со своей округой. В данном факте, связанном с феодальным дроблением первоначальной общности и сложением новых вассальных центров в орбите старых, нет ничего невероятного. Известия XI в. представляют Ладожскую область обширной землей (о ее границах мы скажем ниже), вовсе не ограниченной поволховским околоградьем. Далее. Чтобы достичь Алаборга, следовало, по словам саги, ехать к востоку от Ладоги, а затем повернуть на север. Обрисованный путь, следовательно, шел не к Белоозеру, которое также сопоставляют с Алаборгом, а вдоль юго-восточного побережья Ладожского озера в сторону Олонца. Исходя из этого и других обстоятельств, Г. В. Глазырина в своей первоначальной статье склонялась к тому, чтобы отождествить Алаборг с Олонцом. Олонец (Олоньсь) впервые упомянут летописью под 1228 г. и в при-

[75] Там же. С. 207.

[76] Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги. С. 113.

[77] Сходство, в том числе и по персонажам, с «Сагой о Хальвдане сыне Эйстейна» имеет «Сага о Стурлауге». Она записана не позже 1400 г. (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. С. 85).

писке с обозначением Обонежского ряда в уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г.[78] Его в этот период можно считать городом.[79] Место первоначального Олонца еще не отыскано,[80] но его существование в период раннего средневековья косвенно подтверждается курганными кладбищами X—XII вв., расположенными на Олонецком перешейке по берегам рек Тулоксы, Видлицы и Олонки, а также монетными и монетно-вещевыми кладами XI в. в среднем и отчасти нижнем течении Свири — главной магистрали, соединяющей Ладожское и Онежское озера.[81] Зафиксированные по курганам X—XI вв. следы скандинавов в юго-восточном Приладожье теперь с большей убедительностью могут быть объяснены их присутствием не только в Ладоге, но и в Олонце. Полагаю, что интерпретация Алаборга в качестве Олонца не столь уж фантастична и заслуживает внимания. Далее. В «Саге о Хальвдане сыне Эйстейна» отмечено, что земля Альдейгьюборга примыкала (или была к ней близка) к Биармии, и это, имея в виду широкие и постоянные связи Ладоги с Подвиньем и Беломорьем, не расходится с исторической действительностью. В нашем источнике Новгород не упомянут. «Несомненно, — справедливо пишет Г. В. Глазырина, — что в „Саге о Хальвдане сыне Эйстейна" нашел отражение тот период русской истории, когда Новгород еще не распространил свое влияние далеко на север, и районы вокруг Старой Ладоги находились непосредственно в сфере ее интересов и влияния».[82] Как бы ни трактовалось рассматриваемое произведение, оно по ряду деталей может восходить к подлинным событиям, имевшим место в Приладожье в XI в., а точнее, в его третьей четверти или второй половине. По-видимому, и в это время в Ладоге и ее области сохранялось норманское правление и порядки, установленные при Ингигерд.

Деятельность норманских правителей Ладоги, далеких от насущных государственных задач, проводивших время в бесконечных распрях и соперничестве, поглощавших значительную долю даней, не всегда, очевидно, выполнявших функции военного заслона со стороны Балтики, со временем перестала удовлетворять центральную власть. Вызывали недовольство и по-

[78] Новгородская первая летопись... С. 65; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 90.

[79] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 41.

[80] Овсянников О. В., Кочкуркина С. И. О древнем Олонце // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 71—72.

[81] Спиридонов А. М. География путей сообщения северных районов Новгородской земли. Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. // Тез. докл. Новгород, 1986. С. 35.

[82] Глазырина Г. В. Alaborg... С. 205.

пытки членить Ладожскую область по разным, подчас случайным владельцам. Земля Волдемара Старого, как именовали саги округ Ладоги, принадлежала правящей династии. Норманская же элита вела здесь себя, возможно, слишком своевольно. Все эти обстоятельства в конце концов привели к тому, что в последней четверти XI или начале XII в., видимо, при князе Мстиславе Владимировиче во время его первого (1088—1094 гг.) или второго (1096—1116 гг.) пребывания на Новгородском княжении в Ладоге на смену иноземной появилась собственная русская администрация. О появлении этой администрации, имевшей связи с Новгородом и Киевом, косвенно свидетельствуют находки посадничьих, княжеских и епископских печатей, относящихся к 70—90-м годам XI в.[83]

Тезис о простом включении Ладоги в состав Новгородской земли представляется, однако, слишком однозначным. В 1114 г. в Ладоге побывал летописец и записал местные рассказы о том, как в северных странах из туч падают белки и олени, как волховская вода «выполаскивает» стеклянные бусы, а «сему же ми есть послух посадник Павел Ладожский и вси ладожане».[84] Судя по этим современным своему времени записям, власти города были хорошо осведомлены о северных делах. И воспоминания, и действительность связывали их с родным городом, а не каким-либо другим центром или заморскими пришельцами. Здесь нет слов о подчинении новым хозяевам, конфликтах, брожении горожан. По-видимому, изменения рубежа XI и XII вв. происходили мирно, с учетом интересов местных жителей.

Переход города на Волхове под контроль «своих» властей по времени совпал с усилением его военного и областного значения. Это видно из того, что сразу после укрепления Новгорода в 1114 г. в Ладоге строится крепость, наследующая своей предшественнице времен Олега Вещего. Как бы в продолжение ладожской традиции первых Рюриковичей, эта фортификация являлась каменной и возводилась по инициативе «последнего» единовластца Киевской державы, упоминавшегося выше, князя Мстислава Владимировича. По сообщению В. Н. Татищева, князь Мстислав сам указывал ладожскому посаднику Павлу место, где надо было расположить крепость, и сам вместе с летописцем присутствовал на ее закладке.[85] По своему замыслу

[83] Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 173. Рис. 37, 38; С. 182. Рис. 72, *13;* С. 186. Рис. 92.

[84] Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 177—178.

[85] Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., С. 130. — После разрушения норвежцами в конце X в. крепости, построенной в Ладоге в конце IX в., на ее месте около 1000 г. была воздвигнута дерево-земляная. В свою очередь, на месте последней и было осуществлено строительство 1114 года (см. подр.: Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 42 сл.).

данное строительное предприятие напоминало возведение ла
дожской же фортификации в конце IX в. Ладога усиливалас
первоклассными оборонительными сооружениями, как тольк
государство выдвигало план стратегического укрепления земл
ее границ и окраинных областей.

Для своего времени ладожская крепость явилась новатор
ским произведением, во многом предвосхищающим распрос
ранение каменных оборонительных сооружений на Руси
XII в., и особенно столетием позже. На берегах Волхова впер
вые в истории Руси было возведено укрепление с замкнутым
каменными стенами, равновеликими деревянным и предназна
ченными для активной стрелковой обороны.[86] Они не предохра
нили Ладогу от нападений извне, но сделали ее детинец вплот
до конца XV в. достаточно безопасным и неуязвимым.

Строительство крепости развернулось в период военной на
пряженности, охватившей север Руси. Как бы дополняя дел
Владимира Мономаха, организовавшего в 1103—1111 гг. со
крушительные походы на половцев, его сын Мстислав пред
принял на севере не менее пяти походов на чудь. Базой одно
го из них послужил город на Волхове: «идоша в Ладогу н
войну».[87] Направленность этой операции в летописи не рас
крыта, но можно предположить, что она была связана не с по
давлением норманских правителей Ладоги или Олонца, а
замирением ее финноязычных соседей. Непосредственная пред
шественница каменной стены — деревянная преграда, окружав
шая детинец в XI в., как показали археологические раскопки
сгорела незадолго до 1114 г. О нестабильности обстановки в ре
гионе свидетельствует и зарытие здесь в начале XII в. кладо
ценных вещей.[88] Действия Мстислава Владимировича, как из
вестно, привели к замирению чуди и укрепили положение Ла
доги на неспокойной северной окраине Киевской державы.

В летописной записи 1114 г. впервые названы ладожане.
дальнейшем они как обозначение социально активного горо
ского населения нередко упоминаются в летописи вплоть до се
редины XIV в. В 1132 и 1136 гг. ладожане наряду с новгород
цами и псковичами выступают в событиях политической исто
рии Новгорода, связанных с властвованием там князя Всево
лода Мстиславича.[89] Собравшиеся на совет горожане «съдума
ше» дважды изгоняли князя. Из этого факта можно заклю
чить, что в Новгородской земле существовал, очевидно, дого
ворный союз ее главных городов. На своих съездах представи
тели этих городов принимали коллективные решения. В ре

[86] Кирпичников А. Н. Новооткрытая Ладожская каменная крепос
// ПКНО. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 441 сл.

[87] Новгородская первая летопись... С. 19.

[88] Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 3
Рис. 59; С. 102—103. Рис. 62.

[89] Новгородская первая летопись... С. 23—24.

зультате такого решения в 1132 г. во Псков и Ладогу были на
значены, вероятно по выбору заинтересованных сторон, посад
ники Мирослав и Рагуил.[90] Таким образом, в первой половине
XII в. Новгородская земля зиждилась на федеративном союзе
ее трех главных центров — Новгорода, Пскова и Ладоги.[91] Эти
центры с тяготеющими к ним областями составляли триединое
ядро Новгородской земли и собирали совет городской старши
ны, который решал общие государственные вопросы.

Привлекая данные о составе новгородского войска XII—
первой половины XIV в., можно судить о роли ладожан и их
города в делах всей земли.[92] Вплоть до конца XII в. ладожане
участвуют в действиях этого войска на правах отдельного от
ряда, обычно совместно с новгородцами и псковичами (как
впрочем и самостоятельно). В дальнейшем общеземельное вой
ско расширится включением в него новоторжцев (1198 г. —
здесь и далее даты первых летописных упоминаний), рушан
(1316 г.), а также карел (1149 и 1191 гг.), ижор (1241 г.) и
води — вожан (1149 и 1270 гг.). Состав рати довольно точно
отражал изменение военной обстановки и формирование «всей
области новгородской», вбиравшей не только городские, но и
областные финноязычные ополчения. В таком федеративном
войске в случае полной мобилизации в XIII в. (привлечение
участников обуславливалось соответствующим договором; мож
но прогнозировать существование такого рода документов, на
чиная с XII в., если не ранее) насчитывалось до семи отрядов.
При этом костяком армии продолжали оставаться ее первые
создатели и участники — новгородцы, псковичи и ладожане.
Кстати, и писались они всегда вместе в определенной повторяю
щейся последовательности. Союз трех главных федератов сло
жился, видимо, не в начале XII в., а в более раннее время. В
этой связи кроме Новгорода привлекает внимание положение
двух главенствующих городов Новгородской земли — Пскова и
Ладоги.

Эти города в первые века своего существования отлича
лись рядом объединяющих моментов. Оба города имели ста
рые традиции, они рано возникли на древних племенных тер
риториях и на магистральных торговых путях. Оба поселения
выдвинулись в хозяйственном, торговом и политическом отноше-

[90] Обычно данный акт однозначно трактуется как назначение Новгородом посадников в областные города. Текст летописи позволяет здесь предложить и иную трактовку события.

[91] Ср.: Куза А. В. Новгородская земля. С. 188. — Намек на давнее трехчастное деление северо-западной области Руси содержится в размерах даней (300 и 3000 гривен), взимаемых властями «от Новгорода» в 882 г. и начале XI в., кратных трем, видимо равным региональным долям.

[92] Крайние даты этих известий 1135—1348 гг. — Новгородская первая летопись... С. 26 сл.; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. XVII. С. 30; Софийская I летопись. СПб., 1851. Т. V. С. 226. Ср.: Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 117 сл.

нии и обросли городовыми волостями и податными террит
риями с финноязычным населением. И Псков, и Ладога про
шли племенную фазу своего развития и, вступив в княжески
период, были более связаны с Киевом, чем Новгородом. В Нов
город направлялся обычно старший сын великого Киевско
князя, а Ладога и Псков, входя в домен правящей династии
управлялись великокняжескими наместниками, а также пред
ставителями органов местного самоуправления — посадника
ми, советами городских концов. Характерно, что в течени
большей части XI в. в рассматриваемых городах не был
князей.[93] Это способствовало выдвижению местных сил — бо
яр, духовенства, купечества, вообще зажиточных горожан, вклю
чая и ремесленников. В Новгороде считались с интересами го
родов-федератов и не только не подавляли, но и до опреде
ленной поры поддерживали их собственные устремления
нужды. Не случайно новгородский архиепископ Нифонт пооче
редно во Пскове и Ладоге воздвиг первые каменные храмы
Спаса и Климента. И Псков, и Ладога, занимая окраинное по
ложение, рано укрепились и выдвинулись в качестве мощны
форпостов — защитников всей земли и дорог, ведущих вглуб
страны. Оба города, как упоминалось, располагали воинским
контингентами, которые, по крайней мере с начала XII в., при
нимали участие в общеземельном войске. И Псков, и Ладога
окружающими их районами имели тенденцию к обособлени
от Новгорода. Здесь действовали как центростремительные, та
и центробежные силы, которые или уравновешивали друг дру
га (особенно во времена Киевской державы) или что-то одне
постепенно побеждало. В этом, однако, не было регресса и ан
тагонистических противоречий. Одни и те же причины вызыва
ли феодальное обособление городов-полугосударств, особенн
начиная с XII в., и удерживали их в рамках более крупны
регионов и общего идеологического, культурного и географиче
ского единства Руси.[94] Как известно, судьба Пскова и Ладог
сложилась по-разному. Псков отделился от Новгорода в 1348 г
а Ладога в связи с особенностями своего положения и эконо
мики — отсутствием сплошных массивов обрабатываемых сель
скохозяйственных земель, зависимостью от внешней торговл
как внутренней, так и международной, такого завершения сво
его развития не достигла.

Складывается впечатление, что в течение XII в. Ладога
большой мере сохраняла унаследованное от времен первы
Рюриковичей самостоятельное положение и особый статус. Фе
деративные отношения Ладоги к Новгороду в течение XII
не только не уменьшили, а скоре возвысили ее значение. Сле

[93] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 75.

[94] Лихачев Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мо
номаха // Из истории феодальной России / Под ред. В. А. Ежова, И. Я. Фро
янова. Л., 1978. С. 35—36.

дует учесть, что торговое положение Ладоги в XII в. вновь оживилось. Нарастающая балто-готландская и балто-немецкая торговля, осуществлявшаяся с Новгородом и другими городами Руси, в этот период в значительной мере проходила старым водным путем, через Ладогу и ее рынок. Не исключено, что тогда в городе на Волхове обосновался иноземный гостиный двор и церковь.[95] Упрочение Ладоги сопровождалось активным развитием посада и общим подъемом ее городской жизни. Именно в этот период оформилась основная посадская территория, приблизительно достигшая не менее чем 14—15 га, которая в течение последующих пяти веков жизни Ладоги будет превзойдена лишь ненамного. Судя по данным писцовой книги, около 1500 г. районов в городе (как и в Новгороде в пору расцвета) было пять: Никольский, Климентовский, Спасский, Симеоновский, Богородицкий. Все концы поименованы по названию церквей и монастырей. Эти последние в своем большинстве существовали в XII в., что убеждает в том, что и само членение города возникло в это же время, если не раньше.[96]

Количество каменных храмов прямо пропорционально благосостоянию древнерусского города. В этом отношении пример Ладоги показателен. Ни до XII в., ни после в городе в низовьях Волхова не строилось такого количества церквей и монастырей, а именно шесть. Для сравнения напомню, что Псков в XI в. насчитывал только четыре каменных церкви. Как показали изыскания П. А. Раппопорта, большинство ладожских храмов один за другим последовательно строились одной артелью мастеров в непродолжительный период времени, примерно между 1153 и 1166 гг. и около 1200 г.[97] (допустимо, что предложенный 13-летний срок в ходе уточнений может несколь-

[95] В проекте торгового договора Готланда с Новгородом (до 1270 г.) упомянуты церкви Петра и Николая в Ладоге. Если последняя явно находилась в Ладоге, то соименные первой могли помещаться не только в Новгороде (там устроена в 1192 г.), но и в Ладоге (указана в писцовой книге около 1500 г. См.: Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. С. 50—51, 62; Рыбина Е. А. Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 126—128). Не будет натяжкой предположить, что по меньшей мере одна из упомянутых в торговом договоре католических божниц была сооружена в Ладоге еще XI в. Ведь ладожские скандинавы, судя по указанию саг, были призваны бороться против язычников, следовательно, сами таковыми не являлись. Варяжская божница, обслуживавшая воинов-наемников и купцов, могла поэтому существовать в Ладоге уже в первой половине XI в. Характерно, что в Новгороде церковь Олафа (на Готском дворе) упомянута в одной рунической надписи второй половины XI в. (Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 113, 115).

[96] Вероятно, не все концы были изначальны. Что касается церквей и монастырей, то не исключено, что некоторые из них были основаны и до XII в. В качестве отдельного района следует назвать крепость-«город».

[97] Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. I (11). Л., 1982. С. 198 сл.; Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли XI—XIII вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1984. Табл. 2.

ко сократиться).[98] Так как ладожские церкви сооружали пр
шлые новгородские каменщики, то в самом Новгороде каме
ное дело полностью приостановилось. Действительно, межд
1151 и 1166 гг. мы не встречаем летописных указаний о каки
либо новых каменных постройках в Новгороде.[99] Этот фа
при всей его поразительности не случаен и свидетельствует, чт
в столице земли шли на определенные издержки и даже жер
вы, чтобы удовлетворить нужды города-федерата. Добавим
этому еще одно наблюдение. Само расположение ладожски
культовых построек отрицает стихийность в организации за
стройки ладожского посада. Они располагались цепочкой п
краю коренного берега рек Волхова и Ладожки и, возвышаяс
на самых видных местах, как бы отмечали определенные тяго
тевшие к ним городские районы. Здания воздвигались на ра
стоянии 125—250 м одно от другого, словно по одному градо
образующему плану.[100] В строительстве ладожского посада уга
дывается определенный архитектурно-планировочный замысел
Кто же был заказчиком такого масштабного и дорогостоящег
предприятия?

Архиепископ Нифонт — основоположник ладожского хра
мового строительства, умер в 1156 г. Его преемник Аркадий
насколько известно, строительную активность, в том числе
по отношению к новгородским «пригородам» не проявлял. В
середине XII в. в Новгороде шла борьба за власть между смо
ленскими и суздальскими князьями — им было не до Ладоги.[10
Среди инициаторов строительства могут оказаться бояре, куп
цы, уличане, но они чаще всего выступали там, где речь шла
об отдельных сооружениях. В Ладоге же, где каменное дел
преобразовало весь облик посада, скорее всего, была осущест
влена общегородская вечевая идея горожан. Ее мог реализо
вать посадник, например, находившийся в Ладоге, возможно
1161 г., влиятельный деятель Новгородского государства
военачальник Нежата. При нем в 1164 г. ладожане отбил
первое, самое крупное в XII в. неприятельское нападение шве
дов «пожьгоша хоромы своя, а сами затворишася в граде с по
садником с Нежатою».[102] Пожар окологрядья видимо не при
остановил развернувшегося к тому времени культового строи
тельства. Не исключено, что после нападения шведов в крепо
сти в 1165 г. в честь военного патрона-охранителя города была

[98] Для последней четверти XII в. нередки случаи, когда храмы в Нов
городе сооружали не 2—3 года, а в один сезон за 3—3,5 месяца (Новго
родская первая летопись... С. 36, 40, 42—44).

[99] Возведенные в Новгороде в 1156 г. церковь Пятницы на Торговище
и в 1165 г. церковь Троицы были, судя по всему, деревянными (любезная
консультация П. А. Раппопорта).

[100] Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги // Средневеко
вая Ладога. С. 172 сл.

[101] Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 101—102.

[102] Новгородская первая летопись... С. 31.

воздвигнута ц. Георгия.[103] Ответственную работу, связанную с каменным строительством в Ладоге, посадники вели и в более раннее время. Так, знакомый нам ладожский посадник Павел, воплощая волю князя Мстислава Владимировича, заложил здесь в 1114 г. каменную крепость. Возведение серии каменных зданий и восстановление после 1164 г. деревянной застройки свидетельствовало о значительном экономическом потенциале города в последний период его домонгольского развития.

Судя по отдельным сообщениям письменных источников, достаточно высокое положение Ладоги в системе городов Новгородской земли удерживалось вплоть до второй четверти XIV в. Здесь посадничали виднейшие впоследствии представители Новгородской боярской республики, к примеру, до 1257 г.— Михаил Федорович, до 1260 г. — Семен Михайлович.[104]

Начиная с 1333 г. Ладога вместе с другими пригородами Новгорода давалась в кормление приглашенным наемным князьям.[105] Эта практика продолжалась и в XV в.[106] и свидетельствует об известном снижении собственной политической роли Ладоги. Около середины XIV в., когда летописи перестают упоминать о ладожанах, исчезают сведения о действиях ладожского «полка», город в низовьях реки Волхов переходит на положение рядового пригорода Новгорода Великого.

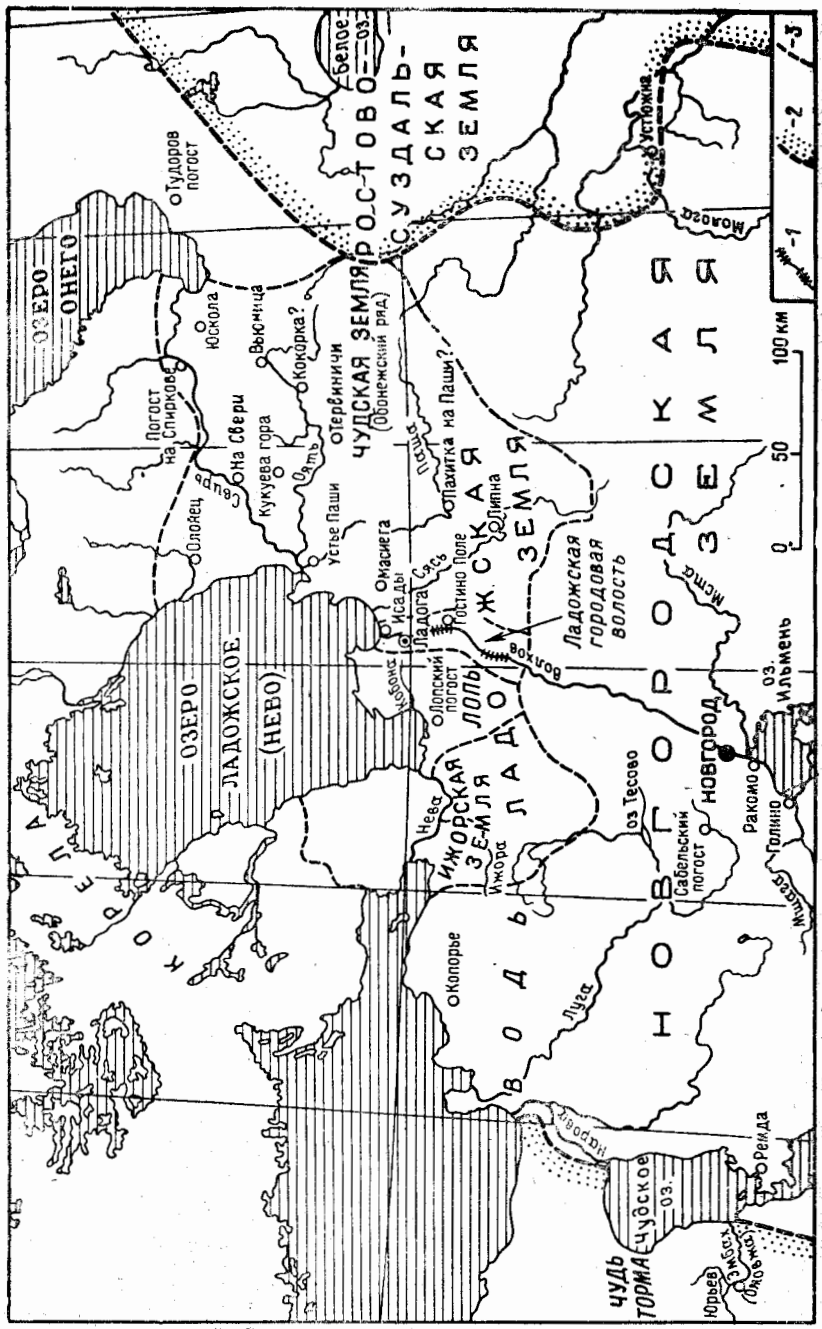
Выше была упомянута ближайшая округа Ладоги на р. Волхов. Ее можно назвать городовой волостью. Формироваться

[103] Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладоги. М., 1960. С. 76.

[104] Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 154 сл.

[105] Новгородская первая летопись... С. 346 сл.

[106] Вплоть до 1471 г. великим князьям предоставлялось право раз в три года посылать в Ладогу осетренника и медовара (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 10 сл.). Такие привилегии были установлены при князе Ярославле Всеволодовиче, т. е. не ранее 1215 г. (Янин В. Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 103). Они кажутся скромными, почти не затрагивающими хозяйственных и земельных интересов горожан. Ограниченность княжеских прав в Ладоге — явление традиционное. Поясним это следующим примером. В городе в низовьях Волхова издревле существовала княжеская резиденция. Здесь князья хранили свою казну, сводили дань, останавливались во время походов и сбора войск, отсиживались от татарской опасности. Топографические данные позволяют локализовать княжеский двор в урочище Княщина, на южной окраине Ладоги, на господствующем над местностью нагорье по соседству с могильными сопками языческого времени. Был ли этот двор единственным, или ему соответствовал такой же в детинце, сказать трудно. Как бы то ни было, положение владельческого двора в загородной местности, на земле, принадлежащей князю (*княщина* — букв. земельная собственность князя. — Словарь русского языка. Вып. 7. М., 1980. С. 206), указывает на экстерриториальность князя по отношению к городу, его политическим институтам и кончанскому представительству. Нечто похожее имело место также в Новгороде и Пскове. Таким образом, социальная топография Ладоги, как и в Новгороде и Пскове, подтверждает не изначальность здесь княжеской власти.



она начала одновременно с основанием самого города.[107] Территория древней Ладожской области однако не ограничивалась ближайшей округой, а простиралась за ее пределы. Косвенно существование Ладожской земли, имеющей свой особый статус, подтверждает факт о том, в 947 г. «иде Ольга к Новугороду и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани».[108] По справедливому замечанию А. Н. Насонова, «распространение данничества на эту территорию в X в. свидетельствовало об успехах в образовании новгородской территории».[109] Феодальные повинности, охватившие Новгородский край, не затронули Поволховье (так же как и Псковскую область). Нижнее Поволховье и смежные территории относились к Ладоге. Видимо, в тот период Новгородская область не включала Ладожскую. Дальнейшие показания источников это наблюдение подкрепляют.

В «Саге об Олафе Святом», касающейся событий 1020 г., прямо говорится об Альдейгьюборге — Ладоге и о том «ярлстве, которое к нему относится».[110] В «Саге о Хальвдане сыне Эйстейна», своими известиями восходящей ко второй половине XI в., отмечен Алаборг — Олонец «с тем государством, которое к нему принадлежало».[111] Согласно тому же источнику, этот населенный пункт был в зависимости от Ладоги и платил подати ее властителю. Первоначально же Олонец, как отмечалось выше, являясь вассальным отпочкованием от Ладоги, входил в Ладожскую область. Следовательно, эта область, во всяком случае, во времена близкие к XI в., включала юго-восточное Приладожье и простиралась на север не менее чем до Олонецкого перешейка. Попробуем очертить территорию Приладожского региона (рис. 1).

В уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. Поволховье и юго-восточное Приладожье не значились податными по отношению к новгородской епископии и новгородскому князю. Повинности, оговоренные в грамоте, касались погостов Заонежья и Заволочья, как бы в обход более близких, но в фискальном отношении не подчиненных Новгороду земель. Из этого следует, что Ладожская городовая волость и юго-восточное Приладожье представлялись не только чем-то самостоятельным, но и единым.

Указания на сочлененность Ладоги и юго-восточного Приладожья не расходятся с тем, что мы знаем о юго-восточном Приладожье эпохи раннего средневековья. Здесь по течению рек Видлицы, Тулоксы, Олонки, Свири, Ояти, Паши, Капши,

---

[107] Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская область. С. 92 сл.
[108] Лаврентьевская летопись. С. 60.
[109] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 76; Ср.: Бернштам Т. А. Поморы. С. 22.
[110] Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге. С. 58 сл.
[111] Глазырина Г. В. Alaborg... С. 203.

Вороноги и Сяси выявлена богатая курганная культура конца IX — начала XIII в. прибалтийско-финского населения. Его конкретная принадлежность определяется по-разному. Среди претендентов весь и корелы. Наиболее вероятным мне кажется утверждение В. А. Назаренко о том, что это приладожская чудь. В зоне этой группировки зафиксированы в 172 группах 111 курганов.[112] Расцвет приладожской курганной культуры, как впрочем и само ее проявление, во многом обязан соседству Ладоги.[113] Местные финны довольно рано в X—XI вв. втянулись в торговлю с Ладогой и за пушнину они приобретали украшения, утварь, оружие, дорогие ткани.[114] Неудивительно, что часть из этих изделий, в том числе и финно-угорского облика, изготовлялись в самой Ладоге.[115] Ареал приладожских курганов, а в X — первой четверти XI в. они уже занимали основные места всей рассматриваемой территории,[116] охватывал большую финноязычную область протяженностью с севера на юг 170—180 км и с запада на восток 150 км.[117]

На этой земле согласно уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г. помещался Обонежский ряд со своими 14 становищами — пунктами сбора дани и торговыми складами.[118] Среди последних значился и Олонец («во Олонци»), кажется единственный, который можно отнести здесь к поселениям городского типа. Установлено, что описание Обонежского ряда — приписка, добавленная к грамоте 1137 г. много позже, где-то до середины XIII в., скорее всего, в его начале.[119] По-видимому, Обонежский ряд облагается церковной десятиной (а также княжескими повинностями) тогда же, когда некоторые княжеские льготы после 1215 г. устанавливаются для самой Ладоги.[120] Общность в положении Ладоги и юго-восточного

[112] Назаренко В. А. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. канд. дис. Л., 1983. С. 4 сл.

[113] Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь / Под ред. В. Д. Барана, Е. И. Крупнова. Киев, 1979. С. 106 сл.

[114] Назаренко В. А. Исторические судьбы... С. 113; Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 203 и сл.

[115] Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л., 1984. С. 87.

[116] Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1979. Карты 2, 6, 8.

[117] Измерения север — юг брались от Посвирья и р. Олонки до верховьев р. Сясь, включая ее притоки Воложбу и Тихвинку; запад — восток — от восточного побережья Ладожского озера до юго-западного берега Онежского озера. Разумеется, намеченные пределы Обонежской земли условны.

[118] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 74 сл., также карта «Новгородская земля».

[119] Янин В. Д. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 88—89; Куза А. В. Новгородская земля. С. 152, 160.

[120] Янин В. Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. С. 103.

Приладожья, видимо, проявилась здесь в одновременном подчинении некоторым новгородским порядкам.

При всем том, что Обонежский округ с его становищами описан в XIII в., он сложился значительно раньше. По мнению А. Н. Насонова, «ряд» существовал в середине XI в.[121] А. В. Куза и В. А. Назаренко склонны удревнить его еще более.[122] Думаю, что оба исследователя находятся здесь на правильном пути. Обонежская земля, если принять во внимание данные археологии, сформировалась не позже X ст. Вопрос этот имеет прямое отношение к созданию Ладожской области и тесно связан с историей Обонежского ряда и самоназванием его балто-финского населения.

В событиях 859—862 гг., связанных с призванием варягов, в составе федерации северных племен наряду со словенами, кривичами, мерей и весью названа, как подчеркивалось выше, вполне достоверно, чудь. В дальнейшем, несомненно, именно это же племя указано летописью входящим в состав общерусского войска, участвовавшего в походах 882 г. на Смоленск и Киев, а в 907 г. на Царьград. В 980 г. чудь привлек Владимир Святославич для покорения Полоцка и Киева. В составе военных формирований X в. чудь образовывала самостоятельный отряд и составляла от 1/4 до 1/13 части объединенного федеративного войска. О какой чуди пишется в летописных известиях IX—X вв.?

В источниках этноним «чудь» первоначально обозначал или вообще прибалтийско-финское население северо-запада Руси («преседять к морю Варяжскому») или определенное племя вроде чуди эстонской или заволочской. Что касается рассматриваемой нами чуди, то это, думается, не аморфное, а вполне конкретное образование[123]: оно, как указывает летопись, имеет свою волость, платит дань варягам и руси. К тому же во всех ранних известиях чудь упоминается в ряду конкретных племен: словен, кривичей, веси, мери и других. Территория нашей чуди находилась где-то на севере, до 859 г. (дата условна) ее «примучивали» данью варяги. Тем не менее, племя достигло заметного развития, раз оно полноправно выступало на севере страны в федеративном сообществе других раннефеодальных русских и финских племен. Можно ли определить местоположение летописной чуди эпохи образования русского государства?

Чудь в источниках — однозначно образование финно-угорского происхождения и, как известно, далеко не единичное. Летопись для Северо-Западной Руси указывает близкое по языку, культуре и общественному развитию водь, ижору, карел,

[121] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 74.

[122] Куза А. В. Новгородская земля. С. 152; Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладожья... С. 114.

[123] Ср.: Куза А. В. Новгородская земля. С. 147.

чудь эстонскую. Все эти племена в X в., по-видимому, еще н
консолидировались. Во всяком случае, источники о них умал
чивают, почти не известны (или недостаточно выявлены) и и
древности. Сколько-нибудь приметная деятельность этих пле
мен фиксируется не ранее XI в. В зонах расположения пер
численных племен в тот период еще не возникло городов, сти
мулирующих подъем местной экономики и формирование мате
риальной культуры. Замечу также, что если бы какое-то из на
званных выше племен попало на страницы летописи в описани
событий IX—X вв., то оно, по примеру мери и веси, было бы по
именовано своим именем, а не вообще чудью. Во всяком случае
этническая карта связанных с Русью финноязычных племе
летописцу была хорошо известна и те или иные из них, ка
правило, достоверно и конкретно упоминались именно в то
время, когда они реально проявляли свою политическую и во
енную активность.

Единственным на севере Руси влиятельным чудским обра
зованием, которое во второй половине IX—X вв. имело свою
племенную землю, установившиеся границы, обладало собствен
ной, во многом самобытной культурой, располагалось в зоне
международной торговли и варяжского влияния, достигло опре
деленного экономического благосостояния и проявляло полити
ческую активность, была приладожская чудь.[124] Судя по архео
логическим данным, в среде этой чуди происходили социально-
экономические преобразования, во многом ускоренные близо
стью Ладоги, ее процветающей торговлей и ремеслом. В чуд
ском обществе, находившемся на стадии перехода от родоплe
менного строя к феодальному, шел активный процесс классо
образования, выделились зажиточные семьи и вооруженная
знать. Приладожские финны, судя по количеству погребений
X — начала XI в. вооруженных мужчин и технической оснащен
ности последних мечами, копьями, боевыми топорами, находи
лись на третьем месте в числе наиболее военизированных древ
нерусских языческих контингентов после жителей Гнездова и
Суздальского Ополья.[125]

Не случайно Рюрик, согласно варяжской легенде, первона
чально появился в главном центре федерации северных пле
мен — словенской Ладоге, поблизости от богатой приладож
ской чуди. Главное сокровище чуди — драгоценные меха, ма
нили в эту область варяжских находников, которые, базиру
ясь в Ладоге (а позже в Олонце), выступали то в качестве куп

[124] На этот факт обратил внимание В. В. Седов. «Археология свиде
тельствует, — справедливо замечал он, — что ядро населения Новгородской
земли составляли словени, псковские кривичи и приладожская чудь» (Се
дов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры
и славяне / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л., 1979. С. 77).

[125] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс
боевых средств IX—XIII вв. Л., 1971. С. 43 сл.

цов, то посредников в меховой торговле между городом на Нижнем Поволховье и аборигенами края.[126]

Судьба приладожской чуди периода раннефеодальной Руси чем-то напоминала положение веси и мери. Первая позже IX в. в летописи не отмечается, последние упоминания о второй — 907 г. и до 920 г. Активность этих племен была рано парализована славянским расселением, а также близостью таких городов, как Белоозеро, Ростов и Суздаль. Показательно также, что оба упомянутые племени исчезают и из состава участников общерусского войска в течение X в. В конечном итоге такая же участь постигла и приладожскую чудь. Однако ее развитие сложилось по-особому. Земля чуди оказалась не затронутой славянским расселением. Заболоченная песчаная равнина с редкими моренными песчаными холмами, отсутствие сколько-нибудь значительных плодородных угодий не привлекали сюда смердов-земледельцев. Не возникло в этих местах, за исключением Олонца, и городов. Характерно, что по отношению к основной территории Обонежской земли Олонец занимал окраинное положение.[127] Такое же окраинное расположение присуще и единственному в этих местах укрепленному поселению на р. Сясь, прекратившему свое существование вероятно немногим позже XI в.

Все эти обстоятельства естественным образом ограждали данную территорию от новых поселенцев, от разрушения сложившихся здесь общественных связей, обычаев и верований. Страна устойчиво подразделялась на родовые округа. Названия некоторых из становищ напоминали о их основателях — старейшинах (Кокорка, Пахитка, Пермин, Тойвота). При известной территориальной обособленности приладожские финны активно участвовали в торговле, ходили в далекие походы, использовали передовые технические средства своего времени, были отлично вооружены. Влиятельность чуди, ее воинственность не остались незамеченными. Представители этого племени — участники русского посольства, возможно, названы среди послов и купцов в русско-греческом договоре 944 г. (Каницар, Апубьксарь). В 988 г. нарочитыми мужами от чуди, словен, кривичей и вятичей были населены грады в пограничных районах Южной Руси. Упомянутая под 988 г. чудь безусловно та же самая, что выступавшая в более ранних известиях. Перемещение знатных чудинов (конечно, в окружении своих сородичей и челяди) преследовало цель, во-первых, оторвать ее от

[126] Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладожья... С. 112.

[127] Еще Иордан (VI в.) отмечал Thiudos Inaunxis, что сопоставляется с Aunuksen maa, локализуемой между Ладожским и Онежским озерами. В узком смысле этого последнего обозначения это Олонецкая земля (Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С. 255). Ср.: прибалтийско-финское название нижнего течения р. Олонки Лавойнэ.

родных мест и тем самым лишить растущего влияния, во-вторых, создать военный заслон против печенегов. Определенной цели государство достигло. Отлив социально активных сил из Приладожья в конечном итоге затормозил здесь развитие малой финской народности.

Касаясь событий XI ст., источники перестают упоминать о чуди приладожской. Наименование чудь со страниц источников не исчезает, но смысл и географическая приуроченность этого этнонима меняется. Летописцы в подавляющем большинстве случаев сообщают о чуди эстонской (с ее подразделениями), копорской, заволочской. Трансформация старого имени не случайна и связана с изменением положения приладожских финнов в конце X в. Вероятно, в это время Обонежская область была присоединена к Ладоге и образовала вместе с ней Ладожскую землю. В начале XIII в. Ладожская земля, как отмечалось, подпадает под юрисдикцию Новгородского государства. Несмотря на все эти изменения, Обонежская земля и в рамках Ладожской, а затем и Новгородской земли сохраняла, по-видимому, определенную автономию и экстерриториальность. Не случайно около 1265 г. она фигурирует как сотня и только в дальнейшем (не позже 1434 г.) слилась с Поволховьем.[128]

Иноязычные территории примыкали к Ладоге и с запада (рис. 1). Речь идет о южном Приладожье, населенном лопью.[129] К самой Ладоге вплотную подступали саамские селения, еще в конце XVI—XVII вв. составлявшие особую Силосарскую волость (возле Старой Ладоги и поныне имеется д. Лопино).[130] Далее на р. Лаве и восточном побережье юго-западного залива Ладожского озера, по данным писцовой книги Водской пятины, около 1500 г. помещалась волость Лопца. В более раннее время зоны саамского расселения в южном Приладожье были более обширными и объединялись в единый регион, располагавшийся, судя по топонимическим данным, между реками Волхов и Мга. Тесная связь всей этой области преимущественно с Ладогой вполне вероятна и естественна. Таким положение оставалось примерно вплоть до XIII в., когда Лопская область, названная сотней, фигурирует уже в составе Новгородской земли.[131]

Вполне уверенно можно говорить о принадлежности к Ладоге ближайших к ней западных районов, где находились отдельные скопления саамских поселений. Это подтверждается следующим обстоятельством. Лопца и Силосарская волость

[128] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 126.

[129] Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 137 сл.

[130] Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. С. 26, 129—130.

[131] Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 120—121.

входили в состав образованного около 1477 г. Ладожского уезда. Этот уезд простирался от р. Лавы до Волхова. В него входили 5 погостов и упоминавшаяся волость Лопца. Уезд был образован с явным намерением разрезать древнюю Ладожскую территорию на две части по р. Волхов. Ладожское правобережье отошло к Обонежской пятине.[132] Преднамеренность и искусственность этого деления не вызывает сомнения. Для нас важно другое. Левобережье Волхова вплоть до р. Лавы было все же закреплено за Ладогой. Это, несомненно, указывает на тот западный район, который издревле тяготел к этому городу.

Лопская область, входившая, как мы видели, в сферу интересов ладожан, граничила на западе с ижорой, обитавшей, как известно, по обеим берегам Невы. А. Н. Насонов не без оснований считал, что Ладога в древности простирала свое влияние на Ижорскую землю и Приладожскую Карелию.[133] Что касается Ижорской земли, то заслуживает внимания давнее мнение Ю. А. Шегрена о том, что само наименование земли ижор — иначе ингров (Jngerin maa) заключало понятие «земли Ингрин», т. е. великой княгини Ингигерд — владелицы Ладожского ярлства в 1020—1050 гг.[134] Выше приводился факт передачи ижоры в лен представительнице правящей династии во времена Рюрика. Это, может быть, указывает на то, что подчиненность ижоры Ладоге могла иметь место задолго до начала XI в. Традиционная связь Ладоги с тяготеющей к ней западной областью подкрепляется тем, что, как значится в проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом (1269 г.), Ладога осуществляла контроль за международным судоходством и суд вдоль всего течения р. Невы вплоть до острова Котлин.[135] Эта практика, надо думать, сложилась задолго до XIII в. и дополнялась охранными действиями ладожан на Неве (о чем скажем ниже). Ладожское влияние в земле ижоры ослабевает по мере ее племенной консолидации. Ижорский военный контингент, начиная с XIII в., принимает участие в общеновгородском войске и осуществляет самостоятельные действия. Судя по событиям 1240 г., ижоре была поручена морская охранная служба на Неве и Финском заливе. Из этого следует, что в XIII в. ижора, не теряя своей автономии,[136] перешла под власть Новгорода.

[132] Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. С. 19 сл.

[133] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 79. Границы Ижорской земли уточнены при любезной консультации Е. А. Рябинина.

[134] Бегунов Ю. К. Древнерусские источники об ижорце Пелгусии — Филиппе, участнике Невской битвы 1240 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год. С. 76. Впервые Ингрия в значении Ижорской земли указана в папских буллах 1164—1181 гг. (Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. 6. М., 1940. С. 103, 129).

[135] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 59.

[136] Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли... С. 129 сл.

Итак, Ладожская область, с учетом включения в сферу ее непосредственных интересов земель чуди, ижоры, а, возможно, и карел (для выяснения этого вопроса пока данных недостаточно), простиралась от юго-восточного Приладожья до устья Невы. Ареал этой общности проверяется по расположению района боевых операций, который защищали ладожане. Их воинский контингент самостоятельно или в составе новгородского войска охранял, в первую очередь, все то пространство, которое можно считать Ладожской землей. Летописные примеры это проясняют.

1164 г. Шведы после неудачного приступа к Ладоге отошли на своих кораблях вдоль юго-восточного побережья Ладожского озера к р. Ворона — Воронеге (впадает в Ладожское озеро между р. Пашей и Сясью), где и были окончательно разбиты новгородским войском.[137]

1228 г. Емь воюет по побережью Ладожского озера «на Исадех и Олоньсь». Пристань-селение Изсад находилась невдалеке от устья Волхова (под 1228 г. упомянута впервые). Олоньсь — известный нам Олонец (это также его наиболее раннее упоминание в летописи). Флот ладожан преследует нападавших в зоне побережья Обонежской земли и Ладожской городовой волости. На берегу Невы у ее истока, там где находился Ореховый остров, емь разгромлена окончательно.[138]

1240 г. Шведы и их союзники терпят поражение в знаменитой Невской битве, в которой участвовали новгородцы и ладожане. Планы противника раскрыты с поэтапной точностью — «хотяче вприяти Ладогу, просто же реку (Неву. — *А. К.*) и Новгород и всю область Новгородьскую».[139] Следовательно, под удар была поставлена Ладога, Ижорская земля с р. Невой, а затем Новгород и область. Первой должна быть захвачена Ладога. Перед нами стратегический план захвата по частям Ладожской и Новгородской земель (включая бассейн р. Невы), своим острием прежде всего нацеленный на Ладогу.

1283 г. В ответ на разбойничий рейд шведов в Ладожское озеро «идоша ладожане в Неву и бишася с ними».[140]

1293 г. Новгородцы и ладожане сражаются у истока Невы против шведов, которые «хотяще на кореле дань взять».[141] Корела в этот период входила в систему Новгородской земли, а в более раннее время, возможно, тяготела к Ладоге.

1301 г. Ладожане и суздальцы в составе новгородского войска штурмуют «свейскую» Ландскрону на р. Охте в дельте Невы.[142] Пиратски построенная крепостца угрожала целостности Новгородского государства и его мореходству.

1348 г. Ладога — центр сбора общеновгородских войск для похода и освобождения Орешка, захваченного шведами.[143] Основание в 1323 г. в истоке Невы Орешка изменило положение Ладоги как единственного ключевого города своего региона. Однако тыловым центром Ладога не стала; ее значение передового военного форпоста сохранялось вплоть до конца XVII в.

Таким образом, охранительные действия ладожан как в период их относительной самостоятельности, так и после полного вхождения в состав Новгородской республики разворачивались на территории Ладожской земли, сложившейся не позже конца X века. Охраняя свои пределы, ладожане одновременно обороняли все Новгородское государство. Историческая миссия Ладоги, определенное время возглавлявшей охрану Поволховья, Обонежской и Ижорской земель и водного пути по Неве и Ладожскому озеру во многом способствовала сохранению всего этого региона в составе Северной Руси. Находясь на передовых рубежах страны, Ладога, будучи первоначально достаточно самостоятельной, могла нормально существовать и развиваться только в условиях общерусского единства. Подведем итоги всего сказанного.

Возникнув в середине VIII в. на северных рубежах славянского мира, Ладога становится важнейшим торгово-транзитным центром на евразийском балто-каспийском водном пути. Одновременно формируется городовая волость, охватившая Нижнее Поволховье. Ладожское поселение, возглавлявшее свою самоуправляющуюся городовую волость, выступает как торгово-ремесленный и портовый пункт, в ускоренном развитии которого сказались интересы нескольких крупных северных племен. В отличие от многих древнерусских поселений, в Ладоге прибавочный продукт создавался не крестьянским трудом и вкладом сельскохозяйственной округи, а в первую очередь торговлей и ремеслом.

Не позже середины IX в. Ладога выдвигается в качестве главного центра федерации славяно-финских племен, а затем становится столицей Верхней Руси. Возрастают государственно-объединительные, а также рыночные и контрольно-пропускные функции Ладоги, ставшей сильной крепостью, возможно, первым каменным градом Киевской державы, фамильным владением первых Рюриковичей.

---

[137] Новгородская первая летопись. С. 31, 218.
[138] Там же. С. 65, 270; Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Л., 1980. С. 11.
[139] Новгородская первая летопись. С. 77.
[140] Там же. С. 325.
[141] Там же.
[142] Там же. С. 331.
[143] Там же. С. 360—361.

В X в. Ладога — крупный русский город. Его международные функции дополняются внутрирусскими. Соседние области с финским и саамским населением попадают в даннические зависимость от Ладоги. Влияние этого города стимулирует общественное развитие и процессы классообразования в среде аборигенов края. Создается разноплеменная Ладожская земля, включающая Обонежскую область на востоке и Лопский и Ижорский регионы на западе. Доминирующим ядром является Ладожское Поволховье, через которое развертывается освоение северных земель, включая Беломорье и Подвинье.

В XI в. Ладога и относящиеся к ней территории получают статус подчиненного Киеву русско-норманского наместничества — ярлства во главе с особым правителем. В системе Ладожской земли особое значение приобретает Обонежская область со своей столицей Олонцом. Подъем местных сил приводит в начале XII в. к ряду военных потрясений. Международное значение Ладоги как одного из центров балто-готландской торговли дополняется растущим внутриобластным и общеземельным влиянием.

В XII в. Ладога наряду с Новгородом и Псковом — равноправный город-федерат на основной территории Новгородского государства. Население Ладоги достигло такого уровня общественного развития, что принимает постоянное участие в собственных и общеновгородских политических делах и походах. В XII в. Ладога переживает небывалый в ее истории экономический подъем. Ценой полного прекращения каменного дела в Новгороде ладожский посад отстраивает в камне почти все свои основные храмы и монастыри. Ладожские посадники и городская старшина наряду с новгородцами и псковичами выступают в качестве равноправного участника триединого совета, решающего вопросы государственной важности.

В XIII в. положение Ладоги как основного и весьма самостоятельного федерата Новгородской земли меняется. На нее и подчиненные ей районы распространяются судебно-податные установления новгородских властей. В то же время ослабевают связи с такими областями, как ижорская и отчасти лопская. В XIII в. волховская сотня со своим лидером Ладогой предстает отдельной от Обонежской сотни, но, возможно, сохраняет за собой восточную часть лопского региона. В полной мере сохраняются и даже возрастают военные функции Ладоги как защитника внутренних водных и сухопутных путей своей территории и государственной границы в целом. В этот период Ладога и ее земля, разделившаяся на административные районы и отдельные области, входят в состав Новгородского государства.

Исторический путь Ладоги во многом необычен. Он демонстрирует как поселение международного торгово-ремесленного характера обрастает городовой волостью, более отдаленными

даннническими территориями и становится крупным городом — столицей особой земли. Существование этой земли оказало заметное влияние на развитие общественно-экономических процессов на разноэтничном севере Руси.[144] Ладожская земля, а первоначально волость, частично предшествовала Новгородской земле, а частично с ней сосуществовала. Вхождение Ладоги и ее земель в состав Новгородского государства строилось на началах широкой федеративности и непротиворечивом единстве с метрополией.

Обрисованная выше модель развития Ладоги и ее земли в эпоху раннего средневековья, думается, небесполезна для изучения более широкой темы о древнерусском городе, его округе и этапах их развития.

---

144 После написания этой статьи я с любезного разрешения А. М. Спиридонова познакомился с его обстоятельной диссертацией: «Северное Приладожье и Прионежье в X—XV вв.» (М., 1986). Отмечу два существенных момента, подкрепляющих мои суждения. А. М. Спиридонов связал встреченные в Посвирье внушительные монетные и монетно-вещевые клады XI в. с развитием пушного промысла и торговли не Приладожья, а Прионежья. Это верное общее наблюдение можно конкретизировать и хронологически и географически. Найденные сокровища, думается, еще один довод в пользу существования Алаборгского ярлства, контролировавшего в XI в. северное Приладожье, водный путь по Свири и, возможно, земли Прионежья. Далее, по мнению А. М. Спиридонова, проанализировавшего Устав князя Святослава Ольговича 1137 г., в Прионежье первоначально не было новгородских погостов, они располагались в более далеком Заволочье. Следуя этой мысли автора, можно предположить, что не только юго-восточное Приладожье, но и Прионежье (полностью или частично) определенное время входило в состав Ладожской земли. События, связанные с новгородским освоением Севера, развивались как бы в обход двух упомянутых районов. Появление в Уставе 1137 г. приписки о Обонежском ряде свидетельствовало о подчинении, примерно, в середине XIII в. этих районов судебно-податному контролю новгородских властей. Если все сказанное верно, то восточная граница Ладожской земли в период до середины XIII в. включала если не все, то значительную часть Прионежья.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

РУСЬ И ЧУДЬ, ВАРЯГИ И ГОТЫ
(итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.)

В середине 1980-х годов серией коллективных и индивидуальных авторских монографий и статей, а также выступлений и обсуждений на конгрессах, конференциях, симпозиумах определилась качественно новая ситуация в изучении так называемого «варяжского вопроса», точнее же — русско-скандинавских отношений в период становления классового общества и раннефеодального государства в Восточной и Северной Евро-

пе IX—XI вв.[1] Наиболее существенным достижением в изуче
нии этих отношений пока что, видимо, следует считать полу
ченную в результате многосторонних, междисциплинарных
практически международных по характеру исследований перио
дизацию русско-скандинавских связей, изложенную за послед
нее время в ряде работ. Рассматриваемые отношения, согла
но археологическим и письменным данным, развивались на про
тяжении четырех периодов (в рамках которых, в свою очередь
могут быть выделены более дробные этапы) с середины VII
до середины XI в.[2]

Первый период (до середины IX в.) включает этапы:
а) 750—830 гг. установление контактов славян с варягами
(скандинавскими норманнами); возникновение первых торго
вых центров (типа ранней Ладоги); первые сведения о похо
дах «русов», о «каганате росов» 838—839 гг.;

б) 840—850 гг. обострение отношений, «изгнание варягов»
(согласно Повести временных лет).

Второй период (вторая половина IX — первая половина
X в.): а) 860—880 гг. «призвание князей» (утверждение Рюри
ка в Ладоге), стабилизация отношений с викингами, вовлече
ние части варягов в среду «руси», зафиксированное ПВЛ; сло
жение системы международных путей и центров на Балтике
начало регулярного денежного обращения восточного серебра
поступавшего через Русь;
б) 880—910 гг. объединение Древнерусского государства при
Олеге, участие варягов в походах киевского князя, появление
их в составе древнерусского боярства; стабилизация торговых
связей;
в) 910—950 гг. время ассимиляции варягов, а также регуляр
ного использования Киевским государством временных наем
ных контингентов скандинавских воинов; закаспийские похо
ды «русов»; одновременно переживают наивысший расцвет
международные протогородские центры как на Руси, так и в
других странах Балтики и Скандинавии.

Третий период (середина и вторая половина X в.) проходит

[1] Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Послесловие // Ловмянь
ский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 241—243.

[2] Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А. и др.
Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государст
ва (IX—XI вв.) // Scando-Slavica, 24, 1978. S. 63—89; Herrmann J. Ge
meinsame und unterschiedliche Züge der Ostseekultur. Stufen ihrer Entfaltung
// Hermann I. e. a. Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte des Ostseevöl
ker. Berlin, 1982. S. 142—149; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.
Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего
средневековья: К постановке проблемы // История СССР. 1984. № 3. С. 50—
65; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-архео
логические очерки. Л., 1985. С. 259—261; Кирпичников А. Н., Ду
бов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: Этапы и формы развития рус
ско-скандинавских отношений в IX—XIII вв. // Славяне и скандинавы / Под
ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986. С. 189—297.

в обстановке растущей политической консолидации раннефеодальных государств, как на Руси, так и в Скандинавских странах. В рамках периода ключевые события могут быть выделены в пределах особого этапа — 960—970 гг., когда происходит перестройка системы трансъевропейских водных путей, упадок Волжской магистрали после походов Святослава, возрастание роли Волховско-Днепровского пути «из варяг в греки», полностью контролируемого Киевской Русью; с этого времени перестают функционировать или теряют прежнее значение такие центры Балтики, как Бирка в Швеции, Хедебю в Дании, Ральсвик на о. Рюген и др.; на Руси постепенно снижается роль Ладоги, Гнездова под Смоленском, Тимерева под Ярославлем, форсированными темпами развиваются Киев, Новгород; в странах Балтики и Скандинавии появляются новые города, основанные королевской (княжеской) властью.

Четвертый период (конец X — первая половина XI в.) тесно связан с предшествующим, однако Русь все более опережает в своем развитии скандинавских партнеров. Княжения Владимира и Ярослава можно рассматривать внутри этого периода как особые этапы:
а) 980—1015 гг., когда конституируется феодально-христианская государственность Киевской державы, а отношения со Скандинавией развиваются, главным образом, в форме военного наемничества и зарождающихся династических связей; постепенно сокращается объем торговых отношений, характерный для трех предшествующих периодов;
б) 1016—1054 гг. — время окончательного торжества новых, по существу межгосударственных форм политических контактов феодальных стран Средневековья, при этом с ощутимым воздействием Древней Руси на развитие некоторых сфер культуры в Скандинавских странах.

В течение выделенных четырех периодов славяно-скандинавские отношения развивались в составе своеобразного, интерэтничного культурно-экономического сообщества, объединявшего страны Балтийского региона. В рамках сообщества проходили сложные и взаимообогащающие процессы взаимодействия, обмена, интеграции этнических, племенных культур, перераставших в культуры раннесредневековых народностей и государств. Можно выделить четыре уровня, на которых реализовывался этот процесс обмена и культурной интеграции:[3]

I. Материально-ценностный уровень. Его основу составил поток восточного серебра, поступавшего через земли Древней Руси на Балтику, и обеспечивший с конца VIII до последних

[3] Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Славяне и скандинавы в эпоху раннего средневековья: Проблемы интеграции и периодизации культур // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М., 1986. С. 160—162.

десятилетий X в. экономическую жизнедеятельность «балти
ского сообщества». На этой основе осуществлялся многосто
ронний обмен материальными ценностями и технологическим
навыками в различных отраслях производства.

II. Семантически-знаковый уровень. Взаимопроникновени
знаковых систем выявлено в последнее время на ряде новы
категорий источников (клинковая эпиграфика, граффити н
монетах); к этой же сфере относится совместное развитие и
новаций в графической символике, «гибридизация» орнамент
ки, билингвизм, зафиксированный в ономастике, двусторонни
языковые заимствования.

III. Социально-политический уровень. Общие знаковые с
стемы или обмен ими, в свою очередь, отражают развити
сходных или взаимосвязанных институтов в дружинной и г
родской среде. Единые социальные нормы выражались в ра
говой атрибутике, новых видах погребального обряда, принц
пах градостроительства, социальной терминологии, формирова
нии социально-правовых представлений.

IV. Идеологически-ценностный уровень. Взаимодействи
здесь проявились в развитии прикладного искусства, орнамен
тики, создании общего фонда эпических сюжетов и образов
При этом определяющие импульсы поступали из культур
Древней Руси на Север, по пути «из грек в варяги»: именн
на Руси, распространявшиеся из Византии, других славянски
стран, равно как и складывавшиеся в Восточной Европе норм
и ценности феодального общества обретали форму, доступну
и усваивавшуюся в северных странах (реализованную, в част
ности, в записанных позднее скандинавских сагах, где обра
Ярослава Мудрого, «конунга Ярицлейва» выступает эпически
обобщением представлений о феодальном правителе).

Процессы культурно-экономического взаимодействия н
Балтике не ограничивались взаимоотношениями лишь дву
этнических массивов — восточных славян и скандинавов. Н
в меньшей мере в них были вовлечены и другие славянские пле
мена (ободриты, лютичи, поморяне), германские народност
(фризы, саксы), а также балты (пруссы, курши, латгалы), при
балтийские финны (ливы, эсты, финны-суоми), равно как
многоэтничное население прилегавших к Балтийскому регион
областей Западной, Центральной и Восточной Европы.[4] Прин
ципиальное значение для дальнейшей продуктивной разработ
ки «варяжского вопроса» имеет циркумбалтийская концепция
противопоставленная в современных работах ограниченному

[4] Hermann I. Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte des Ostsee
völker; Лебедев Г. С. Викинги и славяне на Балтийском море // Сканд
сборн. XXIX. Таллин, 1985. С. 217—221; Кирпичников А. Н., Лебе
дев Г. С., Дубов И. В. [Рецензия] // Вопросы истории. 1985. № 12
С. 153—156. Рец. на кн.: Викинги и славяне. К ранней истории народов
Балтийского моря.

двустороннему изучению русско-скандинавских отношений, и при этом значительно более насыщенная и реалистичная картина многосторонних экономических, социальных, политических и культурных связей народов и стран, расположенных по берегам Балтийского моря.[5] Именно циркумбалтийская концепция международных отношений в период становления первой классовой формации на Севере и Востоке Европы, учитывающая творческий вклад и взаимообусловленность развития каждого из европейских народов в едином историческом процессе, является наиболее перспективной альтернативой дискуссии норманистов и антинорманистов, уходящей в историографическое прошлое.[6] С позиций циркумбалтийской концепции, прежде всего, раскрывается формационное единство и принципиальная направленность социально-экономических процессов в обширной зоне средневекового мира, не входившей в ареал «римско-германского синтеза», давшего «классическую» западноевропейскую модель феодального строя. Страны Европы, не входившие в античную эпоху в состав Римской империи и не подвергшиеся германским завоеваниям, как западноримские провинции в эпоху Великого переселения народов,[7] шли к феодализму, формировавшемуся на основе эволюции крестьянского общинного уклада. Протофеодальные элементы в этих обществах для утверждения своей экономической и политической власти над сельской и раннегородской общиной широко использовали государственный аппарат, служивший действенным средством кристаллизации господствующего класса. «Лены, состоящие из даней», иерархическое распределение собранных в централизованном порядке податей, по наблюдению К. Маркса, составляли специфическую форму раннефеодальной эксплуатации в государственных образованиях типа «империи Рюриковичей», и этот тип раннефеодального, опосредствованного участием в деятельности государственного аппарата «вассалитета» Маркс противопоставлял «классическим» западноевропейским формам феодализма.[8] Близкие по направленности социально-политические процессы происходили и в Византии, где позднеантичная государственность взаимодействовала с аграрным укладом общин славянских переселенцев, вдохнувших новые

[5] Лебедев Г. С. 1) Северные славянские племена // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Под ред. А. Н. Кирпичникова. Л., 1985. С. 46—47; 2) Эпоха викингов... С. 100—101, 263—269.

[6] Шаскольский И. П. 1) Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 152—165; 2) Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1983. С. 35—51; 3) Норманская проблема в исторической науке 1970 — 1980-х гг. // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции... С. 122—124.

[7] Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.

[8] Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. New York, 1969. P. 109.

жизненные силы в дряхлевший организм Восточноримской им
перии и обеспечивших тем самым ее преобразование в ранне
феодальное государство. Византия VII—IX вв. по своим фор
мационным характеристикам не только приближалась к «вар
варским» раннегосударственным образованиям Средней, Вос
точной, Северной Европы, но, в силу высокоразвитой античной
идейно-политической традиции, служила для них источником
многих определяющих ценностей и норм средневекового обще
ственного строя. Общие формационные характеристики разви
вавшихся за пределами действия «римско-германского син
теза» раннефеодальных обществ Балкан, Малой Азии, Кавка
за, Центральной, Восточной и Северной Европы выдвигаются
после появления ряда обобщающих работ по отдельным регио
нам, как предмет весьма перспективных и углубленных соци
ально-экономических и историко-культурных исследований.[9]

При всем значении воздействия высокоразвитой и древней
цивилизации византийского Средиземноморья на сопредельны
«варварские общества» славян, тюрок, кавказских народов и
более отдаленных племен, процесс становления раннефео
дального строя, разумеется, не был простым распространением
пассивным восприятием общественных и культурных норм, вы
работанных «цивилизованным миром». Экономический прогресс
распад племенного строя, высвобождение широких обществен
ных сил вызвали к жизни яркий расцвет творческих возможно
стей народов, составлявших в античной древности «варварскую
периферию» рабовладельческих империй. На севере и северо
востоке Европы расцвет этот и был реализован возникшим в
VIII—IX вв. международным культурно-экономическим сооб
ществом, объединившим страны, расположенные по берегам
Балтийского моря. Это сообщество сложилось в пределах од
ного из европейских «субконтинентов», состоящего из примы
кающих к побережьям Балтийского и Северного морей равнин
ных низменностей, ограниченных на юге цепью гор и возвы
шенностей: Арденны—Гарц—Рудные горы—Судеты—Силезия —
Белорусская — Валдайская — Вепсовская возвышенности. В
почти тождественных географических условиях обитали под
разделения нескольких этнических массивов: германского, сла
вянского, балтского, финно-угорского. Балтика с глубокой
древности была для всех этих этносов естественной зоной кон
тактов и взаимодействий.

Ранняя история этих контактов, очевидно, достаточно слож-

[9] Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979; Курбатов Г. Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984.

ная, до сих пор изучается сравнительно изолированными друг от друга специалистами по изучению региональных культур и локальных процессов первобытной истории и археологии «железного века» (I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.). Однако анализ накопленных археологических, лингвистических и письменных данных приводит к выводу, что с V—VII вв. в Балтийском регионе развертываются единые по направленности процессы разложения племенного строя, социальной стратификации, накопления некоторых излишков общественного продукта, общественного разделения труда. В VIII—IX вв. намечается определенный уровень интеграции этих процессов, проявившийся в быстром развитии урбанизации. На субконтиненте разворачивается «городская революция», характерная для перехода от первобытнообщинных к классовым отношениям.[10] Складывается сеть международных путей и торговых центров, типологически близких. В масштабах субконтинента налаживается товарообмен, «балтийская торговля», основанная на единой системе средств денежного обращения (на раннем этапе — стеклянные бусы, затем — арабское, позднее — германское и английское монетное серебро).[11] В раннегородских центрах формируется «городская культура Балтики», единая во многих своих проявлениях (от градостроительных принципов до социально-знаковых систем). Она воздействует на формирование «дружинных культур», однако ни в одном из случаев не вытесняет местной этнокультурной традиции, а лишь обогащает ее, подготавливая преобразование локальных «племенных культур» в культуры раннефеодальных государств и народностей.[12]

Единство экономических, социальных, культурных процессов позволяет определить сообщество городов, народов и стран Балтийского региона в VIII—XI вв. как «балтийскую субконтинентальную цивилизацию» (подобную «кельтской цивилизации» середины 1 тыс. до н. э.).[13] В ее развитии выделяются три этапа: 1) VIII — начало IX в., становление; 2) середина IX — последняя треть X в., расцвет; 3) конец X — первая половина XI в., упадок. По мере укрепления феодального строя в рамках раннесредневековых государств «балтийская цивили-

[10] Массон В. М. 1) Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 140—144; 2) Типология древних городов и исторический процесс // Древние города / Под ред. В. М. Массона. Л., 1977. С. 5—7; Лебедев Г. С. Город викингов и состояние структуры скандинавского общества // Древние города. С. 74—77.

[11] Herrmann J. Gemeinsame und unterschiedliche Züge der Ostseekultur... S. 122—127; Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 100—119.

[12] Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А. и др. Русско-скандинавские связи... С. 81—83; Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1970. С. 28.

[13] Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

зация» теряет самостоятельное значение и адаптируется к ух
существующим формам европейской цивилизации феодально
средневековья XI—XIII вв.[14]

Аналогичные по направленности процессы развивались и
других регионах. Почти синхронно с «балтийской цивилизац
ей», далеко к юго-востоку от нее, на стыке Европы и Аз
складывается такого же рода «понто-каспийская цивилизация
оседающих на землю кочевых иранских и тюркских племен
Собственное производство этих обществ, как и в Балтийско
регионе, еще не в состоянии было обеспечить динамично раст
щие потребности новых общественных групп — свободных о
щинников, социально-экономический статус которых значител
но повышался, военно-дружинной знати; в развитии внешни
связей были заинтересованы и формирующиеся слои местны
купцов и мастеров-ремесленников. В силу этого внешнеэк
номические отношения достигают беспрецедентного масштаб
а трансконтинентальные пути связывают между собою отда
ленные друг от друга области и страны Европы и Азии.

Древняя Русь, формировавшаяся на пространстве от Бал
тийского до Понто-Каспийского региона, в развитии этих свя
зей играла исключительно важную роль. В период расцвет
«балтийской цивилизации» через Русь на Балтику поступал
основная часть находившихся в обращении денежных средст
так как от 30 до 40% импортировавшегося в Восточную Евр
пу арабского серебра русские центры направляли во внешне
обращение, стимулируя экономическую активность и обеспеч
вая жизнеспособность Балтийского культурно-экономическог
сообщества.[16] В то же время этот «серебряный поток» и кана
лы его поступления (водные пути по Волге, Дону, Донцу, Оке
зависел от развития отношений Древней Руси с кочевническ
ми государственными образованиями — Волжской Булгарией
Хазарским каганатом. Эти отношения имели важное значени
и для предшествующего периода развития восточного славян
ства, следовательно, в определенной мере повлияли на роли
славянских племен в создании Балтийского сообщества и тем
самым, в частности, на развитие в рамках этого сообщества
славяно-скандинавских связей. Кочевнический фактор действо
вал в истории Восточной Европы особенно активно с эпохи
Великого переселения народов (открывающейся здесь вторже
нием гуннов в Причерноморье в 375 г.), а к 670 г. определил

[14] Лебедев Г. С. Балтийская субконтинентальная цивилизация ран
него средневековья: К постановке проблемы // Тезисы докладов X Всесоюз
ной конференции... С. 158—160.

[15] Гадло А. В. Основные этапы и тенденции этносоциального разви
тия этнических обществ Северного Кавказа в период раннего средневековья
// Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. Сер. 2. Вып. 1. С. 11—24; Плетнева С. А.
От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967; Артамо
нов М. И. История хазар. Л., 1962.

[16] Славяне и скандинавы. С. 218.

ся в результате стабилизации Хазарского каганата, власть которого распространялась и на некоторые славянские племена.[17] Прошло свыше ста лет, прежде чем к северо-западу от Хазарии, на славянских землях Восточной Европы обозначилось новое, мощное политическое единство, выступающее в письменных источниках как «каганат росов», или «Руска земля».

Показания Повести временных лет, под 852 г. сообщающей о провозглашении государства «Руска земля», приурочивая это событие к первому году царствования Михаила III Исавра (842 г.), и франкских Бертинских анналов, в 838—839 гг. зафиксировавших посольство «кагана росов» к византийскому и франкскому императорам, видимо могут быть уточнены на основе археолого-нумизматических данных. Распространение в Восточной Европе кладов, зарытых в так называемый «1-й период обращения дирхема (780—833 гг.)», обрисовывает сплошной ареал, в пределах которого действовала единая система денежного обращения и границы которого приблизительно совпадают с границами Киевской Руси более позднего времени.[18] Русь выступает определившейся политико-экономической реальностью за несколько десятилетий до летописного «призвания варягов», т. е. в первой трети IX в.

Истоки этой реальности необходимо, очевидно, искать в предшествующем периоде. Во многом этим определяются и перспективы дальнейшего изучения русско-скандинавских отношений. Следует напомнить, что известие Бертинских анналов свидетельствует уже об определенном этапе развития связей норманнов с Русью: послами «росов» (rhos) были «свеи» (gentis esse sueonum).[19] С этим обстоятельством вот уже двести пятьдесят лет, со времени Г. З. Байера и М. В. Ломоносова, связана и дискуссия о происхождении и первоначальном значении самого названия «русь».

Современные представления о состоянии проблемы происхождения названия «русь» суммированы в недавних работах советских лингвистов и историков А. И. Попова, Г. А. Хабургаева, Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина.[20] Наиболее обоснованной выступает связь славянского «русь» с финским «ru-

[17] Артамонов М. И. История хазар. С. 174.

[18] Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне / Под ред. Т. В. Николаевой. М., 1978. С. 111—117; Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 138.

[19] Сборник документов по истории СССР. Часть 1. IX—XIII вв. /Под ред. В. В. Мавродина. М., 1970. С. 35.

[20] Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 46—63; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 218—220; Петрухин В. Я. Комментарии // Ловмяньский Х. Русь и норманны. С. 235, 239, 280, 284, 287; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Славяно-финно-скандинавские этноязыковые контакты в раннее средневековье // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции... С. 128—130.

otsi», которое в свою очередь возводят обычно к древнесеверному источнику (чаще всего «róðR» в значении «гребцы, участники морского похода на гребных судах»).[21] Сложность реконструкции, однако, заключается в том, что, как отмечает квалифицированный западногерманский филолог-славист Г. Шрамм, такое скандо-финно-славянское заимствование могло произойти лишь при весьма древнем языковом состоянии славянства, до завершения «второй палатализации», то есть ранее VI—VII вв.[22] В традиционных рамках «варяжского вопроса» столь ранние этапы славяно-финно-скандинавских взаимоотношений обычно не рассматриваются.

Лингвистический анализ проблемы происхождения названия «русь», следовательно, выводит далеко за пределы периода, наиболее изученного сейчас и археологами, и историками, к той эпохе, когда славяне взаимодействовали на просторах Восточной Европы с иранскими, тюркскими, угорскими, гуннскими, и появившимися в Северном Причерноморье незадолго до вторжения гуннов, восточногерманскими (готскими) племенами (в этноязыковом и культурном отношении ближайшими родственниками скандинавских норманнов). Однако древности эпохи Великого переселения народов (IV—VII вв.) и в археологическом, и в историческом, и в языковом отношении по сравнению с материалами VIII—XI вв. изучены пока что значительно менее систематично. Именно здесь, очевидно, должны быть сосредоточены наиболее перспективные новые разработки конкретно-исторической проблематики ранней истории и этнокультурных связей восточных славян.

«Варяжская проблема» в традиционном ее понимании, на современном этапе историко-археологических исследований, располагает, во-первых, достаточно детальной периодизацией русско-скандинавских отношений VIII—XI вв., во-вторых, циркумбалтийской концепцией интерэтничных связей, объединявших славян и скандинавов в раннем средневековье, и в-третьих, перспективами изучения «балтийской цивилизации», на протяжении трех столетий служившей стабильной формой реализации этих связей. Однако сами по себе эти результаты не означают еще окончательного решения всего комплекса конкретно-исторических проблем, ассоциирующегося с «варяжским вопросом». И напротив, с учетом новых достижений обрисовываются и новые, более глубокие, перспективы исследований, нацеленных на поиск и изучение дальних исторических предпосылок выявленных историками и археологами процессов и явлений раннего средневековья. В аспекте славяно-скандинавских отношений, в частности, это означает, что из «варяжской проблемы» вырастает, по мере углубления к ее истокам, «готская проблема», то есть близкий по структуре, хотя и связанный с принципиально иной исторической эпохой комплекс исследовательских задач, направленных на изучение славяно-скандинавских (и, шире, славяно-германских) отношений в первой половине — середине I тыс. н. э. Именно здесь, по-видимому, и следует искать ответы на многие, остающиеся нерешенными вопросы.

Взаимосвязь этих двух пластов исторической проблематики осознана достаточно давно. Еще десять лет тому назад, на VII конференции скандинавистов в Ленинграде в 1976 году Э. А. Сымонович поставил вопрос о соотношении «варяжской» и «готской проблемы».[23] Однако лишь сравнительно недавно, в начале 1980-х годов готская проблематика в широком историческом контексте стала предметом внимательного и глубокого анализа, осуществленного В. Н. Топоровым, а на последней, X конференции скандинавистов в Москве в 1986 году «готская проблема» была зафиксирована как требующая перспективных и многосторонних междисциплинарных разработок, которые должны стать предметом обсуждения на последующих конференциях. Без таких разработок, как констатировал ранее В. Н. Топоров, «вся тема германцев в Причерноморье пребывала бы в состоянии, достигнутом уже на рубеже XIX—XX вв... особенно если учесть, что у нас с начала 30-х годов эта тема перестала разрабатываться и только в последние годы (и только, пожалуй, в археологии) появились некоторые сдвиги».[24]

В цитируемой работе полно и точно очерчен широкий исторический контекст «готской проблемы». Он включает ряд взаимосвязанных тем: а) взаимоотношения индоевропейских племен Северо-Восточной Европы (германцы, балты, славяне) на последнем этапе индоевропейского диалектного членения; б) миграции германских племен и их контакты (балты, славяне, кельты, фракийцы, иллирийцы, иранцы, кавказские народы, тюрки, греки, римляне, арабы и т. д.); в) судьба восточногерманских народов и их языков; г) этнолингвистический и культурно-исторический контекст формирования славянства (проблема славянской «прародины» и германских заимствований в праславянском языке); д) ранняя история Юга России (первые предгосударственные образования); е) геоисторический аспект: Южная Россия как транзитный пункт между Скандинавией — Южной Прибалтикой и Балканами (средиземноморским побережьем вплоть до Испании), с одной стороны,

[21] Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Славяно-финно-скандинавские этноязыковые контакты... С. 129.

[22] Schramm G. Die Herkunft des Namens Rus'. Kritik des Forschungsstandes // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd 30. Berlin, 1982. S. 19.

[23] Сымонович Э. А. «Готицизм» в археологии // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции... Л., 1976. Ч. 1. С. 144—146.

[24] Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 231—232.

Крымом, Кавказом (с выходами в Малую Азию и на Ближ
ний Восток) — с другой. Эта четко построенная цепь пробле
начальными своими звеньями примыкает к глубинным пласта
«палеоистории Европы», включающим ранние этапы формиро
вания индоевропейских народов; последующие звенья оказы
ваются ключевыми для проблемы славянского этногенез
(«прародина» славян и ранние славяно-германские контакты
а заключительные — для конкретизации представлений о те
раннегосударственных образованиях, которые, реализуя геоисто
рическую функцию основных территорий Древней Руси ка
связующего звена между Понто-Каспийским и Балтийским ре
гионами, составляли тем самым одну из базовых предпосыло
ситуации, определяющейся со второй половины VIII в., а в на
чале IX в. проявившейся уже в первых политических акция
Древнерусского государства.

Пока, к сожалению, историки вынуждены ограничиватьс
постановкой этих вопросов лишь в самой общей форме. Кон
статация «некоторых сдвигов» в археологическом изучении про
блематики может быть отнесена лишь к ее начальным этапа
(II в. до н. э. — IV в. н. э.). Ключевые для осмысления
V—VI вв. в археологическом отношении остаются «темными
веками». Для столетий, непосредственно предшествующих по
явлению на картах Восточной Европы первых «курганны
культур», с которыми можно связать конкретные этнополити
ческие процессы развития предгосударственных образовани
(хотя бы типа «племенных княжений»), т. е. таких группиро
вок, как роменско-боршевская культура, новгородские сопки
смоленско-полоцкие длинные курганы VIII—IX вв., псково
боровичские длинные курганы (V?) VI—VII вв., общая карти
на культурно-исторического процесса в IV—VI вв. остается
мозаичной и во многом неясной. Локальные группировки пред
шествующего периода (культуры раннего железного века лес
ной зоны) именно во второй — третьей четверти I тыс. неуло
вимо меняют свой облик, границы, содержание, и мы не рас
полагаем даже точной хронологией этих изменений.

По-видимому, значительная часть этих локальных культур
(типа дьяковской или тушемлинской) продолжала свое разви
тие, и в дальнейшем некоторые из них составили основу из
вестных по летописи племенных группировок (в том числе не
славянских), вошедших в состав Киевской Руси. Локальное
своеобразие, однако, не позволяет пока выявить те ранние ин
тегрированные тенденции, которые можно предположить как
предпосылку для появившегося в первой трети IX в. раннего
сударственного объединения «каганата росов», или «Руской
земли» 838—852 гг. Ареал «кладов 1-го периода обращения
дирхема (780—883 гг.)» выступает в целом как новообразова
ние, перекрывающее мозаику более ранних культур и объеди
няющее их границей действия новых форм отношений.

В материалах предшествующего времени есть, правда, од
на категория древностей, ареал которой также имеет отчетли
во надкультурный характер, и приблизительно, хотя и с суще
ственными отклонениями, совпадает в своих границах с более
поздним ареалом ранних кладов серебра. Это — так назы
ваемые «вещи с эмалями» (фибулы и другие виды украшений),
концентрирующиеся прежде всего в Среднем Поднепровье и
распространяющиеся по Десне, Оке и до Прикамья, а также
известные на Верхней Волге, в Верхнем Поднепровье, Днепро-
Двинском междуречье, единичными находками представленные
в районе Ладоги и особенно плотно сосредоточенные в при
балтийских областях (Эстония, Латвия, Литва, междуречье
Немана и Вислы), достигая Фенноскандинавии.[25] Типологи
чески и культурно-исторически «вещи с эмалями» связаны с
некоторыми другими видами древностей: пальчатыми фибула
ми, антропо- и зооморфными украшениями, богатыми кладами
типа перещепинского, в датировке, культурной атрибуции и
исторической интерпретации которых много до сих пор нере
шенных проблем.[26] В целом они, конечно, свидетельствуют об
интенсивной насыщенности «темных веков» яркими и значи
тельными событиями истории Восточной Европы. Однако уро
вень систематизации всех этих древностей, и прежде всего их
хронологической атрибуции, в настоящее время не позволяет
использовать их в качестве надежных историко-археологиче
ских источников для реконструкции этих событий. Последнее
обстоятельство осложняется еще и тем, что и события, и отра
зившие их древности относятся к сложной, многоэтничной
сфере, включавшей не только славян и готов, балтов и фин
но-угров, но и сармато-аланские племена, гуннов, вторгшихся
в Причерноморье, авар, позднегуннские и тюркские племенные
объединения (булгар, хазар и др.). Для периода с 375 г.
(гуннское вторжение и крушение готской державы в Причер
номорье) и до 670 г. (становление Хазарского каганата) прак
тически нет обоснованных идентификаций этнокультурной при
надлежности комплексов и памятников, содержащих все эти
яркие и несомненно информативные в исследовательской пер
спективе вещи. В силу этого обстоятельства, на современном

---

[25] Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // Археология СССР, САИ Е1—43. Л., 1978.

[26] Засецкая И. П. О роли гуннов в формировании культуры южно-русских степей конца IV—V века нашей эры // АСГЭ. 1977. № 18. С. 92—100; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 84—92; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 68—90; Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 11—17; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 19—29. Карта 5.

этапе изучения не может быть удовлетворительно интерпретирована и система связей между племенными группировками Восточной Европы и Прибалтики, выступающая за распространением «вещей с эмалями».

Самый авторитетный исследователь этих древностей Г. Ф. Корзухина, отмечая датировку ряда «вещей с эмалями» III—IV вв., отрицала при этом возможность их связи с существовавшей в то время черняховской культурой Северного Причерноморья.[27] В работах последних лет, однако, все определеннее выступает включенность «вещей с эмалями» Среднего Поднепровья в комплексы выделенных недавно «памятников киевского типа», синхронных черняховской культуре и располагавшихся чересполосно с ее памятниками.[28] Появились, следовательно, новые основания для постановки вопроса о связи между распространением «вещей с эмалями» и формированием, развитием и финальными этапами существования черняховской культуры. Остро дискуссионная черняховская проблематика в последние десятилетия значительно продвинулась в разработке, особенно ее хронологического аспекта и культурно-генетических связей, детально исследованных в серии работ М. Б. Щукина.[29] Подводя итоги современного состояния черняховских материалов, один из ведущих исследователей этих памятников Ю. В. Кухаренко определенно связал их с готами, после переселения последних «из низовьев Вислы в Причерноморье и Подунавье, где они, по словам К. Маркса, „образовали могущественную монархию". Археологическим отображением этой монархии и является известная черняховская культура».[30]

«Могущественная монархия», о которой писал Маркс, или готская «держава Германариха», известна историкам главным образом по «Гетике» Иордана, где она описана на основе готских эпических преданий. Согласно этим преданиям, в состав державы накануне гуннского вторжения было включено «много весьма воинственных северных племен»: от «эстиев», локализуемых в юго-восточной Прибалтике, и «венетов» (с которыми Иордан связывал также антов и склавинов, т. е. современные ему славянские племена VI в.) до многочисленных и неясных группировок, перечень которых большинство историков считает легендарным и недостоверным.[31]

Правда, в ряду этих легендарных «этнонимов Иордана» имеются названия, идентификация которых с лингвоисторической стороны представляется вполне правдоподобной (Thiudos — чудь, Vas — весь, Merens — меря, Mordens — мордва), совпадая с зафиксированной спустя пять столетий этнонимией Повести временных лет.[32] Быть может, это обстоятельство заслуживает особого внимания, если учесть, что очерченное в тексте Иордана этническое пространство довольно точно совпадает с ареалом «вещей с эмалями». Это совпадение требует изучения и объяснения. «Этнонимия Иордана» и «вещи с эмалями» образуют два взаимоналагающихся ареала, обрисовывающих некое полиэтничное образование, не совпадающее с черняховской культурой, но каким-то неясным образом с нею связанное. Вполне возможно, что оно продолжало существовать и развиваться в «темные века», пережив крушение Готской державы 375—376 гг.

Именно сложность и неизученность этнокультурных и политических процессов конца IV — первой половины VI в. в Восточной Европе делает вполне правомерным критический пересмотр некоторых, казалось бы, давно и прочно забытых гипотез. Показательна, в частности, недавняя попытка известного киевского исследователя М. Ю. Брайчевского по-новому взглянуть на выдвинутую без малого сто лет тому назад А. С. Будиловичем версию связи названия «русь» с эпическими «Reithgothi, *Hreiðgotar»,[33] т. е. взвесить возможности формирования этого названия в эпоху гото-сармато-славянских контактов.[34] Эпические «рейзготы», действовавшие в Восточной Европе, где локализовался «Рейзготаланд» более поздних германских преданий, не тождественны собственно историческим, германским готам (визиготам и остроготам), продвинувшимся далеко на Запад, до Испании и Италии; во многом они столь же загадочны, что и «росомоны», вошедшие в готские предания (контаминирующиеся, с одной стороны, со скандинавски-

---

[27] Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями... С. 58.

[28] Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. С. 105; Терпиловский Р. В. О характере контактов киевской и черняховской культур // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 81—86.

[29] Щукин М. Б. 1) Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 1977. № 18. С. 79—91; 2) К предыстории черняховской культуры: Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. № 20. С. 64—89.

[30] Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М., 1938. С. 9; Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980. С. 78.

[31] Буданова В. П. Этническая структура «Государства Германариха»: По данным письменных источников // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 34—40; Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 89—90, 262—267.

[32] Лебедев Г. С. Северо-Восток Европейской части России в середине I тыс. н. э.: Состояние письменных и археологических данных // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока / Под ред. А. Д. Столяра. Сыктывкар, 1985. С. 24—34.

[33] Будилович А. С. К вопросу о происхождении слова Русь // Труды VIII АС в Москве 1890 г. Т. 4. М., 1897. С. 118—119; Васильевский В. Г. Введение в житие св. Стефана Сурожского // Труды: В 4 т. Т. 3. СПб., 1915. С. CCLXXII.

[34] Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв.: История и археология / Под ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 22.

ми песнями «Эдды», а с другой — со славянской легендой о братьях-основателях Киева).[35]

Более внимательно отнестись к возможной связи названия «русь» с этой группой ранних этнонимов заставляет другое, зафиксированное у Иордана название: thiudos. Контакты скандинавских германцев с прибалтийскими носителями этнонима «чудь» не прерывались в течение всего I тыс. н. э. Для «темных веков» показательны, в частности, находки на острове Тютерс в глубине Финского залива, где исследованиями 1909, 1939 и 1986 гг. зафиксирована одна из ранних корабельных стоянок (с курганным могильником и остатками дюнного поселения) на морской части пути «из варяг в греки».[36] Здесь, вместе со скандинавской фибулой, датирующейся временем ок. 500 г., найдены образцы штрихованной керамики, характерной для местной, континентальной «предкурганной культуры», которая в пределах Северо-Запада Руси с наибольшей вероятностью соответствует чуди IV—V вв.[37]

Как для славян VIII—IX вв., так и для контактировавших с запада или юга иноэтничных групп более раннего времени чудь была первым финноязычным массивом на территории Северо-Запада, и закрепленный за нею этноним, во-первых, не совпадал с ее самоназванием (что характерно как для славянского, так и для готского случая), во-вторых, в значительной мере носил собирательный характер. С этой точки зрения представляет интерес семантика готского этнонима. Не вызывает сомнений его германский характер, и связь с готским thiudos — «народ-войско», «ополчение». Термин этот сохранял общесеверное значение и в более позднее время, когда в форме þjóð выступает в близком семантическом спектре þjóðkonungr — «вождь народа», þjóðveldið — «народовластие», yrþjóð — «подданные, плательщики податей» и пр.).[38] Возможно, мы имеем дело в данном случае с этнополитическим значением этнонима, где германский по происхождению термин фиксировал определенную совокупность прав-обязанностей финноязычного населения, составлявшего самостоятельный воинский контингент в рамках полиэтничного предгосударственного образования.

Этносоциальная эволюция семантики подобных терминов фиксируется и в некоторых других случаях. Как показал, опираясь на разработки Е. Окулича, в специальном исследовании В. С. Суворов, «эстии» юго-восточной Прибалтики, известные со времен Тацита и Птолемея, после VI—VIII вв. начинают именоваться «пруссами». Этноним восходит к готскому prus — «конь», и обозначал первоначально, по-видимому, привилегированный слой тяжеловооруженных всадников, составивших новую ударную военную силу, и политически господствующий слой формирующегося раннефеодального общества.[39] Весьма детальные разработки, осуществленные В. И. Кулаковым, раскрывают раннее и глубокое взаимодействие в прусской культуре местных, балтских элементов с дериватами позднеантичной традиции, «готским вкладом», преемственно сменяющими его западногерманскими и скандинавскими воздействиями, которые сочетаются при этом и с усвоением существенных компонентов кочевнических всаднических культур.[40]

Стоит отметить, может быть, что подобное «военно-политическое» насыщение семантики этнонимов могло затронуть и самоназвание готов, по крайней мере в эволюции более поздних древнесеверных диалектов. В эпическом тексте рунического камня из Рёк (IX в.) конунг готов Тьодрек (Теодорих Великий?), на берегу «Рейз-моря» (Hraiđ-marar) восседает «a guta sinum», где gut (эпическ.) — «конь, жеребец, скакун».[41] Тенденция к выделению и закреплению в социоэтнонимии всаднического слоя, противопоставленного пешему ополчению рядовых свободных, вполне закономерна для варварского общества, а интенсивные военные контакты с кочевниками в эпоху Великого переселения народов значительно актуализировали такого рода процесс.

В сложном контексте взаимодействия исчезнувших древнегерманских языков с выявляющейся балтской, финской, славянской, видимо также кельтской, иранской и прочей этносоциальной терминологией представляется своевременным углубленное лингвоисторическое изучение семантики готского hreiđ — «слава», drôt — «войско, рать, толпа» и других этого круга лексем, которые могли эволюционировать и в более поздние диалектные формы, и вполне самостоятельно воздействовать на формирование финского ruotsi, ruossi (диалектный вариант, выявленный в окрестности Выборгского залива, т. е. зоне финно-скандинавских контактов, зафиксированных находками на о. Тютерс),[42] а равным образом, и с финским посредничеством, и помимо него — на славянское «русь», «роусь», «рось» («Правда росьска»), византийское Ρως, латинское Rhos, др.-англ. Rochouasco («Орозий короля Альфреда»)[43] и др. Возможное направление семантической эволюции указывает известная по руническим

[35] Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 165—166.

[36] Hackmann A. Ett fornfynd på Tytärsaari i Finska viken // Kaukomieli. Viborska avdelningen. IV. Helsinki, 1910. S. 45—58.

[37] Лебедев Г. С. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 29—39.

[38] Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 65.

[39] Суворов В. С. История юго-восточной Прибалтики в VI—XIII веках: Племена пруссов по материалам Калининградской области: Автореф. канд. дис. Л., 1985. С. 19—21.

[40] Кулаков В. И. Начало дружины пруссов // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции... С. 188—190.

[41] Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 156.

[42] Schramm G. Die Herkunft des Namens Rus'... S. 17.

[43] Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. С. 19, 27.

надписям Швеции форма ruþ, со спектром значений: «морской поход; участники морского похода; ополчение для морского похода».[44] Фонетически она наиболее близка и финскому этнониму, и летописному «русь», которое, как на это обратили внимание Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, в древнерусских вариантах «предания о варягах» выступает взаимозаменяемым синонимом слова «дружина».[45]

Семантика этого, возможно, наиболее раннего из реконструируемых значений слова «русь» не несет еще этнической нагрузки, акцентируя военно-политический аспект деятельности объединений и коллективов, обозначавшихся этим названием. В скандинавском материале рунических текстов речь идет, безусловно, не о конном войске, неспособном передвигаться на гребных судах; то же относится и к той «руси», которую по летописи «пояша по собе» Рюрик с братьями. Пеший, но хорошо вооруженный контингент воинов-дружинников составлял на Руси грозную и основную ударную часть вооруженных сил в IX и на протяжении значительной части X в. Как установлено фундаментальными исследованиями А. Н. Кирпичникова, процесс формирования конного войска в составе великокняжеских дружин Киевской Руси прослеживается лишь после середины X в.[46] Нелюбовь, да и неспособность русов IX — начала X в. к конному бою подметили арабские авторы (да и в VI в. легендарный народ hrws Псевдо-Захарии не мог сражаться на конях). Однако даже в 970-х годах пешие русы «с длинными до самых ног щитами, в кольчужных бронях» производили грозное впечатление (Лев Диакон), и лишь таранный, при этом фланговый удар тяжеловооруженной конной фаланги византийских катафрактариев мог поколебать этот «сильный боевой порядок».[47]

Тяжелая пехота, способная выдержать и противостоять натиску конницы, — вот что такое «русь» еще на исходе X в., во времена Святослава. Социо-этноним, во всей сложности его лингво-исторических связей, отразил длительный и динамичный путь развития определенной военно-политической организации, которая в сложившемся виде стала специфической организацией социальных сил восточного славянства. Этот воинский строй, эта форма военно-политического объединения, обеспечившая в IX—X вв. жизнестойкость восточнославянского Киевского государства и составившая его славу, формировалась, несомненно, на протяжении длительного, тысячелетнего периода противостояния многоэтничного оседло-земледельческого населения лесной и лесостепной зоны и конной кочевнической степи. Далекие истоки этого строя можно опознать уже у венедов Тацита, которые «носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»; тот же образ воинственной и при этом пешей деятельности отличает соседних с венедами бастарнов, которые «речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев», но из-за смешанных браков «приобретают черты сарматов».[48] Активно действовавшие на пространстве между оседлыми германцами и конными сарматами, бастарны (в результате скрупулезных типохронологических исследований К. В. Каспаровой идентифицируемые сейчас с носителями зарубинецкой культуры II в. до н. э. — I в. н. э.)[49] были «первопроходцами» в том Балто-Понтийском «коридоре», по которому вслед за ними во II в. н. э. прошли в Северное Причерноморье готы и другие связанные с ними племена.[50]

Это движение, так или иначе затронувшее все этнические массивы на пространстве от Прибалтики до Причерноморья, имело самое непосредственное отношение к ранним этапам славянского этногенеза. Готские заимствования довольно плотным слоем вошли в праславянский язык еще до его дифференциации, охватив различные сферы хозяйственной, культурной, военной деятельности (*xlêbъ — hlaifs, *velbǫdъ — ulbandus, *xlěvъ — hlaiw, *kotьlъ — *katils, *lěk — lēkeis, *xǫdožьn — *handags, śelmъ — hilms, *pъlkъ — *fulk, *kъnęzь — *kuniggs и др.), что свидетельствует о достаточно длительном и разностороннем взаимодействии восточногерманских пришельцев и автохтонного славянского населения лесной (и лесостепной?) зоны. «Анализ всех этих отражений готского языка на праславянской почве, — констатирует В. Н. Топоров, — имеет исключительное значение для определения местоположения славян в III—V вв., их территориальной дифференциации, степени монолитности праславянского языка и тем самым для более углубленного исследования проблемы славянской прародины».[51] Лингвоисторический контекст славяно-готских отношений отнюдь не исключает, а напротив представляет весьма перспективной воз-

[44] Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 82, 106, 214.

[45] Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Славяно-фенно-скандинавские этноязыковые контакты... С. 129.

[46] Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.

[47] Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР. М.; Л., 1941. С. 9—12, 80—81; Лебедев Г. С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России / Под ред. В. А. Ежова, И. Я. Фроянова. Л., 1978. С. 21—25; Сборник документов. С. 82—85.

[48] Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии, 46 // Корнелий Тацит: Соч. в 2 т. Т. 1. Л., 1969. С. 372.

[49] Каспарова К. В. 1) О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1977. № 18. С. 68—78; 2) Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. 1984. № 25. С. 108—117.

[50] Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках // АСГЭ. 1976. № 17. С. 80—100; Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II—IV веков: Перспективы ретроспективного метода // Там же. С. 67—79.

[51] Топоров В. Н. Древние германцы. С. 249.

можность его расширения и углубления за счет этносоциальной терминологии. По-видимому, этнокультурные отношения в первой половине — середине I тыс. н. э. окажутся столь же сложными, многосторонними, реализующимися на различных структурных уровнях, что и в конце I тыс. Как и в изучении ранних средневековых общностей Балтийского региона, но на этот раз в значительно более широком ареале (включая и Балтийский и Понто-Каспийский регион, и объединяющее их пространство степной, лесостепной и лесной зоны Восточной Европы), для периода с рубежа н. э. и до третьей четверти I тыс. необходимо провести, во-первых, исследование социально-экономической структуры и формационных характеристик племенных группировок (в значительной части позднее исчезнувших), относящихся к различным этническим массивам (древние германцы, балты, различные балто-славянские образования, праславяне и ранние славяне, финно-угры, сармато-аланские и позднескифские племена, фракийцы, гунны, протоболгары, тюрки и др.); во-вторых, выявить круг участников и восстановить систему этнокультурных связей и взаимодействий, проследить их динамику на протяжении этого длительного и сложного периода; в-третьих, определить структурные уровни этого взаимодействия с выделением вклада каждой из этнических культур и определением соотношений этих вкладов на каждом уровне (материально-технологическом и социально-политическом, семантически-знаковом и идеологически-ценностном); в-четвертых, наконец, выявить и охарактеризовать те конкретно-исторические образования (племенные союзы, предгосударственные объединения и пр.), в форме и составе которых реально протекали все эти отношения.

Круг задач, как и в разработке «варяжской проблемы», требует коллективного и координированного междисциплинарного взаимодействия историков, археологов, лингвистов, а в силу значительно большей хронологической удаленности и протяженности исследуемого периода, источниковедческой лакунарности он потребует и значительного усовершенствования методики исследований, реализованной на материалах последней четверти I тыс. н. э. Первые, вполне результативные опыты применения этой методики к материалам, в частности, черняховской культуры, уже предприняты, что свидетельствует о закономерном развитии исследовательского процесса в данной проблематике.

Междисциплинарное исследование «готской проблемы», точнее же — этнокультурных взаимодействий первой половины I тыс. н. э., построенное на той же методической и методологической основе, на которой было осуществлено к середине 1980-х годов изучение «варяжской проблемы», составляет исследовательскую перспективу, которая позволит раскрыть новые

[52] Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985. С. 15—22.

аспекты славяно-германских отношений в далеком прошлом; не лишним будет отметить, что именно эти отношения, зародившиеся «на рубеже эр», в течение последующих двух тысячелетий составляли все более заметный, а в новейшее время, можно сказать, определяющий фактор мировой истории. Конкретно-историческое исследование их генезиса уже в силу этого является весьма актуальной научной задачей.

Л. А. ШЕННИКОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА НА РУСИ И В СКАНДИНАВИИ

Один из типов жилых домов X—XIII вв., найденных при раскопках в Новгороде и Белоозере, вызвал многолетнюю дискуссию. Это был двухкамерный сруб с неравными частями. В центре большого помещения, несколько более крупного (в среднем), чем обычная изба, находилось приспособление для разведения огня, ни в одном случае не сохранившееся настолько, чтобы можно было определить его устройство. В меньшем помещении, служившем входным тамбуром, в двух случаях найдены остатки лестницы для подъема в вышележащее помещение, встречаются и остатки перегородок. Попытки реконструировать такие дома вызвали расхождения между участниками Новгородской археологической экспедиции[1] и Ю. П. Спегальским.[2] Дискуссия, начавшаяся со споров о деталях и продолжающаяся до сих пор,[3] теперь затрагивает уже более общие

[1] Борисевич Г. В., Тюрин В. П., Чистяков Г. П. 1) Архитектурная реконструкция деревянной застройки древнего Новгорода // Труды Моск. архитект. ин-та. 1959—1960. Вып. 1. М., 1961. С. 96—101. 2) Опыт реконструкции деревянной жилой застройки древнего Новгорода // АН. № 15. М., 1963. С. 28—38; Засурцев П. И., Чистяков Г. П., Борисевич Г. В. и др. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в. // НИС. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 209—216; Засурцев П. И. 1) Постройки древнего Новгорода // МИА. № 65. М., 1959. С. 262—298; 2) Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. М., 1963. С. 5—165; 3) Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 48—64.

[2] Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972. С. 95—159 и др.

[3] Борисевич Г. В. [Рецензия] // СА. 1978. 4. С. 282—288. Рец. на кн.: Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е1—32. Л., 1975; Засурцев П. И., Янин В. Л. [Рецензия] // СА. 1975. 3. С. 260—267. Рец. на кн.: Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв.; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // НС. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 72—73; Борисевич Г. В. Хоромное зодчество Новгорода // Там же. С. 269—294; Фараджева Н. Н. О некоторых спорных вопросах реконструкции новгородского жилища X—XIII вв. // НИС. Вып. 2(12). Л., 1984. С. 62—79. Об отдельных замечаниях других авторов по теме дискуссии см. ниже.

вопросы, в том числе вопрос о русско-скандинавских взаимо
ношениях в сфере строительной культуры.

Не повторяя известные специалистам описания остатков
строек данного типа,[4] обратим внимание лишь на следующ
обстоятельства. Постройки стояли в городских дворах, крупн
шие из которых в Новгороде достоверно определены как дво
богатейших бояр. Остальные дворы с такими постройками ма
уступали боярским по размерам и, очевидно, тоже принад
жали тем, кто имел уровень зажиточности выше среднего,
торговым людям, наиболее богатым ремесленникам и пр. З
были самые крупные постройки во дворах. Обычно они стоя
примерно посреди двора. Поэтому можно считать эти постро
главными жилыми домами богатых городских усадеб. Весь
вероятно, что они служили также для парадных приемов и
ров, в чем несомненно нуждались богатые владельцы (бол
подходящих для этого помещений во дворах не было).

К домам данного типа близки дома VIII—IX вв. (в одно
случае и X в.) в Ладоге, с тою лишь разницей, что там входн
тамбуры имели более легкую конструкцию, чем срубы отапл
ваемых помещений. Вероятно, это был более ранний вариа
интересующего нас типа дома (это не относится к нескольк
отличным ладожским постройкам с внутренними столбами,
возможно, что это были не усадебные дома, а жилища каза
менного типа, например, для экипажей купеческих кораблей).

В Новгороде и Белоозере с X в., а в Ладоге с VIII в., т.
с тех моментов, когда постройки с центральным положение
отопительного устройства попадают в поле зрения археолого
одновременно уже существовали и жилища с отопительны
устройством в углу — обычные небольшие избы с печами, нах
дившиеся в тех же дворах. В Новгороде с XII в. к ним доб
вились и более крупные двухкамерные постройки, по размера
и форме плана не отличавшиеся от домов исследуемого тип
но с отопительным устройством в углу. В XIV—XV вв., когд
дома с центральным положением отопительного устройства уж
исчезли (по крайней мере в пределах раскопанных участков
продолжалось развитие на основе построек с печью в углу т
многокамерных хором, которые были известны и впоследстви
По-видимому, можно считать, что по крайней мере в Новгород
жилища с печью в углу примерно с XII в. начали вытеснят
а в XIII в. окончательно вытеснили интересующий нас ти
дома.

Перечисленные типы и варианты построек не следует смеши
вать с известными по тем же новгородским и белоозерским ра
копкам однокамерными постройками, иногда с заборными сте

[4] Кроме указанных работ по Новгороду см. также: Голубева Л. А
Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973. С. 65—117.

[5] Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога // Средневековая
Ладога / Под ред. В. В. Седова. Л., 1985. С. 8—17.

нами, которые тоже имели отопительное устройство посредине, но размещались обычно близ краев дворовых участков и имели, по ряду признаков, хозяйственное назначение. Это были, судя по всему, поварни — хозяйственные постройки с открытыми очагами, служившие главным образом усадебными кухнями и известные во всей России не позже чем с XI и до начала XVIII в., а на Севере у крестьян и позже.[6]

Из многих вопросов, затронутых в дискуссии, нас интересуют в данном случае лишь главные: состав основных помещений дома, их назначение и взаимное пространственное расположение. Не разбираем вызвавшие много споров вопросы о деталях крыш, о пристенных наружных галереях и других пристройках, об основаниях построек и т. д. Многие из деталей, вызывающих споры, имелись не у всех построек исследуемого типа и, вместе с тем, встречались у построек других типов. Они требуют специального рассмотрения.

Приводим на рис. 1 лишь обобщенные и упрощенные схемы реконструкций новгородских домов исследуемого типа: А — по предложениям Новгородской археологической экспедиции, Б — по предложениям Ю. П. Спегальского. Показаны дома без подклетов, хотя авторы обеих реконструкций допускают их наличие в ряде случаев.

Все авторы реконструкций справедливо считают, что большое помещение могло отапливаться лишь «по-черному». Но участники Новгородской экспедиции полагают, что над этим помещением имелось горизонтальное перекрытие, так что дым мог выходить через окна или через разного рода дымники, как в крестьянских «черных» избах в XIX в. Над перекрытием они реконструируют либо чердак под двускатной крышей, либо целый второй этаж (на нашей схеме — двухэтажный вариант). А по мнению Ю. П. Спегальского, отапливаемое помещение было примерно вдвое выше обычного этажа и покрыто бесчердачной двускатной крышей с утепляющей земляной кровлей и с закрывающимся дымовым отверстием. Второй этаж, по его мнению, имелся только над входным тамбуром в виде небольшого помещения, служившего спальней. Оно обогревалось через глухую срубную стену от горячего воздуха, собиравшегося под крышей отапливаемого помещения.

Сравнение обеих реконструкций начнем с вопроса, до сих пор не вызывавшего споров. Отопительное устройство посреди помещения в обеих реконструкциях безоговорочно считается печью. Но никаких прямых подтверждений этому нет ни в одной из новгородских и белоозерских построек данного типа. А в упомянутых ладожских постройках сходного типа, где сохранность отопительных устройств в отдельных случаях несколько лучше,

[6] Шенников А. А. 1) Устройство и назначение поварни // Доклады отделений и комиссий ГО. Вып. 15. Л., 1970. С. 111—126; 2) О значениях термина «вежа» // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 73—75.

лишь в одном случае, по-видимому, можно реконструировать печь,[7] но в нескольких случаях определенно реконструируются открытые очаги, с чем соглашался и Ю. П. Спегальский.[8] В на

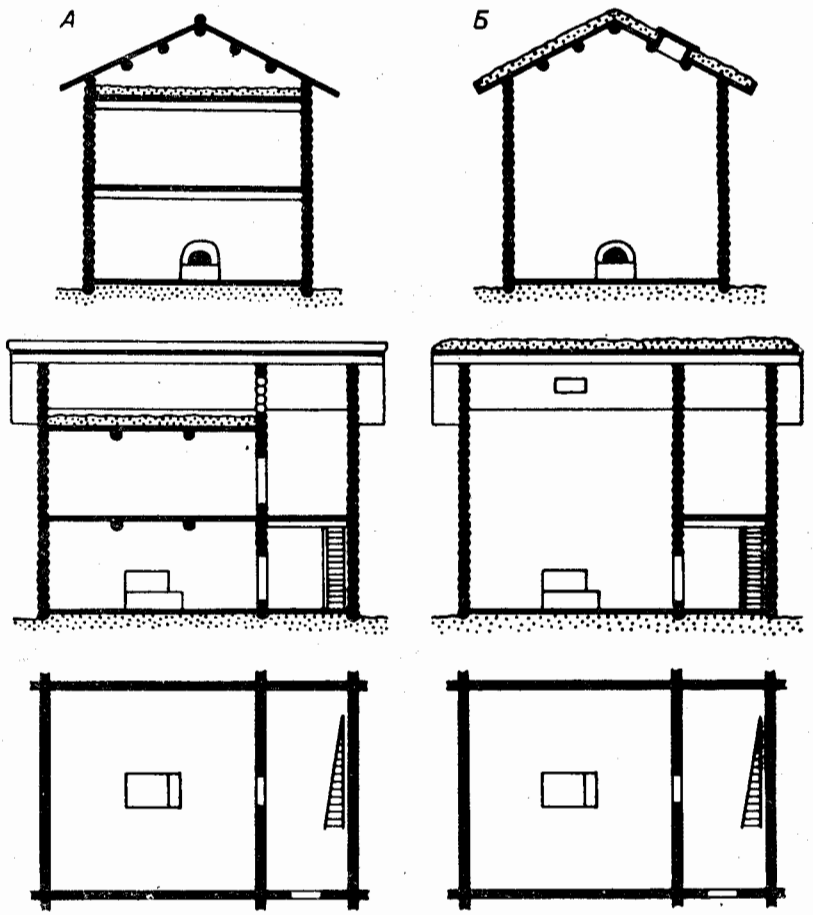


Рис. 1. Новгородские жилые дома X—XIII вв. Схема реконструкций:
А — по предложению Новгородской археологической экспедиции; Б — по предложению Ю. П. Спегальского

ших работах мы дважды ставили вопрос о том, не могут ли быть реконструированы открытые очаги и в Новгороде, но во

[7] Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. С. 14.
[8] Там же. С. 11; Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. С. 95—98; Репников Н. И. Раскопки в городище Старой Ладоги // Старая Ладога. Л., 1948. С. 38—40; Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. С. 25.

прос остался без ответа.[9] На чем же основана уверенность авторов, реконструировавших печи?

В двух случаях, в Новгороде и в Ладоге, в средней части пода отопительного устройства замечено сильно прокаленное пятно и предположено, что именно оно было собственно подом, вокруг которого возвышались стенки печи.[10] Но высказано и другое объяснение: пятно могло появиться в той части пода открытого очага, над которой постоянно висел котел.[11] А в Новгороде и в ладожских курганах как раз найдено много цепей и других остатков приспособлений для подвески котлов; в Новгороде найден и железный таган.[12] Если не допустить, что эти приспособления применялись именно в интересующих нас постройках, то вообще непонятно, где они могли применяться (нескольких поварен для этого недостаточно). Впрочем, если вокруг прокаленного пятна на поде все же имелись стенки, то и это может свидетельствовать не только о печи. Очаг мог иметь стенки не перекрытые сверху, служившие лишь ограждением, чтобы топливо не падало с очага, что и обнаружено в одном случае в Ладоге.[13]

В подобных случаях нельзя исключать и закрытый очаг со стенками и перекрытием той или иной конструкции, с одним или несколькими топочными отверстиями в стенках и с отверстиями-конфорками в перекрытии, куда вставлялись котлы или горшки. Такое устройство отличалось от печи тем, что обогревало помещение, в основном, еще не конвекцией воздуха у внешней поверхности нагретых стенок, а прямым лучистым теплом от огня через широкие топочные отверстия, не имевшие заслонок. Подобные очаги бытовали в Европе и на Ближнем Востоке с античных времен, в раннесредневековой Западной Европе назывались «fornax super arcus» («очаг на арках», потому что топочные отверстия имели арочные перемычки).[14] В Восточной Европе примитивные варианты таких очагов с одним топочным отверстием и одной конфоркой известны, наряду с печами, в славянских полуземлянках VIII—X вв. в лесостепной зоне.[15] Более сложные закрытые очаги применялись до начала XVIII в. в крупных поварнях. Два таких очага, уже пристроенные к сте-

[9] Шенников А. А. 1) Устройство и назначение поварни. С. 120; 2) [Рецензия] // СА. 1975. 3. С. 257. Рец. на кн.: Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII в.
[10] Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. С. 32, 35; Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. С. 44.
[11] Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице. С. 96.
[12] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 103—108, 113, 114; Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице. С. 96.
[13] Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице. С. 96.
[14] Horn W., Born E. The plan of St.-Gall. Vol. 1 // California studies of the history of art. XIX. Berkley; Los Angeles; London, 1979. P. 284—288.
[15] Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. С. 147—148.

нам и с дымоходами, сохранились в кухнях петергофских дво
цов Монплезир и Эрмитаж. До начала XX в. закрытые очаг
разной степени сложности встречались во временно обитаемы
сезонных жилищах крестьян-лесорубов, например, в Тихвинско
уезде.[16]

О печах в домах исследуемого типа не свидетельствуют
найденные в Новгороде «керамические предметы, представляю
щие собой нечто среднее между кирпичами и изразцами
и красные изразцы с отверстиями (о тех и других сообщен
лишь кратко и без иллюстраций).[17] Если это детали печей, чт
еще надо доказать, то найдены они в слоях конца XIII в. и бо
лее поздних, где в пределах раскопанных участков уже не
остатков двухкамерных домов с центральным положением ото
пительного устройства.

Возможно, что отопительные устройства считаются печам
из-за наличия опечков, — пьедесталов, возвышавшихся на
уровнем пола и характерных впоследствии для крестьянски
избных печей. Но исследователей не должен вводить в заблуж
дение термин «опечек», попавший в научную литературу из рус
ской крестьянской лексики XIX в. По этнографическим данным
в Восточной Европе и в Сибири у многих народов, не исключая
и русских, такие пьедесталы делались не только под печами
избах, но и под открытыми очагами в жилых и производствен
ных постройках, под закрытыми очагами, под устройствами
типа каминов и под комбинированными агрегатами, включав
шими устройства разных типов. Вообще, поднятие пода откры
того очага над уровнем пола помещения — древний и повсе
местно известный прием для облегчения кухонных и прочих ра
бот на очаге и для увеличения высоты бездымной зоны в по
мещении. Эти пьедесталы известны и у таких групп населения
которые в своем развитии еще не дошли до земледелия и хле
бопечения. Этот пьедестал был стадиально гораздо древнее
печи, а название «опечек» ему присвоили русские крестьяне
лишь после того, как на нем стали ставить печь. Очевидно, на
личие такого пьедестала само по себе не доказывает наличия
печи.

Безоговорочные реконструкции печей в любом восточносла
вянском жилище, найденном археологами (явление, характер
ное не только для Новгорода и Белоозера), — это, по-видимому,
в немалой степени следствие давно устаревшего, но еще бытую
щего представления о том, будто славянам было искони свойст

[16] Лебедев Е. И. О санитарных условиях лесного промысла в Тих
винском уезде // Сборник постановлений земских собраний Новгородской гу
бернии за 1890 г. Новгород, 1891. Прил. 25-3. С. 3—4.

[17] Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.
С. 36—38; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет.
С. 73.

венно приготовлять пищу в печах, в отличие от соседей, предпочитавших очаги.

Верно, что у славян раньше, чем у всех их соседей, появились хлебопекарные печи в жилых помещениях, — в VI в. это был уже свершившийся факт.[18] Но эволюция устройств для разведения огня от открытого очага к печи или иному закрытому устройству — это одна из самых общих, всемирных закономерностей технического прогресса, обусловленная и большей экономичностью закрытых устройств по расходу топлива, и появлением у устройства для разведения огня новых функций (в том числе хлебопечения), и ростом требований благоустройства жилища, и т. д. Если группа населения имела печи уже в тот момент, с которого она известна по археологическим и иным данным, это может лишь означать, что когда-то раньше какие-то предки этой группы, нам пока не известные, все же имели очаги. Не могли не иметь таких предков и древнейшие из известных нам славян. Значит, как бы давно ни появились у славян печи в избах, наряду с этими печами могли сохраниться от более ранних стадий развития и открытые очаги в каких-то иных типах построек.

И действительно, имеется много сведений о сохранении у славян, вплоть до новейшего времени, не только печей, но и открытых очагов, и разных переходных форм от открытых устройств к закрытым, или о сохранении пережиточных деталей, говорящих о былом наличии очагов. Упомянутые очаги в полуземлянках VIII—X вв., в поварнях, в жилищах лесорубов, — это лишь немногие из очень многочисленных фактов, обзор которых мог бы стать предметом специальной статьи. Русские крестьяне повсеместно, по крайней мере до конца XVII в., а во многих местах и позже, имея в деревнях избы с печами, фактически проводили до половины жизни в жилищах с очагами разного рода во временно обитаемых селениях и станах на охотничьих тропах — «путиках», при местах рыбной ловли, на дальних сенокосах, при удаленных полях, на лесозаготовках и т. д. Эта система временно обитаемых селений вокруг каждого постоянно обитаемого, обусловленная общей экстенсивностью хозяйства, видна по письменным источникам с XVI, местами даже с XII в., и вряд ли можно сомневаться в ее наличии и раньше, хотя археологи пока еще не научились обнаруживать ее следы. Да и в избах русских крестьян до начала XX в. везде сохранялась на шестке печи ямка для углей («жараток», «горнушка», «камелек» и т. п.) — пережиток комбинированного агрегата с печью и открытым очагом на одном опечке, а, например, на юге Псковской губернии сохранился и весь этот агрегат

[18] Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. С. 116, 144—145, 157—158.

с подвесным котлом над очагом.[19] Очевидно, не приходится говорить о какой-либо исконной неприязни славян к очагам.

На самом деле, одно лишь расположение отопительного устройства посреди помещения уже заставляет думать, что это не печь. Это самое неудобное место для печи, и не случайно ни по этнографическим, ни по археологическим данным в нашей стране и в соседних регионах нигде не отмечено сколько-нибудь заметного распространения жилых построек с печью посреди отапливаемого помещения (имеем в виду именно печи, а не остатки неизвестных устройств, произвольно именуемые «печами»). Единичные случаи такого рода изредка встречаются только как временный, переходный этап, когда печь поставлена на место прежнего очага посреди помещения, но еще не сдвинута в угол. Так же мог ненадолго задерживаться посреди помещения и закрытый очаг, пришедший на смену открытому. Но, как общее правило, закрытое устройство при первой возможности смещали в угол, чтобы освободить центральную часть помещения.

И наоборот, центральное положение отопительного устройства — самый убедительный признак открытого очага. В помещении с деревянными стенами открытый очаг должен находиться на максимальном удалении от стен во избежание пожара. Сильная циркуляция воздуха вокруг открытого огня должна быть симметричной и не создавать завихрений, доходящих до нижней части помещения, иначе внизу не образуется необходимая бездымная зона. В жилище открытый очаг должен равномерно обогревать лучистым теплом спальные места у стен и места людей, собравшихся для совместной работы, еды или беседы. Поэтому в квадратном помещении очаг должен находиться в центре, а в продолговатом может лишь немного смещаться вдоль продольной оси. Так и устраивались помещения с открытыми очагами везде, где они известны.

Посреди помещения могла стоять крупная производственная печь, которую из-за высокой температуры ее нагрева нельзя было приближать к деревянным стенам. Но в парадных приемных и столовых бояр и богатых горожан такие печи были явно неуместны. Для производственных целей могли использоваться имевшиеся в тех же дворах другие отапливаемые помещения. К тому же гости, сидевшие вдоль стен, не видели бы друг друга из-за печи, возвышавшейся посредине, в то время как открытый очаг на том же месте не мешал общению людей.

Если же мы признаем, что для исследуемого типа постройки в X—XIII вв. были специфичны именно открытые очаги, за исключением, может быть, лишь отдельных случаев, когда уже начинался переход к закрытым устройствам, то этим определяются и многие другие детали реконструкции.

[19] Например: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 186.

Вполне несостоятельны все варианты реконструкции с горизонтальным перекрытием, а тем более с жилым помещением над ним. Над помещением, отапливаемым «по-черному», не только при очаге, но и при печи вышележащий этаж недопустим из-за неизбежного проникновения дыма и угарного газа через деревянное междуэтажное перекрытие. При открытом очаге горизонтальное перекрытие на обычной высоте недопустимо и по противопожарным соображениям. Если же оно поднято на высоту, исключающую опасность пожара, то над ним требуются еще чердак и скатная крыша. Через оба перекрытия — горизонтальное и наклонное — надо пропускать дымоход, который над открытым очагом должен быть шире, чем те узкие долбленые или досчатые дымники, которые впоследствии применялись в избах с «черными» печами. Задача решается рациональнее с помощью бесчердачной утепленной крыши с закрывающимся отверстием, которую реконструировал Ю. П. Спегальский.

Участники Новгородской экспедиции возражают против предложенного Ю. П. Спегальским конструктивного варианта утепленной бесчердачной крыши. Но, во-первых, с инженерной точки зрения этот вариант реален. А во-вторых, известно, в том числе и в России, еще много других вариантов таких крыш (их обзор требует специальной статьи), так что если бы и не применялся вариант, предложенный Ю. П. Спегальским, то это не значило бы, что утепленная бесчердачная крыша была вообще невозможна.

Участники Новгородской экспедиции считают невероятным обогревание верхнего помещения над входным тамбуром (по мнению Ю. П. Спегальского — спальни) через глухую срубную стену. Обогрев мог быть, действительно, слишком слабым при «черной» печи, реконструированной Ю. П. Спегальским. Но при открытом очаге он должен был быть сильнее благодаря прямому действию лучистого тепла от огня. Конечно, и в этом случае обогревание было бы малоэффективным, вследствие чего этот способ и должен был в дальнейшем выйти из употребления. Но все же помещение с таким обогревом одной стены должно было быть несколько теплее, чем вовсе не обогреваемое помещение. Мы уже приводили пример такого обогревания от открытого очага в одном из вариантов немецкого крестьянского дома, откуда видно, что это технически возможно.[20]

Учтем также, что до начала XVIII, а местами и до конца XIX в. русские люди были не так требовательны к теплоте спальных помещений, как в наше время. Во всей Европейской России и в соседних регионах у крестьян разных этнических групп, в том числе и у русских, бытовала специфическая орга-

[20] Шенников А. А. [Рецензия]. Рец. на кн.: Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. С. 258—259.

низация жилища неразделенных крестьянских семей: каждая супружеская пара имела свою неотапливаемую кладовую-спальню (у русских «клеть» или «сенник»), где спала не только летом, но и зимой. Пережитками этой организации было использование тех же кладовых в качестве только летних спален и в качестве ритуальных спален для новобрачных в любое время года.[21] В такой крестьянской стране, как Россия, крестьянские бытовые обычаи не могли не проникать и в быт других классов общества, хотя бы и не имевших неразделенных семей, подобных крестьянским. Кладовые-спальни встречались, хотя реже, чем у крестьян, и у посадских людей и их потомков мещан, и у феодалов. Даже в быту московских царей в XVII в. новобрачных еще отправляли в холодный «сенник».[22] Вряд ли и богатые новгородцы в X—XIII вв. могли считать неприемлемой вовсе не отапливаемую спальню, а тем более спальню с одной обогреваемой стеной.

По мнению участников Новгородской экспедиции, в помещение над входным тамбуром должен был проникать через лестницу дым, выходивший в дверь из отапливаемого помещения, или холодный воздух из входной двери. В действительности, дым и газы от очага должны были идти только вверх, к вытяжному отверстию, а через дверь был возможен и необходим только приток холодного свежего воздуха, так что дым и газы не могли попадать в тамбур и оттуда наверх. Кстати, и срубная стена, самоуплотняющаяся по мере осадки, отделявшая помещение над тамбуром от верхней части отапливаемого помещения, была достаточно непроницаема для дыма и газов, в отличие от деревянного междуэтажного перекрытия. Холодный воздух из тамбура тоже не мог подниматься вверх, в более теплое помещение, тем более, что люк в перекрытии, через который была пропущена лестница, вероятно, имел откидную крышку — «западню».

Как видим, реконструкция Ю. П. Спегальского, если заменить печь открытым очагом, выглядит в общем (не говоря о второстепенных деталях), если не во всем бесспорно, то все же более убедительно, чем реконструкция Новгородской экспедиции.

Как уже замечено, участники Новгородской экспедиции высказывают и более общие возражения против реконструкции

[21] Шенников А. А. 1) Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв.: Средняя и южная части Европейской России // АН. № 14. М., 1962. С. 65—67, 73—74; 2) Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв.: Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России // АН. № 15. М., 1963. С. 97—98; 3) О русских крестьянских усадьбах XVI в. // Доклады отд. этнографии ГО. Вып. 2. Л., 1966. С. 9, 16—22; 4) Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 17, 19—24.

[22] Например: Барсуков А. Род Шереметевых. Кн. 3. СПб., 1883. С. 56—59, 557—558.

Ю. П. Спегальского. Так, Г. В. Борисевич утверждает, что «основная идея всех реконструкций (Ю. П. Спегальского. — *А. Ш.*) состояла в том, чтобы на материалах раскопок Новгорода и письменных источников дать образ жилища, опираясь на скандинавскую этнографию, где сохранились типы домов без потолков, с покатыми кровлями, покрытыми мхом, с зенитными дымоволоками в крыше, не характерные для русской деревни».[23] Под «русской деревней», видимо, подразумевается деревня XIX — начала XX в., может быть деревня XVI—XVII вв., о которой в последние годы стало кое-что известно, но, во всяком случае, не какая-либо более ранняя «русская деревня», о которой пока не известно почти ничего. Получается, что городские дома новгородских феодалов, купцов и богатых ремесленников X—XIII вв. должны быть похожи на дома русских крестьян гораздо более позднего времени и не должны иметь ничего общего с домами, известными из «скандинавской этнографии».

Это далеко не новая концепция. Во-первых, это высказанный еще в середине прошлого века известный постулат И. Е. Забелина о крайней консервативности, практически внеисторичности русского крестьянского строительства, формы которого будто бы не изменялись в течение столетий и даже тысячелетий. Во-вторых, это его же постулат об отсутствии принципиальных, качественных различий в строительной культуре разных классов общества средневековой Руси.[24] Именно из этих двух положений, не подтвержденных никакими фактами, следует вывод о возможности и желательности прямого использования форм крестьянских усадеб и построек XIX — начала XX в. при реконструкции богатых городских усадеб X—XIII вв. А в-третьих, это традиционная позиция крайних «антинорманистов», усматривающих «норманизм» в любом проявлении интереса к истории средневековой Скандинавии.

Ю. П. Спегальский, действительно, прямо высказался против упомянутых двух постулатов И. Е. Забелина.[25] Мы считаем, что Ю. П. Спегальский прав, так как задолго до него и по другим материалам сами пришли к признанию несостоятельности этих взглядов И. Е. Забелина, а еще раньше это сделал Г. Г. Громов. Доказано, что в период с XVI по XIX в. русские (как и все прочие) крестьянские усадьбы в Европейской России развивались и изменялись весьма динамично, так что ни о какой их консервативности не может быть речи. Полагаем излишним повторять здесь многократно опубликованную и ни-

[23] Борисевич Г. В. Хоромное зодчество Новгорода. С. 273.

[24] Забелин И. Е. 1) Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Изд. 3. М., 1895. С. 4—5, 27; 2) Черты самобытности в древне-русском зодчестве // Древняя и новая Россия. 1878. № 3. С. 198.

[25] Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. С. 5—14.

кем не опровергнутую аргументацию по этому кругу вопросов.[26]

О скандинавских аналогиях Ю. П. Спегальский упомянул только в связи с некоторыми деталями, очень кратко, без иллюстраций и без указания источников.[27] Из этих кратких упоминаний отнюдь не следует, что стремление создать образ средневекового новгородского жилища, непременно подобного скандинавскому, было «основной идеей» его реконструкций. Но все же надо выяснить, что это за скандинавские аналогии, использование которых Г. В. Борисевич считает принципиально недопустимым.

В Норвегии и Швеции не позже чем с XIII в. бытовал специфический тип крестьянского жилого дома, последние образцы которого дожили до наших дней и сохраняются в музеях-заповедниках. За семь столетий этот тип дома пережил некоторую эволюцию, еще в конце прошлого века хорошо изученную,[28] но в целом, сохранялся все же один и тот же тип с постепенными изменениями отдельных деталей.

На рис. 2 (А—*а*, А—*б*, А—*в*)[29] относительно ранний вариант такого дома, представленный старейшим (XIII в.) сохранившимся памятником. Это двухкамерный сруб с неравными частями, где посреди большого помещения «are-stue (stua, stuga)»[30] находится открытый очаг. Малая часть сруба разделена перекрытием на два этажа: внизу — входной тамбур («forstue», «framhus») и кладовая («kleve», «kove»), наверху — спальня («ram», «ramloft», «hjell»), со входом в нее по лестнице из кладовой. Эта двухэтажная часть дома и отапливаемое помещение имеют одну высоту и покрыты общей утепленной бесчердачной двускатной крышей с дымовым отверстием, которое, за отсутствием окон, служит и для освещения. Для утепления применена дерновая кровля на берестяной гидроизоляции. Были воз-

[26] Например: Громов Г. Г. 1) История крестьянского жилища Владимирского края в XI—XIX вв.: Автореф. канд. дис. М., 1954. С. 1—14; 2) Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // СЭ. 1955. № 1. С. 164—171; Шенников А. А. 1) Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв.: Средняя и южная части... С. 63—74; 2) Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв.: Верхнее Поволжье... С. 88—101; 3) О русских крестьянских усадьбах XVI в. С. 4—25.

[27] Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. С. 21—22, 30, 36, 54, 79, 245.

[28] Например: Dietrichson L., Munthe H. Die Holzbaukunst Norwegens in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1893. C. 102—118; Lund T. Das tägliche Leben in Scandinavien während des sechzehnten Jahrhunderts. Kopenhagen, 1882. S. 7—38.

[29] Рис. 2-А: *а* — из книги: Alnaes E., Eliassen G., Lund R. e. a. Norwegian architecture throughout the ages. Oslo, 1950. P. 52; *б*, *в* — из книги: Brochmann O. Bygget i Norge. Bd 1. Oslo, 1979. S. 68.

[30] Здесь и ниже приводим лишь наиболее известные варианты терминов без указания их происхождения, так как в литературе, изданной на многих языках, постоянно смешиваются без пояснений термины норвежские, шведские и разные их областные варианты, притом в разнообразных транскрипциях.

можны вариации в деталях: например, в данном случае спальня имеет балкон, чего в других случаях могло не быть; отсутствуют (или не сохранились) наружные пристенные галереи, которые обычно имелись. В XIX в. спальня использовалась

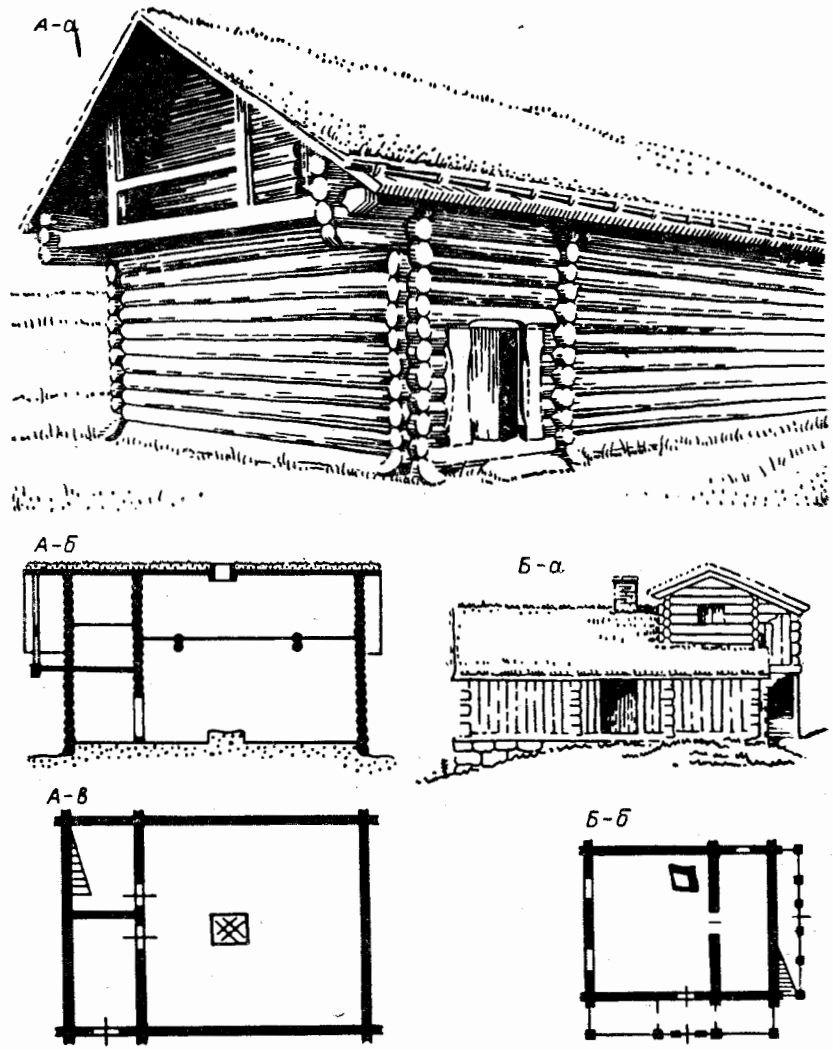


Рис. 2. Крестьянские дома XIII—XIX вв. в Норвегии

младшими членами крестьянской семьи, точно так же как и стоявшие отдельно от дома неотапливаемые кладовые-спальни «loft», вполне аналогичные по назначению, а в Швеции — и по форме, русским «клетям» и «сенникам».

На рис. 2 (Б—*а*, Б—*б*)[31] несколько более развитый вари
того же дома. Спальня превратилась в надстройку вроде
зонина со входом через пристенную галерею. Улучшена внутр
няя планировка — в данном случае тамбур и кладовую объед
нили и превратили в жилую комнату, а вход снаружи сдела
прямо в главное помещение, выделив из пристенной галереи
вый входной тамбур. Открытый очаг заменен камином. Изве
ны и другие варианты подобных усовершенствований, наря
с которыми, однако, в ряде случаев еще долго сохранялся и
крытый очаг. Очень устойчивой оказалась общая пространстве
ная схема дома с мезонинообразной надстройкой, несмотря
различные дальнейшие улучшения, — замену очага камином
печью, замену бесчердачного покрытия чердачным, устройст
окон и т. д. В ряде районов имела место дальнейшая эволюци
например, с пристройкой новых помещений с обоих торцов до

В развитии отопительного устройства была еще переходн
стадия от открытого очага к камину или печи: сдвинутый к с
не или в угол очаг, закрытый с трех боковых сторон и сверх
но открытый в сторону обогреваемого пространства и топ
шийся «по-черному» — нечто среднее между камином без тру
и печью без передней стенки. От такого устройства шла эвол
ция как к камину, так и к печи.[32] Этот полузакрытый очаг с н
правленным излучением получил название «røykovn» (дымн
печь), вследствие чего в литературе нередко путают появлен
этого очага с появлением печи, хотя на самом деле это бы
еще далеко не печь. Подобное устройство в средние века в Ге
мании называли точнее: «Schwibbogenherd» (очаг со сводом)

К сожалению, мы не нашли сведений о том, была ли спал
ня над тамбуром вполне холодной, или обогревалась, хотя
слабо, через срубную стену, как это предположил Ю. П. Сп
гальский в отношении новгородских домов. Поскольку в наш
библиотеках имеется не вся скандинавская литература по эт
вопросам, не беремся утверждать, что обогревание вовсе
имело места, или что скандинавские исследователи его не з
метили. Возможно, что они не придали этому значения, пото
что упомянутые вовсе не отапливаемые кладовые-спальни
ществовали в Скандинавии дольше, чем в России, они сейч
стоят в тех же музеях-заповедниках, что и дома с очагам
и если русскому читателю надо доказывать, что его не оче
дальние предки спали зимой в холодных или слабо обогрева

[31] Рис. 2—Б из кн.: Dietrichson L., Munthe H. Die Holzbaukun
Norwegens... Табл. F. Рис. 8, 9.

[32] Dietrichson L., Munthe H. Die Holzbaukunst Norwegens,
S. 107—108; Lund T. Das tägliche Leben... S. 18—21.

[33] Например: Baumgarten K. Das deutsche Bauernhaus. Berlin, 19
S. 118; Faber A. 1000 Jahre Werdegang von Herd und Ofen // Deutsch
Museum. Abhandlungen und Berichte. 1950. Heft. 3. München; Düsseldorf, 19
S. 11.

мых помещениях, то шведам и норвежцам это доказывать не требуется.

Можно было бы указать еще немало черт полного сходства описанных скандинавских построек с новгородскими, реконструированными Ю. П. Спегальским, с нашей поправкой насчет очагов. Разумеется, ученым «норманистского» толка очень хотелось бы усмотреть в этом признак влияния скандинавской культуры на русскую. А крайним «антинорманистам», не знающим, как объяснить это сходство, остается лишь замалчивать его. Но вопрос решается в равной степени не в пользу как «норманистов», так и крайних «антинорманистов».

В течение всего I тыс. н. э. в Скандинавии основной жилой постройкой был так называемый «длинный дом», — крайне примитивная постройка в виде очень длинного (несколько десятков метров) двускатного шалаша с крышей, опертой на два ряда внутренних столбов и на низкие, не выше человеческого роста, стены, очень грубо сложенные из камня. Большую часть этой совершенно холодной постройки занимал скот, в одном конце у открытого очага ютились люди. Это был вариант «длинного дома», распространившегося южнее Балтийского моря у германоязычных народов и их предков гораздо раньше, за полтора тысячелетия до н. э., и отличавшегося, в основном, лишь стеновыми конструкциями, обычно мазанковыми.[34] У славян, по крайней мере с VI в. н. э. (более ранних сведений нет), господствовали постройки меньших размеров, но более высокого строительно-технического уровня, в частности, со срубными стенами и с печами.[35]

К концу I тыс. скандинавские «длинные дома» начали уменьшаться в размерах, для скота стали возводить отдельные постройки, в жилище появились перегородки, начались попытки пристраивать одну постройку к другой. Но общий тип постройки и ее конструкция не менялись до начала X в. Вплоть до этого времени викинги переносили на Гебридские острова, в Исландию и, далее, в Гренландию и в Винланд (Северная Америка) только этот тип постройки, не зная еще ничего более совершенного.[36]

Далее, примерно в течение X в., в Скандинавии «длинный дом» был заменен сравнительно небольшим однокамерным домом без внутренних столбов, с очагом посредине. Стены были каркасные, сперва на стойках, врытых в землю, потом с нижней обвязкой на каменном фундаменте, с заборным, тыновым

[34] Общий обзор: Horn W., Born E. The plan of St.-Gall. Vol. 2. P. 23—76.

[35] Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. С. 116, 144.

[36] Roussel A. Haus und Hof der Germanen in Norwegen, Island und Grönland // Haus und Hof der Germanen im Nordischen Raum. Bd 1. Leipzig, 1937. S. 119—134; Ingstad H. Vinland // Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid. Bd 20. Malmö, 1976. Стб. 133—139.

или мазанковым заполнением ячеек каркаса. Это были вар
анты каркасных стен, за много столетий до того известные
Западной и Центральной Европе. Но все они по климатически
причинам были пригодны только для юга Скандинавского пол
острова, где они впоследствии и сохранились. Севернее, в усл
виях, близких к восточноевропейской лесной зоне, была нужн
срубная стена, обеспечивавшая достаточную теплоизоляцию
не требовавшая необожженной глины, разрушавшейся от м
роза. Очевидно, и интересующий нас тип жилого дома мог ра
пространиться не ранее, чем была освоена срубная техник
Когда же это произошло?

В 1950-х годах С. Эриксон в специальном исследовани
установил для Швеции время массового распространения сру
ных построек — XIII век. Значит, старейшая из сохранившихс
построек исследуемого типа (рис. 2, *А*) — одна из первых
Скандинавии. С. Эриксон считал, что срубная техника бы
принесена в Скандинавию с востока, из-за Балтийского моря
Например, в Боргунде (Норвегия) раскопана срубная п
стройка XII в. с полузакрытым очагом в углу (см. выше), н
чем не отличающаяся от тех упомянутых новгородских дву
камерных построек, которые появились тоже в XII в., по ра
мерам и форме плана были подобны постройкам исследуемо
типа, но имели отопительное устройство уже в углу.[38] В Си
туне (Швеция) давно раскопана постройка XI в., однокаме
ная, с каркасными стенами и с очагом посредине.[39] По-вид
мому, такие же стены, во всяком случае не срубные, имели н
давно открытые постройки XI—XIV вв. в крепости Экеторп н
шведском острове Эланд.[40]

Таким образом, нет оснований считать, что интересующи
нас тип срубного дома появился в Скандинавии до XII в. и ста
господствующим у крестьян ранее чем в следующем столети
В X и, по-видимому, в XI вв. его там еще не было. А в Новг
роде и Белоозере он уже в X в. существовал в готовом виде
успел исчезнуть (по крайней мере в пределах имеющихся ра
копов) в XIII в., едва ли не раньше, чем он стал господству
щим у скандинавских крестьян. Вдобавок у нас известен по л
дожским материалам VIII—IX вв. и предшествующий вариан
такого дома с облегченным входным тамбуром, который в Ска
динавии вообще не известен, — там в VIII—IX вв. еще госпо

[37] Erixon S. Technik und Gemeinschaftsbildung in schwedischem Tr
ditionsmilieu. Stockholm, 1957. S. 49, 68—75.

[38] Herteig A. Der Kaupang von Borgund in Sunmöre // Abhandlunge
der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klass
Folge 3. N 84, T. 2. Göttingen, 1974. S. 146—158.

[39] Arbman H. Bidrag till kännedomen om det äldsta Sigtuna // Förn
vännen. 1926. N 3. S. 171—195.

[40] Borg K. Bebauungsplan und Bauweise der Burg Eketorp im frühe
Mittelalter // Acta Visbyensia. 5. Visby, 1976. S. 203—218.

ствовали «длинные дома». Так кто же и на кого тут мог влиять?!

Конечно, сходство материальной культуры в разных регионах и у разных народов вообще не обязательно объясняется прямыми влияниями. Теоретически, в таких случаях возможны и влияние какого-то третьего источника, и самостоятельное развитие вообще без всяких влияний в условиях сходства местных природных, хозяйственных и прочих условий. Но, при всем обилии нерешенных вопросов, ясно, что появление данного типа дома в Новгороде и Белоозере нет оснований объяснять скандинавскими влияниями. Признание сходства этого дома с позднейшими скандинавскими крестьянскими домами нельзя считать проявлением «норманизма».

При изучении и реконструкции новгородских и белоозерских домов данного типа использовать скандинавские аналогии можно и нужно, но не для выяснения происхождения этого типа дома, а лишь для уточнения многих деталей, которые не видны по нашим археологическим и другим источникам, а в Скандинавии хорошо изучены на сохранившихся постройках XIII в. и более поздних. Конечно, нельзя во всех случаях огульно переносить скандинавские детали на русские постройки, но можно их использовать по меньшей мере как доказательство технической осуществимости и исторической вероятности тех или иных конструктивных и архитектурных решений. Именно так и использовал эти аналогии Ю. П. Спегальский, и использовал еще слишком осторожно, — например, не рискнул реконструировать открытые очаги в Новгороде.

Скандинавские материалы дают дополнительные основания для реконструкции открытых очагов в новгородских и белоозерских домах. Как переходные варианты между открытым очагом и печью, могли применяться, с одной стороны, закрытые очаги как посреди помещения, так и в углу, а с другой стороны, полузакрытые очаги с направленным излучением, требовавшие сдвига с середины помещения. Возможно, что Ю. П. Спегальский несколько преувеличил общую высоту постройки, — скандинавские дома были ниже. Вероятно, на Руси могли существовать не только реконструированные Ю. П. Спегальским дома с общей двускатной крышей, вроде показанного на рис. 2, А, но и дома с надстройкой вроде мезонина, как на рис. 2, Б. Подтверждается и возможность использования помещения над тамбуром в качестве спальни, хотя, надо полагать, что у новгородских бояр, не нуждавшихся в крупных семейных производственных коллективах крестьянского типа, там спали не младшие члены семьи, а кто-то другой. Скандинавские аналогии можно было бы смелее использовать и для реконструкции ряда менее существенных деталей, которые мы здесь не рассматриваем. Во всяком случае в отношении состава и назначения помещений и их пространственного расположения скандинавские ана-

логии, очевидно, подкрепляют реконструкцию Ю. П. Спега
ского, если заменить печи очагами.

Проведенное нами сопоставление русских и скандинавск
материалов показывает, что скандинавско-восточноевропейск
связи в сфере строительной культуры отнюдь не сводил
к тому одностороннему влиянию Запада на Восток, котор
«норманисты» признают единственно возможным, а «антин
манисты» — фактически тоже признают, но делают вид, что
замечают. Дело было, очевидно, гораздо сложнее. Действите
ное происхождение рассмотренного типа дома с открытым о
гом, столь непохожего на избы с печами, еще требует дальн
шего изучения. Мы еще не знаем, были ли такие дома на Н
городской земле специфичны лишь для самых богатых гор
ских усадеб, или и у других слоев населения имелись какие
более простые и скромные варианты таких построек, пока
найденные археологами. Неизвестно, не было ли таких дом
где-либо в Восточной Европе за пределами Новгородской зе
ли, ибо там, в отличие от Новгорода, до сих пор встречала
в раскопах, в основном, застройка лишь средних и беднейш
горожан. В зависимости от решения этих вопросов может бы
очень по-разному объяснено происхождение типа дома с откр
тым очагом как на Руси, так и в Скандинавии.

Е. А. РЯБИНИН

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА СЕВЕРНОЙ РУСИ
(к проблеме археологического изучения)

Последние десятилетия ознаменованы значительным усил
нием научного интереса к проблеме изучения «иных языцей
обитавших на территории Древней Руси. Их исследование име
важное значение как для реконструкции этногенических пр
цессов, приведших к образованию древнерусской и средневек
вой русской народностей, так и для выявления путей формир
вания современных финно-угорских народов. Данная статья п
священа некоторым аспектам историко-археологических разр
боток в области угро-финской проблематики, преимуществен
тем ее узловым вопросам, которые в значительной степени с
храняют свой дискуссионный характер. В ней рассматривает
широкая полоса «чудского» расселения от порубежья с древн
эстонскими землями на западе до бассейна Северной Двины в
востоке. Вопрос о волжско-финских племенах в составе Руси
мере, муроме, мещере — в настоящей работе не затрагивается

В средневековую эпоху на северо-западе новгородских вл
дений обитали летописные образования — водь, корела и ижор
Потомками этих группировок являются современные водска
ижорская и карельская народности. Часть прибалтийско-фи

ского населения Новгородской земли участвовала в формирова
нии русского народа.

Пристальный интерес к истории води, не ослабевающий на
протяжении последнего столетия, в значительной степени объяс
няется важным положением этой группировки на северо-запад
ной окраине Руси. Ее этноним отразился в названии Вотской
(Водской) земли Великого Новгорода, а позднее был перенес
ен на одну из новгородских пятин. Скупые письменные изве
стия о води, впервые упомянутой в летописи под 1069 г., позво
ляют заключить, что в XI в. это население сохраняло свою по
литическую автономию, вступая даже во враждебные действия
по отношению к Новгороду. К середине XII в. предположи
тельно можно отнести его переход в вассальную зависимость
к Руси, а со второй половины XIII в. водь уже неоднократно
упоминается в составе «всей волости Новгородской».[1]

Ядро водской племенной территории, ретроспективно опре
деляемое по письменным материалам XV—XVI вв. (с некото
рыми коррективами более ранних источников), охватывало в
основном плодородную для своего времени Ижорскую возвы
шенность в западной части современной Ленинградской области.
Здесь же находился и военно-административный центр Водской
земли — крепость Копорье.

Археологические данные по водской проблеме начали при
влекаться в научных разработках после проведения Л. К. Ива
новским в последней четверти XIX в. широких раскопок курган
но-жальничных могильников на Ижорском плато. Вскрытые
этим исследователем около 6 тыс. погребений, раскопанных,
правда, без удовлетворительной полевой фиксации, принесли
богатый и яркий вещевой материал, требовавший своей этни
ческой диагностики. В настоящее время существуют три основ
ных точки зрения по атрибуции средневековых древностей Вод
ской земли. Согласно одной из них, сформулированной еще в
конце прошлого столетия И. Р. Аспелиным и высказанной позд
нее в работах В. И. Равдоникаса, А. М. Тальгрена, а в послед
нее время поддержанной И. П. Шаскольским, курганы Ижор
ского плато принадлежат преимущественно води.[2] Противопо
ложное мнение о древнерусском характере подавляющей части

[1] Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского госу
дарства // Исторические записки. Т. VI. М., 1940. С. 100—109; Куза А. В.
Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред.
Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 178.

[2] Aspelin I. R. Antiquités du Nord finno-ougrien, III. Helsinki, 1878;
Tallgren A. M. Les provinces culturelles finnoisés de l'âge récent de fer
dans la Russie du nord // ESA. III. Helsinki, 1928. P. 20; Равдони
кас В. И. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) //
СГАИМК. 1932. № 11—12. С. 28; Шаскольский И. П. Проблемы этно
генеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете дан
ных современной науки // Финно-угры и славяне / Под ред. Б. А. Рыбакова.
Л., 1979. С. 46—47.

рассматриваемых памятников, в осторожной форме высказанно
А. А. Спицыным, разделяют Е. Н. Носов, В. Я. Конецкий
Н. В. Хвощинская.[3] Согласно заключениям В. В. Седова, на с
веро-западе Новгородской земли можно выделить курганн
жальничные погребения води, славян и смешанные славяно-во
ские могильники.[4]

Подобные расхождения во взглядах объясняются, прежд
всего, состоянием археологических источников. До последнег
времени оставались неизвестными погребальные памятники во
дорусского периода. В материалах же средневековых курганны
кладбищ ощущается настолько сильное новгородское влияни
что выделение из-под древнерусской культурной «вуали» финн
угорских племенных индикаторов оказывается крайне затру
нительной задачей. К тому же и сам курганный обряд, связа
ный со славянскими традициями, явно сложился на рассматр
ваемой территории под воздействием внешних импульсов, а и
точниковедческие возможности материалов дореволюционны
раскопок, как правило, не позволяют выделить в нем достове
ные субстратные элементы.

Сложности в этнической атрибуции курганного пласта дре
ностей признавали и исследователи, придерживающиеся относ
тельно его противоположных взглядов. Так, выразитель «славя
ской точки зрения» А. А. Спицын писал: «Изучаемые курган
вполне могут принадлежать народности русской. Но они мог
принадлежать и води, так как это племя, вошедшее с ранне
времени в состав новгородских владений, могло заимствовать
у новгородцев целиком и вещи, и обряд погребения». А. М. Тальгрен, придерживаясь мнения о различии «корней но
городской и ингерманландской (водской. — *Е. Р.*) культур
вместе с тем подчеркивал, что «культура железного века Инги
ориентирована на Новгород».[6]

Качественно новую информацию о культуре средневеково
води, не затронутой древнерусским воздействием, принесли по
левые исследования, осуществленные в 1971—1986 гг. Ижорско
экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством автора. В пр

[3] Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопка
Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб., 1896. С. 36—37; Носов Е. Н. Пр
блемы изучения погребальных памятников Новгородской земли: К вопрос
о славянском расселении // Новгородский исторический сборник. Л., 198
Вып. 1(11). С. 72—77; Конецкий В. Я., Носов Е. Н., Хвощин
ская Н. В. О финно-угорском и славянском населении центральных рай
онов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии / По
ред. Б. А. Рыбакова. Л., 1984. С. 161—167.

[4] Седов В. В. 1) Этнический состав населения северо-западных земел
Великого Новгорода (IX—XIV вв.) // СА. 1953. XVIII. С. 190—229; 2) Ан
тропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгоро
да // КСИЭ. 1952. XV. С. 72—83.

[5] Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 37.

[6] Tallgren A. M. The prehistory of Ingria // ESA, XII. Helsinki, 193
P. 96—101.

делах «чудских» погостов XV—XVI вв., охватывающих зону этнографического расселения води к западу от Ижорского плато, открыты погребальные сооружения, характеризующие древнейший обряд этой группировки. Остатки сожжений, совершенных на стороне, ссыпались на обширные каменные вымостки, занимавшие наиболее возвышенные участки могильников и располагавшиеся непосредственно под дерном. Этот обряд, имеющий прямые аналогии в памятниках племен юго-восточной Прибалтики (и прежде всего Эстонии), практиковался у местных коллективов вплоть до XII—XIII вв. Водь в это время сохраняла архаические традиции и в материальной культуре. Примером необычайно длительного переживания древних культурных элементов может служить находка на одной из вымосток железного кельта, типологически тождественного изделиям раннего железного века Прибалтики и Фенноскандии.

В XII—XIII вв. наблюдается изменение обряда погребения, явно связанное с первым, пока еще довольно слабым древнерусским воздействием. Поверхностные трупосожжения в каменных конструкциях сменяются трупоположениями в грунтовых ямах, обложенных оградками из валунов. Именно в это время распространяются и орудия труда выработанных древнерусских форм, которые местная водь изготовляла для продажи в Новгородскую землю. Однако славянский импульс почти не затронул этнографического убора обитателей «чудских» погостов. Характерными чертами этого убора являются использование нагрудных булавок в женском костюме, цепочек с разнообразными привесками, обшивка одежды бронзовыми спиральками, оловянными колечками и бляшками. В погребениях полностью отсутствуют фибулы и браслеты, получившие широкую популярность как в Новгородской земле, так и в Прибалтике, неизвестны ожерелья из бус, крайне редки височные украшения, среди которых выделяются локальные формы изделий. Архаичные черты прослеживаются и в «чудских» типах украшений — особенно в булавках, отдельные разновидности которых вышли из употребления на более западных территориях уже в начале I тыс. н. э.

Яркая и самобытная культура води в ареале ее этнографического расселения сохранялась без заметных изменений вплоть до XVI в. Лишь с этого времени начинает прослеживаться более ощутимое воздействие христианских традиций на погребальный обряд, что вполне сопоставимо с историческими известиями об усилении борьбы церкви с язычеством в Новгородской земле (посыльные грамоты новгородских архиепископов Макария и Феодосия 1534, 1535, 1548 гг., миссионерская деятельность священника Ильи в «Чуди и Води» в те же годы).[7]

[7] Прибавления к Псковским грамотам // ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 73—74; Кеппен П. И. Водь и Вотская пятина // ЖМНП. Ч. LXX. СПб., 1851. С. 42; Дополнения к Актам историческим. СПб., 1857. С. 27—28.

Археологические данные свидетельствуют о том, что предк современной води по основным элементам своей культуры был близкородственны древним эстонцам. Наблюдаемая консерва ция некоторых материальных элементов прибалтийско-финског характера, вышедших в Прибалтике из обращения в начал I тыс. н. э., косвенно указывает на время возможного отделе ния и даже частичной культурной изоляции води от западны соседей. Такое заключение полностью согласуется с наблюде ниями лингвистов, связывающих формирование водского языка с обособлением группы северных эстов, продвинувшихся к во стоку от р. Наровы в I тыс. н. э. или даже раньше.[8]

Изученные памятники принадлежат прямым предкам вод ской народности, вследствие своего положения в слабоплодо родных болотистых районах, оказавшихся вне зоны активног древнерусского расселения, и поэтому сохранивших этническу самобытность. Иная ситуация сложилась на основной террито рии Водской земли, ядро которой — Ижорское плато — в начал II тыс. н. э. осваивалось массовыми потоками славяно-русски земледельцев. Обитавшее в этой зоне водское население был рано втянуто в тесные социально-экономические и этнически связи с новопоселенцами и постепенно обрусело. Проследить ха рактер данного процесса позволяют материалы раскопанног в последнее десятилетие могильника у дер. Бегуницы.[9] В XI з здесь появляются первые курганные насыпи, под которыми по гребены умершие с необычной для славян восточной ориенти ровкой, а в инвентаре захоронений отчетливо проявляются эле менты культуры прибалтийско-финского происхождения. Несо мненна принадлежность умерших к «чудскому» этническом массиву. Примерно на рубеже XI—XII вв. рядом с финнам появляются славянские колонисты, захоронения которых обра зуют в составе могильника компактную группу. В этой групп встречены только погребения с западной ориентировкой и ве щами древнерусских типов. На материалах последующего вре мени (XII—XIII вв.) наблюдается постепенное сближение дву разноэтничных групп, проявляющееся в полном исчезновени финно-угорских элементов материальной культуры и распро странении единых древнерусских типов изделий. Но местно (водское) население не растворилось при этом целиком в сла вяно-русской среде. Оно продолжало сохранять свои племен

[8] Аристэ П. А. 1) Происхождение водского языка // Учен. зап. Тар туск. ун-та. Филологич. науки. 1947. С. 35—74; 2) Формирование прибалтий ско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этниче ской истории эстонского народа / Под ред. Х. А. Моора. Таллин, 1956 С. 6—8.

[9] Более подробно об этом см.: Рябинин Е. А. 1) Славяно-финно-угор ские взаимоотношения в Вотской земле: По материалам Ижорской экспеди ции // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 28—34; 2) Древнейший памятник води в Новгородской земле // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 482—493.

ные традиции в характере погребальной обрядности, что нашло выражение в восточной ориентировке умерших и специфических деталях ритуала. На фоне постепенной нивелировки разноэтничных групп более стойкими и консервативными выступают элементы, связанные с представлениями культового порядка. А именно последние, запечатленные в основном в чертах погребального обряда, остаются почти не документированными материалами массовых раскопок курганных могильников.

Очевидно, аккультурация финно-угорских обитателей Водской земли зависела от конкретной этноисторической ситуации и протекала в отдельных частях рассматриваемого региона по-разному. Однако наличие общих тенденций в направлении этого процесса подтверждается материалами ряда других исследованных в последние десятилетия памятников. Характер славяно-водского взаимодействия отличался сложностью и отнюдь не сводился лишь к усвоению «чудским» населением новгородских культурных элементов. В зоне чересполосного русско-финского обитания протекал процесс взаимообогащения и скрещивания традиций, в ходе которого складывались новые материальные черты, придававшие местной «областной» культуре конца XII—XIV в. заметное, хотя и ослабленное распространением серийных форм общерусских изделий, своеобразие.

Средневековая корела, послужившая основным этническим компонентом в сложении карельского народа, впервые упомянута в летописи под 1143 г. В 1270 г. она отмечена в составе «всей волости новгородской», что явно свидетельствует о включении к этому времени Корельской земли в границы новгородских владений. Последующие судьбы корелы неразрывно связаны с политической и социально-экономической историей Древней Руси, оказавшей определяющее воздействие на ход и направление этнокультурных процессов в северо-западном Приладожье.

Основным археологическим источником для изучения культуры этого средневекового образования служат материалы грунтовых погребений, большинство которых было раскопано еще в конце XIX в. Дополнительную и весьма ценную информацию принесли развернувшиеся на новом этапе исследования средневековых селищ и городищ (Тиверск, Паасо и другие). Особо следует отметить осуществленные в 1970-х годах раскопки военно-административного центра Корельской земли — крепости Корела, с XIV в. являвшейся главным проводником новгородского влияния на финноязычное население края.[10]

Проблема формирования и ранней этнической истории корелы рассматривалась многими отечественными и финскими

[10] Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы: «Корельский город» XIV в. // Финно-угры и славяне / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л., 1979. С. 52—73.

исследователями. В настоящее время эта тема активно разраба-
тывается в советской археологической науке, о чем свидетель-
ствует выход в свет ряда обобщающих монографических публи-
каций и отдельных статей.[11] Суммированный в них круг источ-
ников дает достаточно ясное представление о современном со-
стоянии древнекарельской проблематики.

К узловым вопросам, не утратившим своей дискуссионности
и не получившим окончательного решения, относятся пути сло-
жения древнекарельской общности и формирования «классиче-
ской» культуры корелы XII—XIV вв., территория распростра-
нения последней и степень этнической интеграции местного на-
селения на различных этапах его исторического развития.

В археологической литературе представлено несколько точек
зрения об этногенезе корелы.[12] Широкое распространение полу-
чило мнение, согласно которому это образование сложилось на
основе местного, западнофинского, и пришедшего из юго-восточ-
ного Приладожья населения (правда, оценка слагаемых компо-
нентов трактуется далеко не однозначно). В последнее время
сформулирована гипотеза об автохтонном происхождении карел.
Следует признать, что пока не удается с достаточной отчетли-
востью проследить преемственность корельской культуры XII—
XIV вв. со слабо изученными древностями раннего железного
века и I тыс. н. э. Последние в основном представлены вещами
общеприбалтийских типов, погребальный же обряд I — начала
II тыс. н. э. близок ритуальным традициям Финляндии и Эсто-
нии без заметных региональных особенностей. По наблюдениям
С. И. Кочкуркиной, лишь в XI—XII вв. начинает выделяться
«промежуточная группа предметов», эволюционно связанная
с последующим расцветом древнекарельской культуры.

В работах многих авторов население северо-западного При-
ладожья XII—XIV вв. рассматривается в качестве племенной
общности. С. И. Кочкуркина выделяет в этногенезе корелы пе-
риод I — начало II тыс. н. э., соответствующий процессу фор-
мирования древнекарельской народности, и XII—XIV вв. —
время расцвета средневековой народности, сложившейся на пе-
реходе к феодальной формации и характеризующейся такими
признаками, как единство территории, языка и наличие общей
материальной культуры. Вывод о появлении в начале II тыс. н. э.
общности надплеменного типа представляется весьма интерес-
ным, но требует, по нашему мнению, более развернутой си-

[11] Кочкуркина С. И. 1) Территория летописной корелы в XII—
XIV вв.: По археологическим данным // Средневековые поселения Карелии и
Приладожья / Под ред. Ю. А. Савватеева. Петрозаводск, 1978. С. 41—70;
2) Археологические памятники корелы V—XV вв. Л., 1981; 3) Древняя ко-
рела. Л., 1982; Сакса А. И. Древности карел на современном этапе ис-
следования // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий / Под
ред. Ю. Селиранда. Таллин, 1985. С. 108—117.

[12] Историографию этого вопроса см.: Кочкуркина С. И. Древняя
корела. С. 7—13; Сакса М. А. Древности карел... С. 112—117.

стемы аргументации. Нуждается в расшифровке и этносоциаль-
ный статус населения северо-западного Приладожья на пред-
шествующих этапах его исторического развития. Последнее в
I тыс. могло входить в состав древнекарельского племенного
образования, позднее трансформировавшегося в народность.
В этом случае следует ожидать и наличия достаточно устойчи-
вых общих признаков этносоциальной общности племенного по-
рядка. Вместе с тем, возможно и длительное существование на
рассматриваемой территории отдельных родоплеменных групп-
ировок, близких по происхождению, но еще не сконсолидиро-
вавшихся в единое целое. Расхождения в оценке уровня этниче-
ской интеграции населения определяют дискуссионные моменты
в определении древнекарельской территории. Признание высо-
кой степени консолидации корелы вполне закономерно приво-
дит к выводу о единстве ее территориальных подразделений,
локальные различия в культуре которых играют лишь подчи-
ненную роль. Так, С. И. Кочкуркина включает в ареал корелы,
кроме собственно Карельского перешейка, юго-восточную Фин-
ляндию (районы Саво и Лаппеэнранта) и Северную Приботнию.[13] А. И. Сакса, акцентируя внимание на региональной диф-
ференциации памятников, не считает возможным рассматривать
их как единое целое; по его мнению, в XII—XIII вв. происхо-
дило формирование этнографического облика отдельных родо-
племенных группировок — корелы, саво, ижоры и еми[14] — оче-
видно, еще далеких от их интеграции в соответствующие сред-
невековые народности.

В разработках последнего времени большое внимание уде-
ляется изучению древнерусского влияния на культуру северо-
западного Приладожья. Значительность этого воздействия, про-
явившегося, в частности, в сложении своеобразного корельского
орнамента, отмечалась и предшествующими исследователями.
Однако лишь в результате раскопок городских центров Северо-
Западной Руси появилась возможность более углубленной ре-
конструкции различных сторон новгородского культурного влия-
ния. Новые материалы свидетельствуют о серийном производ-
стве и массовом распространении северорусской продукции в
Корельской земле, многие образцы которой воспринимались и
творчески перерабатывались местными мастерами. Под прогрес-
сивным славянским влиянием кузнечное ремесло северо-запад-
ного Приладожья к началу II тыс. достигло уровня, по набору
технологических приемов и операций вполне сопоставимого
с уровнем городского производства Новгородской земли.[15] Пока-
зательно, что и наиболее массовая категория археологического

[13] Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 71—75.

[14] Сакса А. И. Древности карел... С. 115—117.

[15] Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изде-
лий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического ана-
лиза // Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 188—207.

материала — гончарная посуда — аналогична древнерусской ке
рамике или близко напоминает последнюю.[16]

Вместе с тем, культура корелы XII—XIV вв. — это яркое и
своеобразное явление со свойственными только этому населе
нию чертами этнографического облика. Правда, период расцве
та «классической» культуры отразился в материалах погребаль
ных памятников в пределах сравнительно небольшого хроноло
гического диапазона — предположительно со второй полови
ны — конца XII в. до начала XIV в.,[17] т. е. на протяжении од
ного — полутора столетий. Уже во второй половине XIII—
XIV в. появляются первые раннехристианские безынвентарные
погребения, а в XIV—XV вв. господствуют захоронения с пре
обладающей западной ориентировкой в гробах или колодах, без
сопутствующих находок или с минимальным количеством ве
щей.[18]

Слабо освещенной археологическими источниками остается
этническая история племени ижора, впервые упомянутого в рус
ских летописях под 1228 г. Территория его первоначального рас
селения, реконструируемая по историческим данным XIII—
XV вв., включала бассейны рек Невы и Ижоры. С запада по
рекам Стрелке и Оредежу она граничила с Водской землей,
с севера — по р. Сестре и Лемболовским высотам, в южной
части Карельского перешейка — с Корельской землей, с востока
примерно по течению р. Назии — с Лопской землей, на юге и
юго-востоке ее рубежи проходили по болотистым и слабо
освоенным районам будущего Новгородского уезда Водской пя
тины. Военно-административным центром Ижорской земли яв
лялся город-крепость Орехов (Орешек), построенный в 1323 г.
новгородцами на острове в истоке Невы.

По единодушному мнению лингвистов, современная ижор
ская народность близкородственна карелам. Согласно разра
боткам А. Х. Лаанеста, древнеижорский период в сложении
этого этнолингвистического образования, начавшийся не позд
нее первых веков II тыс. н. э. и продолжавшийся до XVII в.,
связан с продвижением части древних карел в Ижорскую зем
лю и их постепенным обособлением.[19]

Древнейшей находкой в зоне раннеижорского расселения яв
ляется обнаруженная в окрестностях Колтушей на юге Карель
ского перешейка овально-выпуклая фибула с цилиндрическими

[16] Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 126—132.

[17] Сакса А. И. Карельская земля в XII—XIV вв.: По археологическим данным: Автореф. канд. дис. Л., 1984. С. 12—14.

[18] Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 50—51.

[19] Лаанест А. Х. Историческая фонетика и морфология ижорского языка: Автореф. докт. дис. Тарту, 1978. С. 41—46; см. также: Лаанест А. Х. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.

выступами, датируемая по аналогиям X—XI вв.[20] Выраженного этнического «паспорта» этот тип украшений однако не имеет.

О проживании на рассматриваемой территории населения в XII—XIV вв. свидетельствует наличие здесь единичных грунтовых захоронений. Так, у дер. Мишкино (междуречье Мги и Назии) при прокладке железной дороги в 1904 г. был обнаружен комплекс вещей второй половины XIII в., принадлежащий одному женскому захоронению.[21] Он представлен целостным набором металлических древнекарельских украшений без какой-либо примеси инородных элементов. Еще один выявленный при случайных обстоятельствах грунтовый могильник зафиксирован в 1908 г. в Инкере — Войскорово (нижнее течение Ижоры).[22] Здесь были обнаружены мужское и женское трупоположения, датируемые концом XII—XIII в. В состав женского инвентаря входил ряд типично корельских украшений, но последние дополнялись изделиями древнерусских типов (ромбощитковое височное кольцо, витая шейная гривна). В XII—XIII вв. происходит проникновение вещей древнекарельского происхождения и далее на восток, вплоть до Волхова (грунтовый могильник у дер. Пупышево).[23] Интересные данные получены при исследовании городского центра Ижорской земли — крепости Орешек.[24] Здесь в слоях XIV—XV вв. встречена серия находок, считающихся этноопределяющими элементами корельской культуры, а также изделия, пользовавшиеся популярностью в разноплеменной финно-угорской среде.

Немногочисленные археологические материалы свидетельствуют о том, что ижора в XII—XIV вв. сохраняла в целом корельский облик культуры. Это является весомым подтверждением вывода лингвистов о выделении ижорского племени из древнекарельской этнолингвистической общности. Однако его дальнейшее развитие определялось иными внешними и внутренними факторами. Судя по находкам из Инкере — Войскорово, в XIII в. в Ижорской земле происходил значительно более активный, чем в северо-западном Приладожье, процесс куль-

[20] Tallgren A. M. 1) Les provinces culturelles... P. 20; 2) The prehistory of Ingria. P. 102, 103, 107, fig. 27.

[21] О находке древностей при постройке железнодорожной линии С.-Петербург — Вологда // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1, 1904 г. Д. 33; ОАК за 1904 г. Отд. II: Случайные находки и приобретения. СПб., 1907. С. 109—110. Рис. 200—202.

[22] Tallgren A. M. 1) Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen in Nationalmuseum Finlands // ESA. III. Helsinki, 1928. S. 162—164, Abb. 38—42; 2) The prehistory of Ingria. P. 102—103, fig. 28.

[23] Спицын А. А. Западные финны // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 5. Д. 374. Л. 11, 12; Tallgren A. M. The prehistory of Ingria. P. 95, 102, fig. 21. Об этнической интерпретации памятника см.: Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 143.

[24] Сведения любезно предоставлены автором раскопок В. И. Кильдюшевским.

турной ассимиляции финноязычного населения, проявившийся в усвоении славянских элементов убора, не воспринятых их северными сородичами. Ижорская группировка, оказавшаяся в сфере мощного экономического воздействия Древнерусского государства, неминуемо должна была утратить ряд древних этнографических особенностей, восходящих к древнекарельским традициям. Этому способствовали и такие важные факторы, как последствия Ореховецкого мирного договора 1323 г., политически закрепившего ижору за Новгородом, а близкородственное ей население западнокарельских погостов (жители которых — предки эурямейсцев — возможно даже составляли с древними ижорцами одно племя)[25] за Швецией; активное славянское земледельческое освоение ядра ижорской территории; наконец, начавшееся еще в древнерусский период продвижение ижоры из района своего раннего обитания в западном и, частично, в восточном направлениях.

Начальное проникновение славянских земледельцев в западную часть Ижорской земли археологически документировано наличием в верховьях р. Ижоры Гатчинского могильника, включающего грунтовые захоронения XIII—XV вв. и не подвергавшиеся исследованию курганные насыпи, предположительно датируемые XII—XIII вв.[26] Массовое же ее освоение новгородцами протекало уже в период перехода к грунтовым сельским кладбищам, что могло иметь место лишь в XIV в.

Яркой иллюстрацией проникновения новгородцев в этот регион служит зафиксированное в писцовых книгах 1500 г. наименование р. Словенки (ныне Славянка), впадающей в Неву рядом с Ижорой. По заключению А. И. Попова, возникновение данного гидронима «означает появление первых групп новгородцев (словен) в этих местах, что и совершилось, по-видимому, уже в XIV столетии, в эпоху наивысшего расцвета Новгородской республики».[27] С предложенной автором датой славянского продвижения в бассейн Невы можно согласиться.

Показательна топонимика бассейна этой небольшой речки в XV—XVI вв., достаточно типичная и для остальных районов Ижорской земли. Наряду с селениями, носившими русские названия, здесь не менее часто встречаются деревни с финно-угор-

[25] Лаанест А. Х. Историческая фонетика... С. 43—44.

[26] Равдоникас В. И. Ижорский могильник... С. 24—31. В литературе высказывалось мнение о принадлежности этого памятника ижоре, но такое предположение не подтверждается археологическим материалом. Палеоантропологические данные также свидетельствуют в пользу славянства населения, осевшего в средневековом селе «в Хотчине» (см.: Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы: Краниологическое исследование. М., 1969. С. 143—144; Хартанович В. И., Чистов Ю. К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато: Применение двух моделей факторного анализа в краниологическом исследовании // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии / Под ред. И. И. Гофмана. Л., 1984. С. 99.)

[27] Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981. С. 101.

скими наименованиями, многие из которых имеют патронимическое, родовое значение. Важно отметить, что в указанный период у значительной части родовых топонимов с формантом *-ла* еще отсутствовало славянское дополнительное окончание *-во*, оформляющееся благодаря влиянию окружающего русского населения.[28] По-видимому, процесс адаптации прибалтийско-финских названий к русским языковым нормам еще только разворачивался. Большинство обитателей Ижорской земли носило христианские, безличные в этническом отношении имена, однако у некоторых сельских дворовладельцев отмечены финские имена и прозвища, которые давали им при рождении «чудские арбуи».

Фиксируемое по историческим источникам продвижение ижоры на запад вдоль южного побережья Финского залива отмечено грунтовыми кладбищами, за единичными исключениями еще не подвергавшимися исследованию. Раскопки Усть-Рудицкого могильника на р. Коваши,[29] Гамоловского грунтового кладбища на Сойкинском полуострове[30] и могильника у дер. Извоз в нижнем течении р. Луги[31] принесли, в основном, материал XIV—XVII вв. Финно-угорская принадлежность памятников подтверждается меридиональной ориентировкой части погребенных, а также наличием в инвентаре некоторых элементов «чудского» характера (например, остатки ткани, орнаментированной бронзовыми спиральками). Однако в этнографическом уборе продвинувшейся на запад ижоры почти не прослеживаются традиции древнекарельского происхождения. Это объясняется как относительно поздним временем могильников, так и процессом обособления финноязычных групп, оторванных от зоны традиционных ижоро-корельских контактов.

Особого внимания заслуживает вопрос о проникновении средневековой ижоры на Ижорское плато. В курганно-жальничных могильниках XII—XIV вв. этого региона спорадически встречаются вещи древнекарельских типов. Среди них наиболее многочисленны находки бронзовых орнаментированных рукоятей ножей, рассматривающихся в числе этнических индикаторов корельской культуры. По нашим подсчетам, на Ижорском плато встречено таких вещей примерно столько же, как и во всей Саво-Карелии.[32] Однако их появление свидетельствует прежде всего не о заселении ижорой возвышенности, а об усилении

[28] Там же. С. 140—143.

[29] Донесение А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной // ИОЛЕАЭ. Т. XX. М., 1875. С. 31—33.

[30] Конькова О. И. Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Под ред. В. М. Массона. Л., 1985. С. 74—77.

[31] Рябинин Е. А. 1) Археологические памятники Вотской земли // СА. 1976. 1. С. 218—219; 2) Исследования в западных районах Ленинградской области // АО 1980 года. М., 1981. С. 27.

[32] Рябинин Е. А. Средневековая ижора: Итоги и перспективы исследования // Финно-угры и славяне / Под ред. Э. А. Савельевой. Сыктывкар, 1986. С. 34—35.

культурного импульса из Ижорской земли. Характерные д
древнекарельского убора изделия творчески усваивались пр
этом местными мастерами, подвергаясь определенной перер
ботке. Так, ножи с бронзовыми рукоятями Водской земли вх
дили в набор с парадными составными ножнами, типологическ
близкими футлярам из Саво-Карелии, но отличающимися от н
по особенностям орнаментальных мотивов. Можно выделит
лишь один памятник, насыщенный предметами корельского пр
исхождения и, по-видимому, действительно оставленный ижо
рой. Это могильник XIII—XIV вв. у дер. Волковицы,[33] распол
жение которого на пограничье с зоной ижорского расселени
делает такое предположение вполне вероятным.

Не позднее XIV в. развернулся процесс взаимодействия з
падных групп ижоры с водью в ареале «чудских» погосто
На это указывают языковые и энтографические данные о кр
вингах — потомках угнанных в середине XV в. ливонскими ри
царями в Курляндию обитателей нижнелужских водских дер
вень; в этнографическом уборе последних сохранился ряд эл
ментов, связываемых с ижорским костюмом.[34] В документа
конца XV в. фиксируется проживание ижорцев и на участк
между верхним течением р. Оредеж и оз. Вялье, где поздне
формируется обособленный верхнеоредежский диалект ижо
ского языка. В целом, историко-археологические данные н
оставляют сомнения в освоении финноязычными выходцами и
Ижорской земли территории современного ижорского рассел
ния уже к XIV—XV вв.

Изучение средневекового прошлого Ладожско-Онежско
межозерья традиционно связано с несколькими дискуссионным
аспектами финно-угорской проблематики. К ним относятся этн
культурная интерпретация археологических памятников и в пер
вую очередь их соотношение с древностями летописной вес
пути формирования средневековой финно-угорской культуры, е
слагаемые компоненты и значимость различий между отдел
ными регионами, преемственная связь населения конца I — н
чала II тыс. н. э. с современными вепсами, включение некот
рых «чудских» группировок в состав древнерусской народност

Весь этот круг проблем имеет солидную историографик
Из работ 1960—70-х годов следует, прежде всего, назвать моно
графические публикации В. В. Пименова, Л. А. Голубевой
С. И. Кочкуркиной.[35] Новый этап исследования характеризуетс

[33] Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 64—65.

[34] См.: Ariste P. Vadja kohanimedes // Slaavi — läänemeesoome suhet ajaloost. Tallinn, 1965. lk. 105; Шлыгина Н. В. О русских элемента в женской одежде води // Этнографические исследования Северо-Запад СССР. Л., 1977. С. 130.

[35] Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса куль туры. М.; Л., 1965; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973; Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье X—XIII вв. Л., 1973.

возросшим научным интересом к региональным разработкам археологических материалов юго-восточного Приладожья, юго-западного Белозерья и Восточного Прионежья на основе качественно увеличившейся за последнее десятилетие источниковедческой базы. В результате этих изысканий господствовавшая ранее точка зрения о широком распространении на территории от Ладожского озера до бассейна Северной Двины относительно единой древневесской культуры все более вытесняется положением о явной этнической неоднородности финно-угорских обитателей указанной зоны.

Наибольшее внимание в литературе традиционно уделялось крупному курганному массиву X—XIII вв. в юго-восточном Приладожье, активное полевое изучение которого связано с раскопками Н. Е. Бранденбурга, В. И. Равдоникаса, А. М. Линевского, С. И. Кочкуркиной и В. А. Назаренко. Ныне утвердилось единое мнение о преобладающем влиянии на развитие местной культуры древней Ладоги.[36] Рано установившиеся связи с этим крупнейшим торгово-ремесленным северорусским центром ярко проявились как в характере погребального обряда и материальных элементах финно-угорского населения Приладожья, так и в ускоренных темпах его социально-экономического развития.

Вместе с тем значительные различия сохраняются в этнической интерпретации курганных древностей. По заключению С. И. Кочкуркиной, к юго-востоку от Ладожского озера выделяются три локальных группы памятников. Первая из них, расположенная по течению р. Ояти, несомненно оставлена весью; вторая, занимающая бассейны рек Сяси и Паши, также связана с прибалтийско-финским (возможно с весским) населением; наконец, третья группа, выявленная на Олонецком перешейке, принадлежала, по-видимому, предкам карел-ливвиков, в сложении которых принял заметное участие весский этнический компонент.[37] В. А. Назаренко выделяет два основных культурных региона — южное Приладожье, включающее течения рек Паши, Сяси и Тихвинки, и Восточное, охватывающее районы к востоку от Ладожского озера. Региональные различия между ними проявляются, прежде всего, в погребальных традициях, восходящих к докурганному периоду. По мнению автора, в южном Приладожье ранее практиковались погребения в деревоземляных «домиках мертвых», позднее трансформировавшихся в курганы с сохранением центрального очага и деления на мужскую и женскую половины, в восточном Приладожье получили

[36] Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь / Под ред. В. Д. Барана. Киев, 1979. С. 101—106; Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Там же. С. 106—115; Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск, 1985. С. 176—179.

[37] Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье... С. 62—67.

распространение грунтовые могильники с сожжениями, рем
нисценцией которых служит последующая традиция сооружени
низких расплывчатых насыпей с большим числом впускных по
гребений.[38] В конце X—XI в. в юго-восточном Приладожье ра
вернулся незавершившийся из-за внешних факторов процес
консолидации местного населения в средневековую финскую на
родность, условно названную В. А. Назаренко «приладожско
чудью». Ее историческая связь с летописной весью отве
гается.[39]

К юго-востоку от Ладожского озера пока не зафиксирован
археологических памятников предкурганного периода. Тем бол
ший интерес представляют сведения о древностях середины
второй половины I тыс. н. э., выявленные в последние годы
ареале несомненного весского расселения. Судя по имеющим
данным, в северном Белозерье практиковался обряд погребени
при котором остатки сожжений помещались на поверхност
земли или в неглубоких могильных ямах.[40] На р. Суде исслед
ваны грунтовые могильники VI—IX вв.,[41] причем наряду с п
мещением кальцинированных костей в большие ямы здесь н
блюдается и их расположение непосредственно под дерном, ан
логичное вышеописанному. В конце IX—X в. у судской веси о
мечено наличие погребальных дерево-земляных сооружени
восходящих к традициям «домиков мертвых».[42] Последний фа
подтверждает гипотезу В. А. Назаренко о возможных истока
своеобразного обряда в южном Приладожье. Вместе с тем ес
будет установлена типичность «домиков мертвых» для ареа
веси, то несомненную актуальность приобретет и вопрос о пл
менной принадлежности «чуди» бассейнов рек Паши, Сяси
Тихвинки.

Древнейший пласт памятников на р. Суде свидетельству
о мощном культурном импульсе и даже приливе населения
волжско-финских областей. Предполагается, что лишь под во
действием внешних факторов в местной культуре к началу дре
нерусской колонизации региона начали доминировать приба
тийско-финские элементы.[43] Сходное изменение вещевого ко
плекса фиксируется и в материалах белозерской веси: в кон
IX — третьей четверти X в. наблюдается преобладание вост

[38] Назаренко В. А. Об этнической принадлежности приладожск
курганов // Финно-угры и славяне / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л., 19
С. 152—156.

[39] Назаренко В. А. Исторические судьбы... С. 113—114.

[40] Макаров Н. А. О некоторых комплексах середины — третьей ч
верти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье на р. Сухоне
КСИА. 1986. Вып. 183. С. 29—30.

[41] Башенькин А. Н. Юго-Западное Белозерье во второй полови
I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1986. С. 9, 11—1

[42] Башенькин А. Н. Погребальное сооружение у д. Никольское
р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. С. 77—81.

[43] Башенькин А. Н. Юго-Западное Белозерье... С. 14—16.

нофинского (пермского и особенно волго-окского) компонента, в конце X—XI в. происходит вытеснение восточных элементов и замена их западнофинскими.[44] В свете последних разработок формирование этнографического облика белозерско-шекснинской и судской групп веси выступает как сложный и динамичный процесс слияния местных, западных и восточных финно-угорских традиций, в начале II тыс. осложненный все более усиливающимся древнерусским влиянием.

Исторические судьбы финноязычных группировок Ладожско-Онежского межозерья сложились по-разному. В восточных районах Белозерья, активно заселявшихся как выходцами из Новгородской земли, так и пришельцами из Ростово-Суздальского княжества, в XI—XIII вв. происходило и в основном завершилось к концу этого периода смешение веси и славян, приведшее, по мнению Н. И. Макарова, к сложению одной из этнографических групп древнерусской народности — белозерцев.[45]

Археологические материалы бассейна р. Суды, также документирующие усиление славянского влияния на местную культуру, показывают вместе с тем сохранение этнических особенностей веси даже в эпоху исчезновения курганного обряда погребения.[46] Об этом же свидетельствуют данные лексики письменных источников XIV—XVI вв. Судя по составленным на их основе лингвокартам, славянские поселенцы в первых веках II тыс. н. э. оседали только по нижнему течению Суды. «Выше по течению, в районе впадения Андоги, колонизационные волны разбивались о какой-то барьер, который тянулся по левобережью данной реки до Андозера».[47] Этим барьером являлась относительно высокая плотность дорусского населения, сохранявшего свою этническую самобытность. Просачивающиеся сюда славянские группы были довольно немногочисленными, что и обусловило сосуществование здесь в течение столетий двух этнических групп. Результатом длительного симбиоза явился билингвизм населения, отмеченный в начале XVI в. С. Герберштейном в Судском стане и прослеживаемый по источникам середины XVI в. в Водлозерском погосте Обонежской пятины. Еще в середине прошлого столетия в бассейне Суды сохранялись селения полуобрусевших финнов, владевших «чудским» языком.[48] Растворение местного субстрата в данном регионе происходило преимущественно в период сложения великорусской народности.

К югу от Свири и Онежского озера, в верхнем и частично

[44] Макаров Н. А. Население Восточного Прионежья в X—XIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1984. С. 20—21.

[45] Там же. С. 21—22.

[46] Башенькин А. Н. Юго-Западное Белозерье... С. 17.

[47] Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 141.

[48] Там же. С. 142—147.

среднем течении р. Ояти, по верховьям Паши и Капши, в верх
нем течении Суды, а также в низовьях Ошты, Мегры и, веро
ятно, Андомы располагалась зона, не затронутая значительны
славянским воздействием. Именно здесь сложились условия дл
формирования современной вепсской народности,[49] в которо
приняли участие прибалтийско-финские группы, обитавшие
бассейне Суды и рек юго-восточного Приладожья, а также н
выявленное пока археологически древнее население Вепсско
возвышенности. Определенный приладожский компонент воше
кроме того, в состав южных карел, частично же финно-угр
Приладожья подверглись ассимиляции, послужив субстрато
древнерусской народности.

К востоку от Ладожско-Онежского межозерья на путях сла
вянского освоения лежали земли, занятые заволочской чудь
Это население, в названии которого слиты географический те
мин и лишенное этнонимической нагрузки обозначение финно
угорских народов, упомянуто лишь один раз в этнографическо
введении Повести временных лет при перечислении «всех язы
цей» «Афетовой части». Тем не менее, в научной литерату
данному загадочному образованию уделяется исключительн
большое внимание. Его изучение прямым образом связано ка
с проблемой этногенеза современных финно-угорских народо
(коми, вепсов), так и с историей формирования северорусско
(поморской) субэтнической общности.

До последнего времени проблема чуди заволочской рассма
ривалась на историко-географических, лингвистических и этн
графических материалах без учета археологических данны
Историко-географические разработки позволяют локализова
древнерусское Заволочье в левобережной части Северодви
ского бассейна, причем для XI—XIII вв. вероятно применени
этого названия в основном к области по течению р. Ваги, а дл
XIV—XV вв. — к Поважью и Нижнему Подвинью.[50] Реконстру
руемая территория дает представление о ядре расселения лет
писной чуди, что, однако, не исключает ее проживания и в пр
легающих районах.

По мнению ряда авторов (Н. П. Барсов, С. С. Гадзяцкий
заволочская чудь имеет исключительно собирательное значени
скрывая за собой финно-угорские племена различного прои
хождения. Другая группа исследователей, развивая мнени
высказанное еще в середине XIX в. М. А. Кастреном, связы
вает ее с прибалтийско-финским этническим массивом и, пре
де всего, с весью (вепсами) и корелой (карелами). В разве
нутом виде это положение приведено в работе Д. В. Бубрих
считавшего, что в языковом отношении заволочская чудь — э
весь, заселившая Двинскую землю еще до русской (новгоро

[49] Пименов В. В. Вепсы. С. 177 сл.

[50] Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволочь
// Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 103—109.

ской) колонизации.[51] В ряде работ проводится положение о полном тождестве населения Заволочья с весью (В. В. Пименов)[52] и, отчасти, корелой (А. И. Туркин),[53] причем признается относительно позднее, происходившее незадолго до появления славян, продвижение носителей весского и корельского языков в Северодвинский бассейн. По мнению А. И. Попова, топонимические данные действительно свидетельствуют о принадлежности рассматриваемой чуди к прибалтийским финнам, но при этом оговаривается ее языковое отличие от карел и вепсов.[54]

Оригинальная этнолингвистическая концепция развития и смены языковых общностей создана на материалах субстратной топонимики Русского Севера А. К. Матвеевым. Им выделен мощный пласт гидронимов с формантом *-ньга-(еньга)*, характеризующийся очень компактным ареалом, массовостью топонимического типа и фонетической близостью топонимов, находящихся в пределах основного ареала.[55] Гидронимы на *-ньга* сосредоточены «в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоной», т. е. охватывают историческую область Заволочье и, согласно А. К. Матвееву, документируют былое проживание в этом регионе чуди заволочской. Последнюю он относит к особой северофинской языковой группе, занимавшей промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками. По мнению этого автора, этнолингвистическая ситуация на Русском Севере накануне славянской колонизации значительно осложнилась проникновением в ареал северофинских племен носителей прибалтийско-финских языков, создавших к началу II тыс. н. э. локальные, но плотные ареалы западнофинских топонимов.

Дискуссионность рассматриваемой проблемы определяет особое значение для ее изучения археологических источников. До недавнего времени данные о финно-угорских древностях в бассейне Северной Двины исчерпывались лишь сведениями о случайных находках вещей и наличии единичных могильников. В настоящий период исследование археологических памятников в этом регионе значительно активизировалось и уже принесло качественно новые результаты.

В левобережной части Подвинья выделяются три терри-

[51] Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 24.

[52] Пименов В. В. Вепсы. С. 11—17.

[53] Туркин А. И. Этногенез коми по данным топонимики и лексики. Таллин, 1985. С. 14.

[54] Попов А. И. Названия народов СССР: Введение в топоннмику. М., 1973. С. 71—72.

[55] Матвеев А. К. 1) К проблеме происхождения северорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964. С. 185—192; 2) Субстратная топонимика русского Севера // Вопросы языкознання. 1964. № 2. С. 64—83; 3) Происхождение основных пластов субстратной топонимики русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 42—45.

риальных скопления «чудских» древностей начала II тыс. н. э. Первое из них расположено в среднем течении р. Ваги, второе — в междуречье верхней Ваги и средней Сухоны и третье — в среднем течении р. Кокшеньги, правого притока Ваги.

Бассейн средней Ваги, первые погребальные памятники которого открыты лишь в 1970-х годах, характеризуется распространением захоронений в срубных конструкциях, впущенных в могильные ямы прямоугольной формы. На раннем этапе (XI—начало XII в.) фиксируется сосуществование обрядов кремации и ингумации, в XII—XIII вв. происходит полный переход к захоронениям по обряду трупоположения. Ориентировка умерших южная и юго-восточная, не ранее конца XII—XIII в. появляются захоронения, обращенные головой на запад. В культуре региона наблюдается переплетение западнофинских, восточнофинских и местных элементов при явном преобладании прибалтийско-финского компонента. С XI в. ощущается все более усиливающееся в последующем древнерусское влияние.[56]

В междуречье Ваги и средней Сухоны выявлены только грунтовые трупоположения XII—XIV вв., совершенные в ямах различной глубины и формы; имеются могилы чашевидных очертаний, отличающиеся своей необычно большой шириной. Местной особенностью является покрытие ям каменными вымостками и их последующая забутовка валунами. Наряду с господствующей западной ориентировкой умерших, зафиксированы положения головой на юго-восток. Многие погребения совершены в колодах, в могилах отмечено наличие бересты и подстилок из мха и хвои. Культура имеет смешанный характер, включая элементы прибалтийско-финского, волжско-финского и древнерусского происхождения.[57]

В памятниках XII—XIV вв. средней Кокшеньги наблюдается одновременное практикование обрядов сожжения умерших на стороне и трупоположения. Кремированные останки вместе с углями и золой погребального костра ссыпались в небольшие круглые ямки, имевшие незначительную глубину. Трупоположения совершались в довольно глубоких могилах, лишенных внешних признаков. Неоднократно отмечалось наличие колод; наряду с западной зафиксирована и юго-восточная ориентировка умерших. В культуре ощущается сильное древнерусское влияние при сохранении этнографических особенностей финно-угорского убора.[58]

[56] Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Археологические памятники Чуди Заволочской // СА. 1984. № 4. С. 197—216.

[57] Черницын Н. А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области // СА. 1966. 4. С. 196—201; Гуслистов Н. В. 1) Марьинский могильник: Вопросы финно-угроведения // Тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 66; 2) Раскопки и разведка в Вологодской области // АО 1979 года. М., 1980. С. 7.

[58] Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья: По находкам в бассейне Кокшеньги // СА. 1981. 3. С. 66—72.

Не останавливаясь в данной работе на детальном анализе территориальных групп памятников, резюмируем лишь основные итоги их изучения. Характер погребального обряда явно свидетельствует об этнической неоднородности финно-угорского населения левобережной части Северодвинского бассейна. Наиболее выраженные прибалтийско-финские черты наблюдаются в памятниках Важского бассейна, составляющего ядро территории летописной чуди заволочской; вместе с тем, в местной культуре ощущается и довольно значительный волжско-финский компонент. Население междуречья верхней Ваги, средней Сухоны и бассейна Кокшеньги также имело ряд своеобразных этнографических черт, не сводимых лишь к заимствованиям из культур прибалтийско-финских и восточнофинских племен. Наряду с различиями, между локальными группировками существовало и несомненное сходство, определяемое распространением в западной части Подвинья общих специфических элементов «чудского» происхождения.

В целом, реконструируемая по археологическим данным этническая ситуация близка картине этнолингвистических процессов в Заволочье, воссозданной в работах А. К. Матвеева. Общие черты в материальной культуре Подвинья могут быть сопоставлены с традициями автохтонных северофинских племен. Но последние по-видимому еще до начала русской колонизации испытали на себе сильное воздействие со стороны продвигавшихся в бассейн Северной Двины западнофинских групп. Так, население XI—XIII вв. Важского бассейна являлось, по нашему мнению, сложным сплавом северофинских и прибалтийско-финских группировок. В значительно меньшей степени западное влияние сказалось на северных финнах, занимавших междуречье Ваги и Сухоны и бассейн Кокшеньги. Дальнейшая история населения Заволочья неразрывно связана с формированием русского народа. Значительное субстратное наследие заволочской чуди сохранилось в культуре севера России до настоящего времени.

В данной статье затронуты лишь некоторые аспекты сложной и многогранной проблемы, связанной с изучением финно-угорских племен Северной Руси. Не вызывает сомнения, что лишь комплексный подход к существующим источникам позволит в дальнейшем восстановить реальную картину этногенических процессов на обширных пространствах лесной зоны Восточной Европы.

И. В. ДУБОВ

ЯРОСЛАВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В IX—XIII вв.
(ведущие исследователи и основные проблемы)

Богата, многообразна и сложна для реконструкции истори Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья. Уже н одно поколение историков и археологов углубленно занимается изучением древностей этого района. Исследовано много разно образных источников, начиная с письменных. Каждый полево сезон приносит новые открытия, в том числе и неожиданные позволяющие не только уточнять, но иногда и менять наш представления о жизни и культуре населения, важнейших исто рических процессах, протекавших здесь в домонгольское время

Почти полтора столетия продолжается активное археологи ческое изучение Ярославщины. С этим научным поиском свя заны имена многих известных исследователей как дореволю ционного периода, так и советского.

И первыми среди них следует назвать таких видных русски ученых, как председатель Московского археологического обще ства А. С. Уваров и профессор Московского университета П. С. Савельев. В середине прошлого столетия они организо вали грандиозные раскопки Владимирских курганов, включая в частности, погребальные памятники по берегам озера Пле щеево (Клещино) близ предполагавшегося места, где находилс древнерусский летописный город Клещин. П. С. Савельев про вел раскопки в том же районе в поисках этого города на та называемой Александровой горе, или Ярилиной плеши, на горо дище у села Городище, а также крайне интересные архитектур но-археологические исследования в самом городе Переславле Залесском вокруг Спасо-Преображенского собора.[1]

Итогом широких полевых работ в Суздальской земле под руководством А. С. Уварова стала его фундаментальная моно графия, в которой были суммированы и проанализированы впервые полученные археологические данные и на их базе ре конструирована история Суздальского ополья, включавшего ча стично Ярославское Поволжье периода раннего средневековья.

Работы А. С. Уварова ввели в научный оборот, как равно правные с письменными, источники археологические. Исследо вателем была поставлена проблема мерянских древностей и вклада местных финно-угорских племен в новый формирую щийся древнерусский этнос и, соответственно, его духовную и материальную культуру. Автор предложил свое понимание этого круга сложнейших исторических вопросов.

Большой вклад в археологическое изучение Северо-Восточной Руси внес известный русский археолог Василий Алексеевич Городцов, который проводил значительные раскопки в Ярославской губернии. Под его руководством исследовались курганы Тимеревского и Михайловского могильников.[3]

На рубеж XIX—XX ст. приходится пик в научной деятельности одного из ведущих русских археологов — Александра Андреевича Спицына. Спецификой его исследовательского поиска было то, что он почти не проводил сам раскопок, а обрабатывал, обобщал и публиковал материалы других ученых. Особый интерес представляет его работа «Владимирские курганы», где он изложил свою концепцию и свое понимание истории Северо-Восточной Руси, во многом отличное от взглядов А. С. Уварова.[4] Этот труд стал новым этапом в изучении древностей Залесской земли.

Неоценима роль в археологическом исследовании Ярославского края местного краеведа, историка, археолога, реставратора, общественного деятеля Иллариона Александровича Тихомирова. Всю археологическую деятельность И. А. Тихомирова можно расчленить на три составные неразрывные части — во-первых, это собственно раскопки, во-вторых, публикации и анализ материалов с выходом на широкие исторические обобщения и, в-третьих, участие как археолога в работе различных общественных организаций и в первую очередь Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Им проведены обширные раскопки Михайловского, Тимеревского могильников, более поздних некрополей у Грехова ручья близ Углича, Евчаковского неподалеку от Тутаева.[5] В 1900 г. И. А. Тихомировым была создана первая археологическая карта Ярославской губернии, сохранившаяся в оригинале вплоть до настоящего времени.[6]

---

[1] Савельев П. С. Отчеты о раскопках // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 8. 1853 г. Д. 2—4; Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. С. 29—46.

[2] Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. Т. I. М., 1869; Т. II. М., 1871.

[3] Городцов В. А. 1) Раскопки у с. Михайловского // Северный край, 1903, 22 мая, № 132; 2) Археологическая экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса // ИАК. Вып. 6. СПб., 1903. С. 85—87.

[4] Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84—172.

[5] Тихомиров И. А. 1) Отчеты о раскопках Михайловских курганов // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 52. 1897 г.; Д. 187. 1898 г.; 2) Отчет о раскопках Михайловских курганов в 1897 и 1898 гг. // ГИМ, архив. Ф. 99. Ед. хр. 42; 3) Отчет о раскопках в Ярославской губ. и под с. Михайловское // Извлечение из Ярославских губернских ведомостей. Ярославль, 1898; 4) Отчет о раскопках курганных кладбищ под деревней Большое Тимерево и Гончарово 1900 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 82. 1900 г.; 5) Дневник раскопок, произведенных в Угличском уезде на Греховом ручье // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 82. 1900 г.; 6) Евчаковское курганное кладбище: Отчет о раскопках 1929 года // Архив ЛОИА АН СССР. 1929 г. Ф. 1. Д. 223.

[6] Карта хранится в научной библиотеке Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

Свои исследования погребальных древностей Ярославской губернии И. А. Тихомиров суммировал в двух обширных докладах на историко-археологических съездах, которые были опубликованы в их трудах в виде статей.[7]

Таким образом, в трудах дореволюционных археологов был опубликован обширный археологический материал, изложены точки зрения о месте, роли и значении Залесской земли в истории Древней Руси. Были сформированы основные концепции, касающиеся проблем славянского заселения, формирования древнерусской народности, вклада в эти процессы местного финно-угорского мерянского населения.

В советское время эти исследования достигли наибольшего размаха и продолжаются поныне.

В 20-х годах раскопки на Сарском городище производил Дмитрий Николаевич Эдинг. Итогом этих работ стала его монография, опубликованная в 1928 г.[8] Критика, неоднократно высказывавшаяся в адрес Д. Н. Эдинга и его методики раскопок и интерпретации материалов, может быть и справедлива. Однако до сих пор так и нет сводной монографии по такому ключевому памятнику, как Сарское городище, хотя многие исследователи пользовались и пользуются его материалами.

В 30-е и последующие годы широко развернулась на Верхней Волге археологическая деятельность члена-корреспондента АН СССР ведущего советского археолога Петра Николаевича Третьякова, который возглавил работу Волгостроечной экспедиции.[10] Среди памятников разных времен, ею исследованных, следует остановиться на объектах, относящихся к средневековью. Но кроме этого, были изучены непосредственно предшествующие поселениям средневековым многочисленные городища раннего железного века — дьяковской эпохи.

Особой заслугой П. Н. Третьякова явился первый подлинно научный историко-археологический анализ материалов упомянутого выше Сарского городища.[11]

В последующих исследованиях этого автора им была сформулирована общая концепция истории Верхнего Поволжья эпохи раннего средневековья. Она касалась абсолютно всех вопросов и проблем, связанных с данной территорией и ее развитием в рассматриваемое время.[12] Большинство выдвинутых или развитых им положений актуальны и сейчас, несмотря на появление многих новых материалов. Невзирая на спорность или недоказанность ряда его выводов, можно с уверенностью говорить о том, что П. Н. Третьяков является одним из создателей современной концепции истории Залесской земли в IX—XIII ст.

Значительный интерес вызывают и полевые работы, проведенные ленинградским археологом Ядвигой Вацлавовной Станкевич на хорошо известном Михайловском могильнике.[13] Это были самые большие по объему раскопки со времени начала научного изучения могильника. Я. В. Станкевич впервые достаточно четко и аргументированно, хотя и не без ошибок, сумела определить хронологию, социальную и этническую принадлежность погребенных. На основе этих заключений она сумела выйти на широкие исторические обобщения, касающиеся всего Верхнего Поволжья в целом.

Перед самой войной были проведены первые широкие исследования городов Ярославщины. Их осуществил Николай Николаевич Воронин. Они стали логическим продолжением небольших работ П. С. Савельева в Переславле-Залесском и И. А. Тихомирова в Угличе, П. Н. Третьякова и М. К. Каргера в Ярославле. О работах П. С. Савельева говорилось выше. Результаты исследований П. Н. Третьякова и М. К. Каргера не опубликованы.[14] Особо следует остановиться на раскопках И. А. Тихомирова в 1900 г. в Угличе, которые длительное время были практически единственными в этом древнем городе Ярославщины. К сожалению, эти раскопки мало что дали для реконструкции ранней истории города и носили главным образом архитектурно-археологический характер. Были исследованы фундаменты и остатки стен дворцового комплекса XV в. — первоначального княжеского дворца и древнего Спасо-Преображенского собора.[15]

Однако все эти работы не шли ни в какое сравнение с исследованиями Н. Н. Воронина, проведенными им в Ярославле и Переславле-Залесском.[16] Практически впервые достоянием нау-

---

7 Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. I // Труды II областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903. С. 87—248. Ч. II // Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 1—98.

8 Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.

9 Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. № 5. М.; Л., 1941. С. 91.

10 Третьяков П. Н. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. // ИГАИМК. Вып. 109. 1935. С. 104—120.

11 Третьяков П. Н. К истории племен... С. 90—97.

12 Третьяков П. Н. 1) Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939; 2) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; 3) У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л., 1970.

13 Станкевич Я. В. 1) Ярославская экспедиция // КСИИМК. Вып. I. М.; Л., 1939. С. 16; 2) Раскопки Михайловского могильника // Там же. Вып. II. М.; Л., 1939. С. 28—29; 3) К вопросу об этническом составе Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. № 6. М.; Л., 1941. С. 56—58.

14 Коллекция находок из раскопок П. Н. Третьякова и М. К. Каргера хранится в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника и частично выставлена в экспозиции музея истории города Ярославля.

15 Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле // Труды Тверской губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1904. С. 1—24.

16 Воронин Н. Н. 1) Раскопки в Ярославле // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 177—192; 2) Раскопки в Переяславле-Залесском // Там же. С. 193—202.

ки стали материалы из этих интереснейших древнерусских го
родов, о начальной истории которых ранее мы могли судит
лишь по письменным источникам да различным легендам и пре
даниям. Свои раскопки в городах Ярославского края Н. Н. Во
ронин продолжил работами в Ростове Ярославском.[17]

В послевоенный период вновь широко развернулись иссле
дования сельских поселений и могильников края. Параллельн
работают несколько крупных коллективов ученых. Это прежд
всего экспедиция Государственного исторического музея, воз
главляемая Майей Васильевной Фехнер. Хорошо известны е
исследования памятников в Угличском микрорайоне.[18] Вообщ
группой археологов ГИМа подготовлена целая серия работ п
различным аспектам истории и археологии русского средневе
ковья, где древности Северо-Востока занимают значительно
место. Ими созданы, в частности, первый достаточно полный ка
талог средневековых русских памятников и карта их распол
жения, проведена большая работа по типологии и хронологии
отдельных категорий древностей и многое другое.[19]

Особо следует указать на широкомасштабность раскопо
этой экспедиции Ярославских могильников — Михайловского
Тимеревского, Петровского, проведенных в 1959—1962 гг.
вновь Тимеревского в 1974—1978 гг. после того, как стало из
вестно, что этот некрополь, вопреки их утверждениям, исследо
ван неполностью.

В результате названных двух раскопочных кампаний полу
чены важнейшие данные по истории и археологии Ярославско
Поволжья IX—XI вв. и в научный оборот введено большое ко
личество качественно новых и полноценных археологически
комплексов и данных.[20]

Важнейшим этапом в изучении древностей Залесья стал
широкомасштабные работы Екатерины Ивановны Горюновой
возглавляемой ею экспедиции Института археологии АН СССР

---

[17] Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных па
мятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятнико
архитектуры Ярославской области. Вып. 1. Древний Ростов. Ярославл
1958. С. 4—25.

[18] Фехнер М. В. 1) Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв.
Краеведческие записки. Вып. второй. Ярославль, 1957. С. 183—195; 2) Ра
копки селища близ Грехова ручья. Археологический сборник // Труды ГИМ
Вып. 37. М., 1960. С. 156—166; Мальм В. А. Курганный могильник бли
Грехова ручья // Там же. С. 167—174.

[19] Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ
Вып. 32. М., 1956; Вып. 33. М., 1959; Вып. 43. М., 1967; Археологиче
ский сборник // Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966; История и культур
Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971; История
культура Евразии по археологическим данным // Труды ГИМ. Вып. 51. М
1980.

[20] Ярославское Поволжье X—XI вв. / Под ред. А. П. Смирнова. М
1963; Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тиме
ревского могильника // СА. 1985. 2. С. 101—115.

Среди средневековых объектов, раскопанных этой исследовательницей, следует прежде всего назвать Зубаревский могильник на Рыбинском море — редкий образец «чистого» финно-угорского мерянского некрополя древнерусского времени.[21] Известны также ее раскопки ряда средневековых некрополей на правом берегу Волги, выше города Ярославля.[22] Е. И. Горюнова в свое время обобщила результаты исследований городов Залесской земли и опубликовала на эту тему очень интересную и содержательную работу.[23]

Однако главным исследованием Е. И. Горюновой по истории рассматриваемого нами района является ее фундаментальная монография, в которой она рассмотрела многочисленные проблемы исторического развития Волго-Окского междуречья, начиная с эпохи камня и кончая средневековьем.[24] И по сей день, по прошествии четверти века, этот труд является одним из основных по истории Залесья и не утратил своей актуальности. Можно с уверенностью сказать, что с именем Е. И. Горюновой связан важнейший этап в изучении Северо-Восточной Руси.

В экспедициях М. В. Фехнер и Е. И. Горюновой активное участие принимал неутомимый ярославский краевед, сотрудник местного музея Алексей Степанович Смирнов, проводивший и самостоятельные раскопки ряда курганных могильников в Ярославской области в 60-х годах.[25] Следует особо отметить, что именно этому человеку принадлежит честь подлинного открытия сейчас уже хорошо известного в науке Тимеревского поселения.

В 70-х годах в Ярославской области параллельно работали несколько экспедиций, занимавшихся исследованиями средневековых древностей. Это, прежде всего, Славянский отряд Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемый Константином Ивановичем Комаровым. Из его работ необходимо указать на исследования памятников по берегам реки Сити, в том числе и в связи с поисками места битвы с татаро-монгольскими завоевателями в 1238 г.[26]

---

[21] Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море // КСИИМК. Вып. 54. М.; Л., 1954. С. 153—163.

[22] Горюнова Е. И. Второй Харитоновский могильник // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 78—82.

[23] Горюнова Е. Н. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. Вып. 59. М., 1955. С. 11—18.

[24] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961.

[25] Смирнов А. С. 1) Отчет о раскопках 1 Пекшинского могильника Некрасовского сельсовета Ярославского района и области // ЯРМЗ № 28585; 2) Раскопки в Тутаевском районе в 1962—1963 гг. // Архив ИА АН СССР. Р—1. Д. № 2802; 3) Разведки в Борисоглебском и Некоузском районах в 1966 году // Архив ИА АН СССР. Р—1. Д. № 3415.

[26] Комаров К. И. 1) О работах Верхневолжской экспедиции на Сити // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 82—84; 2) К вопросу о месте битвы 1238 года на Сити // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 209—218.

Вторая экспедиция возглавляется и поныне сотрудником того же института Андреем Евгеньевичем Леонтьевым. Он со средоточил свои работы близ Ростова Ярославского, в само городе и, главным образом, на Сарском городище.[27] Им впер вые были подведены итоги многолетнего изучения этого ключе вого памятника, а также рассмотрен ряд общих вопросов фор мирования древнерусской народности и включения в ее соста местного мерянского массива.[28]

В начале 70-х годов к работам в Ярославской области при ступила экспедиция Ленинградского университета, руководима автором данной статьи. За период ее работы были проведен многочисленные разведки — по реке Которосли, по берегам озе ра Плещеево, по реке Сити и в других районах. Проведены рас копки и обследования Пекшинских могильников и поселения Заморинского могильника, Клещинского комплекса памятнико курганных групп в Тутаевском районе по левому берегу Волги Главным объектом Ярославской экспедиции был и остается Ти меревский археологический комплекс. Результатом наших рабо стало, во-первых, доказательство того, что могильник полностью не исследован и раскопки его можно и нужно продолжать В итоге, во-первых, экспедицией Государственного историче ского музея было вскрыто около ста курганов, давших новый интересный материал. Во-вторых, были открыты два поселени у деревень Малое и Большое Тимерево и начато их исследова ние. В-третьих, был найден самый крупный клад восточных мо нет на территории Древней Руси, зарытый в землю в последне трети IX в. — около 3000 экземпляров. Среди монет есть редки и даже уникальные. Особое значение имеет обнаружение н ряде монет Тимеревского клада граффити, в том числе руни ческих.

Ярославская экспедиция провела и небольшие по объема раскопки в древнейшей части Ярославля, где были найдены остатки первоначального (XI в.) укрепления — вала с деревян ными конструкциями.

Историографическое наследие, обширные материалы, накоп ленные более чем за столетие археологических раскопок на тер ритории Ярославщины, новейшие данные, полученные, в том числе, и в результате работ экспедиции Ленинградского универ ситета, легли в основу многочисленных статей и трех монографических исследований.[29]

[27] Леонтьев А. Е. 1) «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого // Вестн. Моск. ун-та. 1974. № 3. С. 85—96; 2) О времени возникновения Сарского городища // Там же. № 5. С. 68—74; 3) Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1975.

[28] Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери: Постановка вопроса // СА. 1980. 2. С. 67—79.

[29] Дубов И. В. 1) Северо-Восток // Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1975.

Ярославская экспедиция и сейчас продолжает изучение Тимеревского комплекса — идут раскопки поселения, найдены новые участки культурного слоя, раскопан интереснейший погребальный комплекс.

Непосредственно в поле работами руководил ассистент кафедры археологии Ленинградского университета В. Н. Седых.[30]

Ясно, что возможности для исследований данного комплекса памятников и неисчерпаемы, и результаты их имеют первостепенное значение.

В самом городе Ярославле Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря (XIII в.) исследуется отрядом под руководством научного сотрудника Государственного Эрмитажа О. М. Иоаннисяна, «отпочковавшимся» от Ярославской экспедиции. Эти раскопки уже дали интереснейшие результаты.[31]

О. М. Иоаннисян провел также раскопки в Угличе, его работы продолжили В. А. Булкин и С. В. Томсинский.

В последние годы раскопки средневекового селища Введенского начала экспедиция Ярославского университета под руководством И. Л. Станкевич.[32]

За эти годы достигнуто многое — накоплен обширный материал, созданы цельные концепции исторического развития Северо-Восточной Руси, исследования стали носить комплексный характер с использованием самых разных категорий источников — письменных, археологических, лингвистических, фольклорных, этнографических, картографических и других.

Однако далеко не по всем проблемам есть ясность или единодушие у исследователей. На этих основных проблемах и необходимо остановиться.

Первым коренным вопросом является хронология древностей. В дославянское время территория Ярославского Поволжья была заселена финно-уграми — племенным союзом, известным в русских летописях под названием «меря». Ему соответствует археологическая дьяковская культура. Вплоть до настоящего времени идет непрекращающаяся дискуссия о ее хронологии, то затухающая, то вновь возобновляющаяся. Для нас имеет наибольшее значение определение верхней даты дьяковских древностей, ибо от этого зависят многие наши представления о пе-

С. 101—136; 2) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л., 1982; 3) Города, величеством сияющие. Л., 1985.

[30] Седых В. Н. Работы Ярославского отряда // АО 1983 года. М., 1985. С. 82.

[31] Иоаннисян О. М. 1) Исследования Спасского собора в Ярославле // АО 1982 года. М., 1983. С. 56—57; 2) Раскопки в Ярославле и Угличе // АО 1983 года. М., 1984. С. 57—58.

[32] Станкевич И. Л. 1) Работы в Ярославской области // АО 1981 года. М., 1982. С. 92; 2) Экспедиция Ярославского университета // АО 1982 года. М., 1983. С. 88; 3) Исследования Ярославской экспедиции // АО 1983 года. М., 1984. С. 85—86.

реходе в данном регионе от железного века к раннему средневе
ковью.

Один из первых исследователей этой культуры А. А. Спицы
относил время расцвета дьяковских городищ к VI—
VIII вв. н. э.[33] А если учесть тот факт, что он же с IX в. связы
вал освоение славянами Залесского края,[34] то можно говорит
о прямой преемственности между этими двумя эпохами.

В современной литературе в основном господствует позиция
согласно которой эта конечная дата определяется V—
VI вв. н. э.[35]

В последнее время появилась точка зрения, что жизнь н
дьяковских поселениях продолжалась вплоть до конца I ты
н. э.,[36] а точнее до X в.[37]

Пока трудно сказать, кто из исследователей ближе к истине
данная проблема требует дальнейшей углубленной разработки
Если принять точку зрения первых (VI в.), то необъяснимо
хронологическая лакуна, по крайней мере, в два столетия (VII—
VIII вв.). Видимо, все-таки правы вторые (IX—X вв.), когда
считают, что дьяковские финно-угорские элементы постепенно
угасают и входят составной частью в древнерусскую культуру.

С этим вопросом связана и проблема вклада мери в процесс
формирования древнерусской культуры и народности. На это
счет также существовали разные, полярные точки зрения. Ранее
полагали, что меря была молниеносно ассимилирована и частич
но оттеснена славянами, а посему никаких ее следов в древне
русской культуре искать не приходится — их просто нет.[38] Затем
в науке сформировалась концепция активного участия мери в
многообразном историческом развитии Северо-Востока в период
раннего средневековья.[39] Более того, явно, что роль этого этноса
даже преувеличивалась.[40] И наиболее взвешенная, реалистичес
кая модель предложена в работах П. Н. Третьякова, суть ко
торых сводится к признанию определенного мерянского вклада

[33] Спицын А. А. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. 1903. Т. 5. Вып.
С. 111—113.

[34] Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 167.

[35] Смирнов К. А. Дьяковская культура: Материальная культура го
родищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура. М., 1974. С. 76—
77; Краснов Ю. А. О дате Березняковского городища // КСИА. 198
Вып. 162. С. 65.

[36] Горюнова Е. И. Этническая история... С. 47.

[37] Розенфельдт И. Г. Еще раз о Березняковском городище /
КСИА. 1980. Вып. 162. С. 58—59.

[38] Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 166; Зеленин Д. К
Принимали финны участие в образовании великорусской народности? // Тру
ды Леннигр. об-ва исследователей культур финно-угорских народностей
1929. Вып. 1.

[39] Горюнова Е. И. Этническая история... С. 38—152.

[40] Третьяков П. Н. [Рецензия] // СА. 1962. 4. С. 267—268. Рец. на
кн.: Е. И. Горюновой. Этническая история Волго-Окского междуречья /
МИА. № 94. М., 1961.

в древнерусскую культуру и народность, но главную роль все-
таки играло пришлое славянское население.[41]

Сейчас такая позиция разделяется полностью.[42] Дискуссии
идут лишь о формах, этапах, хронологии, конкретных проявле-
ниях, выявлении подлинных этнических индикаторов.[43] Дальней-
шее накопление материала и его тщательная проработка помо-
гут нам приблизиться к успешному решению этой проблемы.

Одной из важнейших проблем, которая серьезно интересо-
вала еще дореволюционных исследователей, является вопрос
о славянском заселении Северо-Востока и формировании здесь
древнерусской, а затем великорусской народности. На эту тему
существует обширнейшая историография. В настоящее время
дискутируются и окончательно не разрешены два основных во-
проса — когда и откуда. Первый — вопрос хронологии. Об этом
выше мы уже частично говорили, но следует рассмотреть во-
прос подробнее. Если отбросить не имеющие никаких основа-
ний такие даты заселения славянами Северо-Востока, как VI,
VII или VIII вв., то рассматривать можно лишь два столетия —
IX и X. Вокруг них, собственно, и идет спор. О том, что славяне
уже в IX в. расселяются в Залесской земле, говорил еще
А. А. Спицын, опираясь на предшествующую традицию, пись-
менные и археологические источники.[44] Эта точка зрения полу-
чила детальное обоснование и разработку и в дальнейшем.[45]

Сторонниками иного взгляда являются Е. И. Горюнова и
М. В. Фехнер. Они относят начало массового заселения славя-
нами Северо-Востока лишь к X в., а точнее, к его второй поло-
вине или даже концу этого столетия.[46]

Новейшие открытия, и прежде всего Тимеревского поселения
и двух кладов куфических монет IX в., а также передатировка
ряда погребальных комплексов и отдельных типов вещей пока-
зывают правоту точки зрения А. А. Спицына — П. Н. Третья-
кова. Полагаем, что славянское заселение Залесья началось в
IX в. и к концу его достигло уже массовых масштабов. X век —
это второй этап широкого освоения славянами уже не только
Ярославского Поволжья, но и других близлежащих территорий,
а именно Суздальского ополья, Белозерья и других.

Не менее важен, сложен и дискуссионен вопрос об основной

[41] Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне... С. 285—298;
2) У истоков древнерусской народности... С. 111—141.

[42] Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной
Руси: Автореф. канд. дис. Л., 1974. С. 1—17.

[43] Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы... С. 67—79.

[44] Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 167.

[45] Третьяков П. Н. 1) Древнейшее прошлое... С. 51; 2) Археологи-
ческие памятники древнерусских племен // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 85.
Вып. 13. С. 272, 276, 282; 3) К вопросу об этническом составе населения
Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // СА. 1957. 2. С. 64—68.

[46] Горюнова Е. И. Этническая история... С. 36—37; Фехнер М. В.
Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 15.

территории, откуда шло первоначальное славянское заселени рассматриваемой области. Здесь также существует две осно ные точки зрения. Традиционной позицией историков являетс такая, согласно которой славяне двигались в Волго-Окское меж дуречье с Северо-Запада из Новгородских земель. Ее подробн обосновал в своих работах И. А. Тихомиров уже с использова нием археологических данных.[47]

Вторая точка зрения была проработана А. А. Спицыным который изучал и публиковал материалы Смоленских и Влади мирских курганов. Он полагал, что основным очагом славян ского заселения Северо-Востока было Верхнее Поднепровье — земли смоленских кривичей.[48]

Были и другие — компромиссные точки зрения.[49]

В свете современных данных можно констатировать, что н раннем этапе — в IX в. волна заселения шла с Северо-Запад в состав которой входили словене ильменские, балты, северо-з падные финно-угры, скандинавы. А вот позднее — в X—XI ст. этот процесс включились и смоленские кривичи.

Эта концепция, безусловно, требует дальнейшей проработки но на сегодняшний день она соответствует имеющимся данны

В течение длительного времени из всех рассматриваемы проблем наибольший накал в дискуссиях вызывал так называе мый «варяжский вопрос». Сейчас эта проблема получила сво полное разрешение в целом, в том числе, для Северо-Востока Никто не может отрицать наличие скандинавских древносте IX—XI вв. в этом районе, вопрос только в их правильной нау ной, взвешенной трактовке. При этом необходимо строго собл дать хронологический принцип и рассматривать скандинавски материалы в комплексе с окружающими их славянскими, фи но-угорскими и прочими древностями.

На раннем этапе, в IX в. уроженцы скандинавского Север принимают участие в славянском освоении финно-угорского С веро-Востока. Незначительные группы скандинавов, сохрани шие некоторые свои этнические особенности — в пользу этог говорит устойчивый погребальный обряд, в составе поток славян проникают на Волгу.

В X ст. здесь широко разворачивается процесс формирова ния древнерусской народности, в котором основную роль игра славянский компонент, быстро ассимилирующий как местно

[47] Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV Областного историко-археологического съезда. Кострома, 191 С. 25.

[48] Спицын А. А. 1) Владимирские курганы... С. 167; 2) К истори заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды II Областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. С. 1—7.

[49] Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точк зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съез да. Владимир, 1909. С. 2—9.

финно-угорское мерянское население, так и пришлое, в частности, скандинавов. Однако в это время увеличивается количество вещей северного происхождения. Последнее обстоятельство связано с усилением роли Волжского пути в это время как трансъевропейской торговой артерии. Варяжские этнографические традиции к моменту становления раннефеодальной государственной структуры на Верхней Волге уже исчерпали себя, и выходцы с севера растворились среди словен и финно-угров. Небольшое количество скандинавов, попавших в Северо-Восточную Русь в IX — начале X в., не представляло собой какой-то отдельной социально или этнически независимой группы. В конце X — начале XI в. скандинавские элементы в Волго-Окском междуречье практически не прослеживаются, но единичные представители варягов могли входить в состав местной знати, как говорят об этом недавние находки в Суздале.

Большинство вещей скандинавского происхождения в это время поступали либо посредством торговли, либо с отдельными их владельцами, вошедшими в состав местных социальных групп. Имеющиеся данные не дают никаких свидетельств существования на Руси, и в частности на Северо-Востоке, в эпоху раннего средневековья особого, скандинавского по происхождению господствующего слоя.

«Варяжский вопрос» всегда так или иначе увязывался с главными водными путями Руси, в том числе и Волжским. Однако ни в коем случае нельзя сводить к этому вопросу анализ роли и значения в истории Древней Руси Великого Волжского пути — важнейшей внутренней и трансъевропейской артерии.

В течение длительного времени Волжская система была основной дорогой расселения финно-угорских племен с востока — Прикамья и других районов — на запад, вплоть до Балтики.

Однако совершенно особую роль пришлось сыграть Волжской системе в истории Древней Руси. Совершенно справедливо, когда А. А. Спицын включает ее в число пяти магистральных путей Киевской Руси.[50] В литературе уже прочно утвердилось мнение, что Волжский путь широко использовался как традиционная торговая артерия ранее, нежели Днепровский.[51] Безусловно, различные участки его в разное время играли и различную по активности роль. Мы не случайно используем понятие

[50] Спицын А. А. 1) Торговые пути Киевской Руси. СПб., 1911. С. 2, 16, 18; 2) Русская историческая география. Пг., 1917. С. 24—25.

[51] Корзухина Г. Ф. Русские клады. М; Л., 1954. С. 34; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 103—105; Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. 3. С. 127; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Вып. 8. С. 95—110.

«Волжская система», ибо отнюдь не только по Волге проходил этот трансъевропейский путь. Так, хорошо известно, что в IX—XI ст. отрезок Волги от Ярославля до места впадения в нее Оки не функционировал активно, и основное движение шло по Клязьме, Нерли, мелким речкам и Которосли.[52]

Согласно М. И. Артамонову, вплоть до второй половины IX в. по Дону и Волге «мало кто плавал» и данный путь приобретает важное практическое значение лишь с этого времени.[53] Возможно, что на раннем этапе в IX в. путь с арабского востока на Русь шел не по нижней Волге, а по Дону,[54] откуда он расходился на Оку и по Десне на Днепр. Далее эти две главные артерии сходились на Волхове в Ладоге, которая была воротами Волжского и Днепровского путей на Балтику.[55]

Безусловно, Волга была не только торговой артерией, а в IX—XII ст. она играла роль основной дороги славянского заселения и широкого освоения Северо-Востока. При этом река прочно связывала Древнюю Русь с Булгаром, Хазарией, а через них — со странами арабского халифата и в целом Востоком на юге; со Скандинавией и другими странами балтийского бассейна на севере. Необходимо также указывать, что в эпоху средневековья и более раннее время практически единственными путями сообщений здесь были водные, используемые почти в любое время года. Это определялось прежде всего обилием лесов и заболоченностью края. Водные системы были и торговыми и военными путями. Значение их не надо абсолютизировать, но преуменьшать также не следует. Вот только два примера, почерпнутые из летописи и связанные с Волгой.

Так, в 1024 г. во время неурожая и голода в Суздальской земле, благодаря прямой связи с Булгаром по Волге, удалось избежать повального мора. «Бе мятеж велик и голод по всей той стране, идоша по Волзе вси людье в болгары, и привезоша жито, и тако ожиша».[56]

Скованные льдом Волга и прочие реки стали удобными дорогами для татаро-монгольских орд в XIII в., когда за один месяц — февраль в Ростовской и Суздальской землях ими было взято четырнадцать городов и множество слобод и погостов, «и поплениша все по Волзе».[57]

В 1929 г. была опубликована сводная работа П. П. Смирнова, посвященная Волжскому пути.[58] С тех пор минуло почти шестьдесят лет. За эти годы неизмеримо возрос фонд источников, появились и качественно новые их категории и виды. Укоренились новая методология и методы исторических исследований. Явно назрела необходимость качественно нового обобщения имеющихся данных и точек зрения и создания монографического исследования о Волжском пути.

Особое значение имеет проблема возникновения и становления древнерусских раннефеодальных городских центров в целом и городов Залесской земли в частности. В последнее время этим вопросам уделяется большое внимание.[59] Итоги изучения древних городов Северо-Восточной Руси подведены нами в специальной работе.[60] Можно с уверенностью утверждать, что на данном этапе возможности их исследования практически исчерпаны и нужны новые широкомасштабные раскопки, иначе будут продолжаться бесплодные бесконечные дискуссии, как например это происходит с Ростовом Великим (Ярославским). Хорошо известно, что в науке представлены две точки зрения; согласно одной, летописный город Ростов — это Сарское городище, где есть материал IX в. и более ранний,[61] а другая группа исследователей утверждает, что древнерусский Ростов возник там же, где он находится и сейчас.[62] Однако вторая гипотеза пока достаточными данными не обеспечена. С другой стороны, на примере Углича мы видим, что новые раскопки могут дать совершенно неожиданные результаты. Долгое время в этом городе не было известно ранних слоев. И вот они найдены — есть достоверный материал X, а может быть даже IX в. Об этих работах мы упоминали выше. В Ростове успешно работает экспедиция под руководством А. Е. Леонтьева. По последним данным известно, что здесь обнаружен пока нерасчлененный слой X—XIII вв. и в числе находок — костяная подвеска X в.[63]

В итоге следует отметить, что для дальнейшего изучения городов Северо-Восточной Руси необходимы новые раскопки и новейшие материалы. В перспективности такого пути сомнений нет.

---

52 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976. С. 155. Табл. 52.

53 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 299.

54 Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 4. Рис. 1.

55 Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 44.

56 ПВЛ. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 99—100.

57 ПСРЛ. Т. I. М., 1962. С. 518.

58 Смирнов П. П. Волзький шлях і стародавнеі Руси. Київ, 1929.

59 Седов В. В. Начало городов на Руси // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 6—8. См. также: Тезисы докладов секции «Происхождение и эволюция средневекового города» // Там же. С. 51—76.

60 Дубов И. В. Города, величеством сияющие. Л., 1985.

61 Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 94; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 181; Третьяков П. Н. К истории племен... С. 93.

62 Горюнова Е. И. Этническая история... С. 109, 201; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961. С. 22; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 1; Леонтьев А. Е. 1) Сарское городище в истории... С. 22; 2) Ростов: Предпосылки образования древнерусского города // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 61—62.

63 Леонтьев А. Е. Волго-Окская экспедиция // АО 1983 года. М., 1985. С. 65—66.

Хорошо известно, что письменные и археологические источники существенно дополняют, а подчас и корректируют друг друга, и ведущую роль здесь играют последние. Поэтому важно попытаться соотнести огромный археологический материал с сообщениями русских летописей, записками арабских путешественников и другими источниками, ни в коем случае не подгоняя их друг под друга и не преувеличивая их значения. В своей работе о городах Северо-Востока мы шли именно по такому пути. Аналогичное исследование было проделано и по сообщениям летописи о восстаниях в Суздальской земле в XI в., когда археологические данные позволили многое прояснить в природе этих событий, раскрыть в целом историческую обстановку.[64]

Археологические данные, полученные в последние годы, их обобщение и анализ позволили подтвердить и обосновать гипотезу историков о том, что Арса арабских источников это и есть Ростовская земля эпохи раннего средневековья.[65] Однако имеющиеся материалы не позволяют проводить таких прямых сравнений и детализации, как это делается в некоторых работах.[66]

Путь комплексного изучения источников, их взаимопроверка, соотнесение друг с другом — это единственно правильный путь исторических исследований вообще и, конкретно, рассматриваемого региона в определенное время.

Возможности этой работы неисчерпаемы, перспективы и задачи ясны, необходима только лишь ее дальнейшая реализация.

64 Дубов И. В. Северо-Восточная Русь XI века и события 1024 и 1071 гг. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 28—38.

65 Дубов И. В. Северо-Восточная Русь и «Арса» арабских источников // Вестн. Ленингр. ун-та. 1981. № 8. С. 22—29.

66 Мачинский Д. А. 1) О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 24; 2) Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 17—18.

И. Я. ФРОЯНОВ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XI — НАЧАЛА XIII в.

Проблема города-государства на Руси все более приобретает «права гражданства». В этом нельзя не видеть отражения общего хода исторической мысли, направленного на исследование города-государства как феномена всемирной истории.[1] В советской историографии осуществлена попытка общей характеристики древнерусского города-государства.[2] Сделан шаг и в конкретном изучении процесса становления города-государства в Киевской, Смоленской, Полоцкой и Новгородской землях.[3] Настоящая статья продолжает начатые изыскания, и посвящена истории города-государства в Северо-Восточной Руси XI — начала XIII в.

Междуречье Волги и Оки — сложный в этническом плане регион, заселенный восточными славянами относительно поздно. «Славянизация местных финнов здесь продолжалась в XI—XIII вв., а в отдельных местах затянулась до XIV столетия», — отмечает В. В. Седов.[4] Первые же сообщения летописи рисуют нам картину зависимости этой территории от «Русской земли». Из Новгородской Первой летописи младшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей узнаем, что в Ростове Владимир посадил Ярослава, а после того, как Ярослав был переведен в Новгород, здесь стал княжить Борис.[5] Появление киевских князей на Северо-Востоке нельзя расценивать как начало политической самостоятельности этой земли.[6] Князья, подобно тому как это было в Новгороде и в других землях, выполняли роль посадников. Свидетельством того, что эта территория рассматривалась в качестве подвластной, может служить и ссылка в Ростов новгородского посадника Константина.[7] Вполне можно согласиться с мыслью В. А. Кучкина о «ближайшем отношении Ярослава к Ростовской земле».[8] Не случайно в 1024 г. он снова появился на далеком Северо-Востоке, на этот раз в Суздале. «Слышав же Ярослав волхвы, приде к Суздалю», — читаем в летописи.[9] Ярослав прибыл отнюдь не для под-

1 См., напр.: Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы и империи»: Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3—16; Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ / Под ред. В. Ф. Генинга. Киев, 1984. С. 169—217; Данилов В. П., Данилова Л. В. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1978; Становление классов и государства / Под ред. А. И. Першица. М., 1976; Гуляев В. И. Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе. М., 1979; Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1, 2. М., 1983; Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983; Кочакова Н. Б. 1) Города-государства йорубов. М., 1968; 2) Рождение африканской цивилизации: Ифе. Ойо. Бенин. Дагомея. М., 1986.

2 Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 216—243.

3 Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986. С. 198—311.

4 Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 192.

5 НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Т. I. Стб. 121; Т. II. Стб. 105.

6 Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 59.

7 ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 123.

8 Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 58.

9 ПВЛ. Ч. 1. С. 100.

держки старой чади, как думают многие историки,[10] а для того чтобы собрать дань и таким образом пополнить казну. Средств нужны были Ярославу для оплаты алчного варяжского воин ства, необходимого, в свою очередь, в назревавшей межкняже ской борьбе. Следовательно, здесь на Северо-Востоке жили да ники — покоренные и обложенные данью племена.[11] Вполне воз можно, что Ярослав упорядочил взимание дани. На это намек кает новгородский летописец, свидетельствуя, что Ярослав «устави» землю Суздальскую.[12]

Такого же рода даннические отношения представлены в летописном сообщении под 1071 г. Тогда на Северо-Восток оказался Ян, который по поручению киевского князя собира дань. Правда, М. Д. Приселков считал, что Ян побывал в «Бе лозерском крае», будучи еще малоизвестным боярином черни говского князя.[13] Однако ряд историков, начиная с С. М. Со ловьева, датируют эту поездку Яна временем княжения Свято слава в Киеве.[14] Для нашего исследования не столь важно, и Чернигова или из Киева распространялась дань на Северо-Во сток, главное — это была зависимость от центра, именуемог «Русской землей». Для сбора дани, видимо, ходил в между речье Волги и Оки Владимир Мономах.[15] В 60-е годы прав сбора дани с этих земель принадлежало скорее всего его отцу — Всеволоду Ярославичу.[16]

В период 1078—1093 гг. Ростовская земля своего князя н имела. По-видимому, она управлялась посадниками киевског князя.[17] Потом в Ростове сидел Мстислав. Можно согласиться с В. А. Кучкиным в том, что до 1107 г. на столе в Ростове си дел Вячеслав.[18] Но никак нельзя поддержать его тезис о том что «верховными собственниками северо-восточных земель был южнорусские князья».[19] Проявление этой «верховной собстве ности» В. А. Кучкин видит в том, что северо-восточные земл

[10] Эта точка зрения была высказана еще в 30-е гг. — См.: Мавро дин В. В. К вопросу о восстаниях смердов // Проблемы истории докапи талистических обществ. 1934. № 6. Кн. 1. С. 77.

[11] Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской зем ле 1024 г. // Духовная культура славянских народов / Под ред. М. П. Алек сеева, В. Н. Баскакова, О. В. Творогова. Л., 1983. С. 32.

[12] Там же. С. 32. См. также: Кучкин В. А. Формирование государст венной территории... С. 59—60.

[13] Приселков М. Д. История русского летописания XI—XIV вв. Л. 1940. С. 18—19.

[14] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959 Кн. 1. Т. 1/2. С. 693—694; Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 210.

[15] ПВЛ. Ч. 1. С. 158.

[16] Четко разграничить «владельческие права Святослава и Всеволода» трудно (См.: Пресняков А. Е. Княжое право... С. 41—42).

[17] Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 66.

[18] Там же. С. 71.

[19] Там же.

должны были оказывать военную помощь «Русской земле».[20] Она выражалась также в праве южнорусских князей на получение дани с Ростовской области и суда над ней. Все это позволило В. А. Кучкину признать прекарный характер княжения в Ростовской земле сыновей Владимира Святославича, Всеволода Ярославича и Владимира Всеволодовича.[21] Военная помощь ни в коей мере с верховной собственностью не связана. Не имеет отношения к феодализму и дань, даническая зависимость.[22]

Ранние свидетельства о северо-восточных землях рисуют не только зависимость их от «Русской земли», но и то значение, которое имели в них города.[23] Археологические данные говорят о том, что в конце X — начале XI в. города Северо-Восточной Руси переживают сложный процесс перестройки, который известен историкам под названием «перенос города».[24] Процесс этот был обусловлен перестройкой общества на новых территориальных началах. На смену городским общинам, базирующимся еще на родовых отношениях, пришли территориальные городские общины. Рождение нового города соединялось с формированием областей вокруг них. Во всяком случае, в сообщениях о «восстаниях» в Суздале и Ярославле встречаемся как с городами, так и с определенными территориями, тяготеющими к ним. Выступления 1024 и 1071 гг. — это прежде всего события, связанные с городом, городской жизнью. «Въсташа волсви в Суждали»; Ярослав «приде Суздалю, изъимав волхвы»; «встаста два волъхва от Ярославля».[25] В этих событиях ярко проявили себя лидеры городских общин, будь то «старая чадь»[26] или волхвы.[27] Летописное сообщение 1024 г. содержит одну любопытную деталь: «Суждаль» в нем назван «страной».[28] Конеч-

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Першиц А. И. Даннничество // Докл. советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973. С. 3—4; Фроянов И. Я. Данники на Руси X—XII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965. М., 1970. С. 33—41.

[23] Не рассматриваем упоминания Ростова под 862 и 907 гг., так как А. А. Шахматов доказал их позднее происхождение (Шахматов А. А. Повесть временных лет (ПВЛ). Т. 1. Вводная часть // ЛЗАК. Пг., 1917. Вып. 29. С. 20, 31).

[24] О «переносе» городов в Северо-Восточной Руси наиболее подробно писал И. В. Дубов. — См.: Дубов И. В. 1) К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1983. С. 70—82; 2) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 64—66; 3) Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 25—32.

[25] ПВЛ. Ч. 1. С. 99, 100, 117.

[26] Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения... С. 30.

[27] Кривошеев Ю. В. О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г.: По материалам «Повести временных лет» // Генезис и развитие феодализма в России. С. 40—42.

[28] ПВЛ. Ч. 1. С. 99.

но, термин слишком неопределенен и «литературен», чтобы д
лать какие-либо конкретные выводы, но вполне вероятно, чт
к этому времени вокруг Суздаля сложилась определенная тер
ритория, зависевшая от него. К такому выводу располагает
то, что древнейшие города в данном регионе, такие как Ростов
имели кончанскую структуру.[29] Кончанско-сотенная система сви
детельствует о тесной связи города с сельской местностью.[30]

Городская община явственно вырисовывается из летописны
известий 1071 г., когда волхвы вместе с отрядом в 300 челове
пришли к Белоозеру. О волхвах прибывшему в город для сбор
дани Яну Вышатичу рассказали «Белозерци». К ним же обра
тился Ян после того, как волхвы скрылись от него в лесу: «Ян
же, вшед в град к Белозерцем, рече им: „Аще не имате волхв
сею, не иду от вас и за лето" Белозерци же шедше яша я
приведоша я к Яневи».[31] Сама летописная терминология гово
рит о том, что оформилась городская община Белоозера. Но чт
еще важнее — сложилось представление о «Ростовьстеи обла
сти».[32] А. Н. Насонов попытался установить территорию «Ро
стовской области» и пришел к выводу, что она «тянулась о
устья Нерли Клязьменской к устью Которосли, впадающей
Волгу, охватывала Поволжье от устья Которосли до устья Мед
ведицы, тянулась по Шексне до Белоозера».[33] Впрочем, станов
ление областной территории еще не закончилось. «Фиксирован
ных границ Ростовская земля в то время, по-видимому, н
имела».[34] Важно отметить, что Ростовская волость возникала н
полиэтничной основе.

В междуречье Волги и Оки формировались те же социаль
ные силы, что и в других землях. Так позволяет думать лето
писный рассказ о борьбе Олега Святославича с Мономашичам
в 1096 г. Тогда находившийся в Муроме Изяслав Владимирови
послал «по вое Суздалю, и Ростову, и по Белозерци, и собра
вои многы», т. е. призвал на помощь городские ополчения.[3
Между тем Олег подошел к Мурому и стал понуждать Изя
слава уйти в Ростов. Но Изяслав не послушался, «надеяся на
множество вой».[36] Поведение Изяслава свидетельствует о том
что князья в борьбе друг с другом черпали силу в народном
войске, а не в дружине. Совершенно ясно, что это войско не яв
лялось хаотической толпой, а представляло организованное во
инство, способное решать серьезные ратные задачи. Однако

[29] Дубов И. В. Города, величеством сияющие. С. 58.
[30] Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 241.
[31] ПВЛ. Ч. 1. С. 117.
[32] Там же.
[33] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 178—180.
[34] Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 70.
[35] ПВЛ. Ч. 1. С. 168.
[36] Там же.

военное счастье на этот раз отвернулось от Изяслава и его воинов. Они были разбиты «воями» Олега — народным ополчением, сформированным в Смоленске.[37]

Войдя в Муром, Олег «изъима ростовци, и белоозерци, и суздалце и покова, и устремися на Суждаль».[38] Здесь все красноречиво. Враг Олега — Изяслав не только повержен, но и убит в сражении. Казалось бы, Олег мог торжествовать победу, но он продолжает борьбу: заключает в оковы ростовцев, белозерцев, суздальцев, а затем идет походом на Суздаль. Олег, следовательно, основного противника видит не только (а может быть и не столько) в князе. Города, приславшие воинов биться с ним, — вот кто внушал ему наибольшие опасения. Но обескровленные городские общины не могли оказать должного сопротивления и поэтому, когда Олег оказался у стен Суздаля, горожане «дашася ему».[39] Далее летописец приводит любопытные детали: «Олег же омирив город, овы изъима, а другыя расточи, и именья их отъя».[40] Как видим, Олег приводит к миру именно город, т. е. суверенную гражданскую общину. Вместе с тем он продолжает репрессии. Все это сделано для того, чтобы обезопасить себя со стороны суздальцев. Утвердив свое положение в Суздале, князь отправляется к Ростову. Жители города «вдашася ему». Здесь, как и в предшествующем эпизоде, видим две политические силы: князя и городскую общину. Утверждение Олега в Суздале и Ростове дало основание летописцу сказать, что князь «перея всю землю Ростовьску».[41] Отсюда ясно, что в конце XI в. существовало понятие «Ростовская земля». Эта земля включала не только Ростов, но и Суздаль, а также другие города, что явствует, как нам представляется, из летописного известия, согласно которому Олег «посажа посадникы по городом». Среди городов Ростовской земли выделяются Ростов и Суздаль. Главным из них являлся, конечно, Ростов. Но, вероятно, к исходу XI в. обозначились противоречия между Ростовом и Суздалем, стремление последнего возобладать над Ростовом. Показательна в этой связи фраза, брошенная Мстиславом Олегу: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжеи волости не седи».[42] Заслуживает внимания здесь то, что Суздаль назван волостью, под которой надо понимать территориальное целое, куда входит и Ростов. Ведь Олег находится в Ростове, а ему предлагают уйти из Суздаля — факт, говорящий о том, что под Суздалем здесь разумеется не город, а земля. Взаимозаменяемость «Ростовской земли» и «Суздаля», видимо,

[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же.
[42] Там же. С. 169.

надо понимать как отражение соперничества двух крупнейш городов Северо-Восточной Руси.

Летописный рассказ, повествующий о межкняжеской борь на далеком Северо-Востоке, содержит ряд указаний, которы позволяют приблизиться к пониманию местной общественно жизни. Перед нами самостоятельные городские общины, обла дающие мобильной военной организацией, общины, консолид ровавшие вокруг себя большую территорию, именуемую земле волостью. Земля состоит из главного города и пригородо Между главным городом и одним из наиболее крупных приг родов завязывается борьба за преобладание. Все это свиде тельствует о сравнительно высоком уровне социально-полити ческой жизни местного общества и позволяет усомниться в д вольно распространенных в литературе представлениях о е отсталости.

В 1107 г. мы снова встречаемся с общиной Суздаля в усло виях военного конфликта: «приидоша Болгаре ратью на Суж даль и обьступиша град и много зла створиша, воююща сел и погосты и убивающе многых от крестьян. Сущии же людие граде не могуще противу их стати, не сущю князю у них». Обычная для Древней Руси ситуация: община испытывает труд ности из-за отсутствия князя, который занимался в древнеру ском обществе руководством военными делами.[44] Но, как ока залось, летописец преувеличил беззащитность горожан в отсут ствие князя, отдав дань своим прокняжеским настроениям. Суз дальцы «из града ишедше, всех избиша».[45] В городе, следова тельно, была сильная военная организация, которая могла и отсутствие князя дать достойный отпор врагу.

Еще более красноречивы в этом смысле события, связанны с битвой «на Ждани горе». Лаврентьевская летопись так пове ствует об этих событиях: «Тое же зимы бишася Новгородц с Ростовци на Ждани горе и победиша Ростовци Новгородце побиша множество их воротишася Ростовци с победою вели кою».[46] В таком же ключе рассказывается о битве и в Ипатьев ской летописи, где вместо ростовцев названы суздальцы.[47] Не сколько иная трактовка этих событий содержится в Московско летописном своде конца XV в. «А тое же зимы иде Всеволо

[43] ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 73. Это известие Типографской летопи си в терминах более позднего времени рисует картину, вполне реальную дл начала XII в. Мы видим город, окруженный селами и погостами, их жите лей, которых летопись называет «крестьянами». Термин «крестьяне», как мы знаем, отсутствовал в древнерусской лексике. В целом данное летописно известие заслуживает доверия (см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 119—123; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 71).

[44] Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 36.

[45] ПСРЛ. Т. XXIV. С. 73.

[46] Там же. Т. I. Стб. 303.

[47] Там же. Т. II. Стб. 300.

Мъстиславич на Суздаль и на Ростов с Новоградци и Псковичи и Ладожаны и с всею областию Новоградскою. И сретоша их Суждальци и Ростовци на Ждане горе, и бысть им брань крепка зело, и одолеша Ростовци и избиша множество много Новоградец... а Суждальци и Ростовци възвратишася с победою великою».[48] Запись Московского летописного свода конца XV в. достаточно красноречива: если применительно к «Новоградской волости» упомянут князь, как военный лидер, то «Ростовци и Суждальци» выступают сами, без князя. Это свидетельствует об огромной силе и самостоятельности ростовской военной организации, той ростовской тысячи, о которой писал А. Н. Насонов.[49] Тем не менее бескняжье не было типичным для древнерусского волостного быта. Созревшей Ростовской «области» нужен был свой князь. Таким князем становится сын Владимира Мономаха Юрий Владимирович. «И бысть послан от Володимера Мономаха в Суждальскую землю Георгии, дасть же ему на руце и сына своего Георгия», — так повествует о появлении на далеком Северо-Востоке Киево-Печерский патерик.[50] Трудно сказать, что имеется здесь в виду под «Суздальской землей»: то ли синоним земли Ростовской, как это мы только что наблюдали, то ли Суздаль и прилегающие к нему территории. В последнем случае князь появляется не в Ростове, как этого следовало бы ожидать, а в Суздале (ростовском пригороде). В. А. Кучкин полагает, что Юрий вокняжился в Суздале и на этом основании строит далеко идущие выводы: «Происходит явная смена центров области. Несомненно, что решающую роль в этом процессе сыграли „окняжение" Суздаля, аккумуляция здесь феодальной знати, способствовавшие росту города как средоточию феодального господства над территорией всей земли».[51] На наш взгляд, автор слишком увлекся. И смена центров области, и «окняжение» Суздаля, и аккумуляция в нем феодальной знати, и господство ее над территорией земли — все это постулируется, а не доказывается. Ближе к истине был А. Н. Насонов, который не сомневался, что Ростов оставался главою области и приводил тому убедительные доказательства.[52] Однако упоминание летописцем Суздальской земли при сохраняющемся еще господстве Ростова достаточно симптоматично. Оно показывает, что господство это заметно пошатнулось, а значение Суздаля возросло.[53] И причины здесь не те, которые указаны В. А. Кучки-

[48] Там же. Т. XXV. С. 32.

[49] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 177. Центр этой военной организации находился в Ростове. Не случайно Георгий Шиманович, который жил в Суздале, считался ростовским тысяцким (Там же. С. 176).

[50] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 62.

[51] Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 73.

[52] Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 181.

[53] А. Е. Пресняков был несколько категоричен, когда писал, что Суздаль «со времен Юрия... стал рядом с Ростовом... Трудно сомневаться, что тот процесс, какой мы наблюдаем позднее при Андрее Боголюбском,

ным, а консолидация местного общества на базе территориал
ных отношений, пришедших на смену родовым связям. Несмотр
на заметные успехи в сплочении суздальской общины, до расп
да волостного единства Ростовской земли было еще далек
Единство это цементировалось, как и в других периферийны
землях, зависимостью от Киева. И Владимир Мономах, сажа
в Ростовской волости своего малолетнего сына, видимо, хоте
сохранить эту зависимость. Но логика исторического развит
была иной, и со смертью Мономаха зависимость Ростовско
земли от Южной Руси прекращается.[54]

Более того, Ростовская волость становится для Юрия опл
том для борьбы за Киев. Не сумев утвердиться в Переяслав
с тем, чтобы использовать его как ступень в достижении жела
ного киевского стола, Юрий в 40-е годы XII в. меняет тактик
вмешиваясь в столкновения южнорусских князей. Характерн
что в помощь Святославу он посылает «Белозерцев».[55] Значи
в борьбе за Киев Юрий опирается на местные силы в лице в
лостного ополчения. Одновременно начинается война и с севе
ным соседом — новгородским городом-государством. В 1147
«иде Гюрги воевать Новгорочкои волости и пришед взя Новы
Торг и Мьсту всю взя».[56] По верному наблюдению Д. А. Корс
кова, «враждебные отношения (между новгородцами и росто
цами. — *Авт.*)... с течением времени переходят во вражду зе
ли с землей».[57]

Между тем борьба за Киев продолжалась. Надо четко ос
знавать, что это была борьба земель, городов-государств, а н
лично князей, хотя ссоры князей, их интересы и планы оказы
вали большое воздействие на ее ход. Обращает на себя вним
ние то, что основной противник Юрия — Изяслав Мстиславич
широко опирается на силы Киевской, Новгородской и Смоле
ской волостей. В стратегических планах Изяслава новгородц
и смольняне должны были «удерживать» Юрия.[58] В 1147 г. Из
слав пригласил для борьбы с Ростовом тех же смольнян и но
городцев. Несколько сложнее было с киянами. У них была сто
кая неприязнь к Ольговичам, но на Владимирово племя они н
хотели «роукы въздаяти».[59] Пришлось сзывать добровольце
Походу тогда, однако, помешала измена Ольговичей.[60] Горазд

как „возвышение Владимира", был уже перенесен Ростовской землей к
„возвышение Суздаля"» (Пресняков А. Е. Образование Великорусско
государства. Очерки по истории XII—XIV столетий. Пг., 1918. С. 458). Пр
вильно уловив направление процесса, А. Е. Пресняков переоценил его з
вершенность.

54 Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 7
55 ПСРЛ. Т. II. Стб. 338.
56 Там же. Стб. 339.
57 Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 187
С. 101.
58 ПСРЛ. Т. II. Стб. 347, 359.
59 Там же. Стб. 344.
60 Там же. Стб. 345.

более успешным был другой поход, в 1148 г. Тогда Изяслав сколотил против Ростовской земли солидную коалицию в составе «Рускых полков» и смоленских. К ним присоединились и новгородцы, которых Изяслав поднял «лаской» и щедрыми посулами.[61] В кампании 1148 г. ясно видна направленность военных действий. Это прежде всего стремление подорвать силу волости. Союзники жгут города и села, «воюют землю»,[62] а население разбегается.[63] Но проходит время, и уже войска Юрия устремляются на «Русскую землю». Тяжкие невзгоды нависают прежде всего над Киевской землей и неслучайны слезы и мольбы епископа Ефимия, который просил Изяслава помириться с Юрием и тем избавить землю «от великия беды».[64] Но у Юрия были серьезные намерения: мщение «земли своеи» должно состояться.[65] Военное счастье на этот раз оказалось не на стороне населения «Русской земли»: с поля битвы бежали и поршане, и кияне, и переяславцы, а победа осталась за «воями» северо-восточных волостей.[66] Распри на этом не закончились. Ситуация менялась очень быстро. Положение Юрия было непрочным, потому что симпатии киян были на стороне Изяслава. И вот уже Юрий изгнан из Киева. Лишь при поддержке могучих полков Галицкой земли он вновь появляется на киевском столе.[67] Вскоре обстоятельства вновь изменились и даже Владимирко Галицкий не смог помочь своему северо-восточному союзнику: Юрий бежал из Киева.[68] Но и утвердившись в Киеве и зная любовь киян к себе, Изяслав прекрасно осознает силу Ростово-Суздальской земли: он просит помощи венгерского короля, «зане же Гюргии есть силен».[69] Это понимал и престарелый Вячеслав, когда, увещевая Юрия, говорил ему: «онамо у тобе Ростов Великы и прочии гради».[70] Пробыв какое-то время в Городце Остерском, Юрий ушел в Суздаль. А затем этот форпост Ростово-Суздальской земли, расположенный недалеко от Киева, был разорен и сожжен войсками Изяслава, чего, конечно, Юрий стерпеть не мог: «въздохнув от сердца», он «нача скупати воя», т. е. собирать земское ополчение.[71] Изяславу вновь пришлось прибегнуть к помощи новгородцев и смольнян.[72] Это был не последний поход Юрия с Ростово-Суздальской землей на Киев и «Рус-

61 Там же. Стб. 369—370.
62 Там же. Стб. 371.
63 Там же. Т. XXV. Стб. 45.
64 Там же. Т. II. Стб. 380.
65 Там же. Стб. 376.
66 Там же. Стб. 376, 382.
67 Там же. Т. I. Стб. 328. Как отметил А. Е. Пресняков, Юрий «не умел ладить с киевским обществом» (Пресняков А. Е. Княжое право... С. 101).
68 ПСРЛ. Т. II. Стб. 415—416.
69 Там же. Стб. 421.
70 Там же. Т. XXV. С. 51.
71 Там же. Т. II. Стб. 446, 455.
72 Там же. Стб. 459.

ской землю». В 1154 г. «поиде Дюрги с Ростовци, и с Суждальци, и с всими детьми в Русь». Только невиданный мор «в коних» помешал успешному завершению этого похода.[73]

После смерти Изяслава Юрий, наконец, утвердился в Киеве. Без поддержки Ростово-Суздальской земли вряд ли бы ему это удалось. Об этом свидетельствует одна существенная деталь летописного текста. Когда Юрий умер после попойки у «осменика Петрила», киевляне стали избивать «суждальци по городом и поселом».[74] В этих суздальцах можно видеть представителей Ростово-Суздальской земли, которые были живым воплощением власти северо-восточного князя в городах и селах «Русской земли». Приведенное летописное свидетельство представляет интерес и в другом отношении — оно вскрывает мотивы, побуждавшие суздальцев помогать Юрию в его стремлении овладеть Киевом. Пребывание Долгорукого на Киевском княжеском столе открывало возможность для суздальцев получить всякого рода кормления в городах и селах Киевской земли и таким образом обогатиться. В этом кроется одна из коренных причин поддержки Юрия общинами Ростово-Суздальской земли в его борьбе за киевское княжение.

Наш обзор показывает, насколько напряженной была борьба между Ростово-Суздальской землей и другими городами-государствами в 40—50-е годы XII ст. В ходе этой борьбы крепли силы городских общин Северо-Восточной Руси. Да и сам характер борьбы о многом здесь говорит. Она, как мы знаем, стала наступательной — верный признак возросшей активности местного общества.

Рассказывая о борьбе между городами-государствами, летописец рисует нам структуру Ростово-Суздальского города-государства. Так же как и в других землях, это главные города с зависящими от них пригородами. На главном городе лежала обязанность оборонять пригороды. «Того же лета придоша Болгаре по Волзе к Ярославлю без вести и уступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, и изнемогли людие в граде гладом и жажею». Из города никто не мог выбраться, чтобы дать весть «Ростовцем». Лишь один проворный юноша сумел выполнить роль гонца. «Ростовци же пришедше и победиша Болгары».[75] Из летописи, данные которой можно подтвердить в наши дни результатами археологических раскопок, мы узнаём об основных пригородах в Ростово-Суздальской земле. Это Ярославль, Углече поле, Москва и др.[76] Названные города в данный период

[73] Там же. Стб. 468.
[74] Там же. Стб. 489.
[75] Эта запись дошла под 1152 г. в Типографской летописи, но А. Н. Насонов считал, что это дошедшая через Ростовский владычный свод древнейшая ростовская запись (Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Вып. 1. Пг., 1924. С. 13).
[76] Дубов И. В. Города, величеством сияющие. С. 61—134; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 80—86.

уже, видимо, сами стягивали значительные волости. Не случайно в 1149 г. новгородцы и «Русь» пустились воевать к Ярославлю.[77] О кристаллизации местных волостных центров мы узнаем и по другим данным. Уже в 1148 г. старший сын Юрия Ростислав бежит к Изяславу Мстиславичу, потому что отец не дал ему волости в Суздальской земле.[78] Под 1151 г. летописец сообщает: Андрей «...иде от отца своего Суждалю, а отцю же встягавшю его много, Андреи же рече: „На том есмы целовали крьст, ако поити ны Суждалю". И иде в свою волость Володимерю».[79] Упоминание летописцем Владимира в качестве волости князя Андрея заслуживает того, чтобы сказать в этой связи несколько слов особо. Как видим, во Владимире возникло княжение — факт, подтверждающий достаточно высокую степень организации владимирской общины. Подобное явление мы наблюдаем и в других землях. В Северо-Восточной Руси наряду с Ростовом — главным городом земли и влиятельным его пригородом Суздалем набирает силу пригород Владимир, начинающий борьбу за самостоятельность. Вокруг Владимира формируется своя волостная территория. Так в рамках Ростовской волости возникает несколько центров, вступающих во взаимную борьбу. Перед нами — наметившееся дробление единого ранее города-государства на ряд более мелких городов-государств. Однако процесс этот только обозначился. До распада волости было еще далеко. Ростово-Суздальская земля представляла пока единый и цельный социально-политический организм. Вот почему складывание границ здесь шло не по названным городам-волостям, а по рубежам все той же Ростово-Суздальской земли. Фиксация границ, наблюдаемая по данным середины века, указывает, с одной стороны, на значительное продвижение консолидации местных социальных сил, а с другой — соседних земель, городов-государств. Довольно сомнительное объяснение этому дает В. А. Кучкин. Он пишет: «Ранее, когда Ростовская земля зависела от Южной Руси, установление твердых границ не имело смысла. Мономах, например, держал Новгород, Смоленск и Ростов своими сыновьями, поэтому четкое размежевание принадлежавших этим центрам земель не было необходимостью для верховной власти».[80] У автора получается так, будто строителями государственных границ являлись князья, которые кроили Русь, исходя из собственных интересов. Мы не можем принять этот взгляд, ибо, по нашему убеждению, возникновение границ есть отражение внутренних социально-экономических и социально-политических сдвигов, происходящих в той или иной волости.

Установление волостных границ надо рассматривать как проявление возросшей суверенности древнерусских волостей вооб-

[77] ПСРЛ. Т. II. Стб. 371.
[78] Там же. Стб. 366.
[79] Там же. Т. I. Стб. 335.
[80] Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 76.

ще и Ростово-Суздальского города-государства в частност
И, конечно же, в основе всех этих перемен лежало усилени
местных общин. В изучаемом регионе с особой наглядность
это проявилось в событиях, последовавших за смертью Юри
Долгорукого. Лаврентьевская летопись сообщает о том, чт
«Ростовци и Суждальци здумавше вси, пояша Андрея сына е
старейшего и посадиша и в Ростове на отне столе и Суждал
занеже бе любим всеми».[81] Ипатьевская летопись добавляе
еще «Володимирцев» и «Володимир».[82] Здесь мы присутству
при решительной ломке прежних отношений населения Севе
Восточной Руси с князьями. Если Юрий Долгорукий был н
правлен в Ростовскую землю из Киева и в известном смысл
был навязан, то теперь ростовцы, суздальцы и владимирцы и
бирают князя Андрея, продемонстрировав тем самым свою бол
шую социально-политическую активность. Таким образом, люд
Ростовской земли сами распоряжаются княжеским столом б
какого-либо вмещательства со стороны Киева. С этого момен
мы можем говорить о полной независимости Ростовской волос
от Киева. В самой же Ростовской волости, как замечаем, скл
дывается своеобразная ситуация равновесия между тремя кру
нейшими городами: Ростовом, Суздалем и Владимиром. В это
особенность социально-политического развития Ростовской зе
ли сравнительно с другими землями Руси.

В. И. Сергеевич считал, что вокняжение Андрея явилось р
зультатом народного вечевого решения.[83] Полемизируя с ни
С. В. Юшков говорил о том, что «на отни столе» Андрея пос
дили якобы правящие верхи.[84] По мнению Л. В. Черепнин
«Андрей Боголюбский был ставленником суздальского боя
ства, действовавшего в союзе с городским патрициатом. Н
о каком участии веча в посажении Андрея данных нет. Дейс
вовал, по-видимому, городской совет».[85] С точкой зрен
С. В. Юшкова и Л. В. Черепнина мы не можем согласиться. Н
вызывает сомнений, что летописная фраза «сдумавше вси» св
детельствует о вечевом собрании.[86] Изучение же вечевой де
тельности в Ростово-Суздальской земле ведет к выводу о ве
как народном собрании.[87] Поэтому под ростовцами, суздальцам
и владимирцами надо понимать нерасчлененную в социально
отношении массу горожан, включавшую и знатных и прост

[81] ПСРЛ. Т. I. Стб. 348.
[82] Там же. Т. II. Стб. 490.
[83] Сергеевич В. И. Русские юридические древности: В 3 т. Т.
СПб., 1900. С. 22—23.
[84] Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М
Л., 1939. С. 207—208.
[85] Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусско
государства X — начала XIII в. // ИЗ. 1972. Т. 89. С. 390.
[86] Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политическо
истории. С. 159.
[87] Там же. С. 177—180.

людей. Представляется, что рассуждения о каких-то боярах, якобы посадивших Андрея на княжеский стол, не имеют достаточных подтверждений. Думается, что нет оснований говорить и о городском совете. В летописи нет никаких данных, которые могли бы подтвердить существование такого совета. Следовательно, массы городского и, возможно, сельского населения Ростово-Суздальской земли собрались на вече и избрали князем Андрея Юрьевича. Из более поздней летописной записи узнаем, что вечевое решение 1175 г. было нарушением крестного целования, которое в свое время дали ростовцы, суздальцы и владимирцы Юрию: тогда народ давал обещание признать князьями младших сыновей Долгорукого.[88] Теперь он передумал и избрал на княжеский стол старшего Юрьевича. Все это — примечательные факты. Из них, во-первых, заключаем, что уже и в правление Юрия князь должен был входить в соглашение с вечевыми общинами главных городов Ростово-Суздальской земли. Во-вторых, они показывают самостоятельность этих общин, способных поставить угодного себе князя. В данной ситуации князья выступают скорее пассивной стороной, чем активной. Вече — последняя инстанция, где решаются судьбы княжения. Если же попытаться понять причину, почему выбор пал на Андрея, а не на младших его сородичей, то надо сказать, что Андрей к данному моменту был самым популярным из Юрьевичей. Он снискал себе уважение и любовь необыкновенной храбростью, полным неприятием Киева и привязанностью к Ростовской волости. Как известно, своим местопребыванием Андрей избрал город Владимир, в результате чего «мезинный» город стал княжеской резиденцией. Это был большой успех городской общины Владимира на пути к самостоятельности по отношению к старшим городам Ростову и Суздалю. Уход Андрея во Владимир был обусловлен не столько желанием князя, сколько конкретными обстоятельствами развития волостной жизни в Ростовской земле.[89]

Городские общины Северо-Восточной Руси решают судьбы не только князей, но и церковных иерархов. В 1159 г. «выгнаша Ростовци и Суждалци Леона епископа, зане умножил бяше церковь грабяи попы».[90] Изгнание не пошло Леону на пользу. Вернувшись из него, Леон повел себя вновь неправильно, на этот раз в своей проповеднической деятельности. Богословский диспут между Леоном и владыкой Феодором происходил «пред

[88] ПСРЛ. Т. II. Стб. 491.
[89] Многие историки видели в поступке Андрея проявление его необузданного самовластья. Критикуя эту точку зрения, А. Н. Насонов писал: «Общепринятый взгляд видит в этом шаге акт самовластной политики, который открывает собой новую эру в политической истории древней Руси». В действительности же, полагал А. Н. Насонов, самовластная политика Андрея — «примыслы и домыслы летописной историографии». (Насонов А. Н. Князь и город... С. 8—9).
[90] ПСРЛ. Т. I. Стб. 349.

благоверным князем Андреем и предо всеми людми».[91] Отсюд делаем вывод: людье, т. е. массы городского и сельского люда контролировали деятельность церкви.

О суверенитете общин главных городов в изучаемых земля свидетельствует и «Суждальскыи сол Илья», которого встре чаем в летописи под 1164 г. Подчеркнем еще раз: перед нам не княжеский посол, а суздальский. Следовательно, в рассмат риваемое время Ростово-Суздальский город-государство, поль зуясь государственным суверенитетом, направлял своих посло в Византию. Вероятно, мы можем говорить о том, что в сере дине XII в. становление города-государства в Ростово-Суздаль ской земле состоялось.

Завершение становления города-государства сказалось и н других аспектах политической деятельности ростово-суздальско земщины. Не случайно «преемник Юрия Андрей отказался о широких южнорусских планов своего отца».[92] Теперь внимани земли обращено на расширение даней, на укрепление грани города-государства. С этой целью в 1166 г. сын Андрея Бого любского Мстислав ходил «за Волок»,[93] а спустя три года здес произошло столкновение между новгородцами и суздальцам причем новгородцы победили суздальцев и взяли дань не тольк на своих, но и на «суждальских смьрдех».[94] Это сообщение ле тописи интересно тем, что показывает, как происходило вовле чение в город-государство новых земель путем наложения дан на новые племена и территории. И здесь стремление ростово суздальской земщины упиралось в противодействие Новгород который сам был заинтересован в распространении сферы св его господства.

Борьба между городами-государствами достигает сильно накала. В 1169 г. ростово-суздальское войско в союзе с муром скими и рязанскими войсками пришли в новгородскую землю «много зла створиша, села все взяша и пожгоша и люди по с лом исекоша». Новгородцам пришлось затвориться в город Это была настоящая «пагуба» Новгороду и его волости.[95]

Отражением политики освоения новой территории были и п ходы на болгар, которые начинаются именно при Андрее Юрье виче. Большой поход был предпринят в 1164 г. Главную роль походе сыграли «пешце», т. е. пешее ополчение города-государ ства.[96] Постепенно формируется ростовско-болгарское погра ничье.

91 Там же. Стб. 352.

92 Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 9

93 ПСРЛ. Т. I. Стб. 353. «Главная энергия Андрея направлена на Нов город», — писал А. Е. Пресняков (Пресняков А. Е. Образование велико русского государства. С. 37).

94 НПЛ. С. 33.

95 ПСРЛ. Т. II. Стб. 361—362.

96 ПСРЛ. Т. I. Стб. 352—353. Другой поход был в 1172 г. (Там же Стб. 364).

Все это, конечно, не значит, что Ростово-Суздальская земля отказалась от борьбы за Киев. В 1159 г. осажденный во «Въсчижи» Святослав Владимирович весьма обрадовался, когда услышал «идуща Изяслава Андреевича с силою Ростовьскою».[97] Но это была политика уже другого рода. Как подметил А. Е. Пресняков, это был переход к политике, сходной с галицкой, политике ослабления Киевщины.[98] Апофеозом ее стал поход ростовцев, суздальцев, владимирцев с князем Мстиславом и другими князьями на Киев. Киев был взят, «чего не было никогдаже», и разграблен северо-восточным воинством.[99] Ростово-Суздальская земля усиливается настолько, что в 1172 г. Андрей посылает в Киев княжить Романа Ростиславича и «прияша его с честью Кыяне».[100] «С честью» принимают и новгородцы «детя» Андрея — Юрия.[101]

Так развивался город-государство в Северо-Восточной Руси в период княжения Андрея Юрьевича, прозванного «Боголюбским». В связи с его смертью, неожиданной и трагичной для современного наблюдателя, летописец помещает в своей хронике рассказ, внимательный анализ которого позволяет нам приблизиться к пониманию внутренней социально-политической жизни Ростовской земли. Особый интерес в этой связи представляет рассказ летописца о событиях, последовавших за убийством князя Андрея: «Горожане же Боголюбьци розграбиша дом княжь и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволоки, имение емуже не бе числа и много зла створися вь волости его: посадников и тивунов домы пограбиша, а самех и деские его и мечникы избиша, а домы их пограбиша, не ведуще глаголемаго: „идеже закон, ту и обид много". Грабители же и ись сел приходяче грабяху. Тако и Володимери, оли же поча ходити Микулиця со святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити».[102] Как явствует из летописного рассказа, смерть князя послужила сигналом к грабежам. С подобными грабежами мы уже не раз встречались в других землях Древней Руси и видели, что это не акты простого разбоя, а своеобразный способ перераспределения богатств на коллективных началах.[103] Что касается грабежей в Боголюбове и во Владимире, то они продолжались несколько дней и носили легальный характер. К ним оказалось причастно и население окрестных сел. Помимо княжеского имущества разграблению подверглось также имущество его чинов-

97 Там же. Стб. 350.

98 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 238.

99 ПСРЛ. Т. II. Стб. 354.

100 Там же. Стб. 364—365.

101 Там же. Стб. 364.

102 ПСРЛ. Т. II. Стб. 592.

103 Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 144—146.

ников: посадников, тивунов, детских и мечников. Летописец и
толковывает убийство княжеских людей обидами, творимым
власть предержащими. Конечно, тут налицо элементы социал
ного протеста. Вместе с тем грабеж имущества людей из кн
жеского окружения нельзя понять, не учитывая древних тради
ций, о которых мы только что говорили. Хотелось бы такж
обратить внимание на одну чрезвычайно яркую деталь: пре
ставители княжеской власти беспомощны перед лицом народа
который расправляется с ними с необычайной легкостью. О че
это говорит? Прежде всего о том, что княжеский аппарат власт
был еще довольно слаб. Сила же была на стороне народа.

Заслуживает внимания участие в грабежах сельского люда
Тем самым летописец дает понять, что между городскими
сельскими жителями не было особого различия, что горожане
селяне составляли единое целое.

Со смертью Андрея Боголюбского снова встал вопрос о кня
жении и опять решают его не князья, а города, между кото
рыми развернулась ожесточенная борьба. С. М. Соловьев ра
сматривал эту борьбу как проявление вражды старых вечевы
городов с новыми княжескими городами.[104] В. О. Ключевски
придал ей социальный ракурс: «Все общество Суздальской зем
ли разделилось в борьбе горизонтально, а не вертикально: н
одной стороне стали обе местные аристократии, старшая дру
жина и верхний слой неслужилого населения старших городо
на другой — их низшее население вместе с пригородами. Ар
стократия новых городов примкнула к старшим городам».
В новейшей историографии существо вопроса сводится к пои
кам боярства[106] или корпораций феодалов.[107] О чем говорится
летописи? Как только стало известно о смерти князя, «Росто
ци, и Суждальци, и Переяславци и вся дружина от мала и д
велика и съехашася к Володимерю».[108] Здесь собравшиеся усл
вились звать на княжение Мстислава и Ярополка Ростислав
чей. Как понять это сообщение? Указывает ли оно на созы
веча? Летопись не содержит упоминаний о вече. Но по некот
рым косвенным данным полагаем, что под Владимиром в 1175
состоялось именно вечевое собрание, а не совещание бояр ил
делегатов от высших сословий, как считают А. Н. Насонов
В. Т. Пашуто, С. В. Юшков.[109] Сам предмет обсуждения — з

[104] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн.
Т. 1/2. С. 550.

[105] Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 1. С. 336.

[106] См., напр.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восст
ния на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 234; Рыбаков Б. А. Киевская Рус
и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 556.

[107] Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л
1967. С. 84—85.

[108] ПСРЛ. Т. I. Стб. 371—372; Т. II. Стб. 595.

[109] Насонов А. Н. Владимиро-суздальское княжество // Очерки исто
рии СССР: Период феодализма IX—XV вв. / Под ред. Б. Д. Грекова. М

мещение княжеского стола — склоняет к мысли о вече. Вопрос о том, кто будет новым князем, затрагивал всю волость, почему ко Владимиру и съехались представители наиболее крупных городов Северо-Восточной Руси: Ростова, Суздаля, Переяславля. Мы ошибемся, если примем их за бояр и верхи посада. Участники владимирской встречи были социально разнородны. Они принадлежали к различным слоям свободного населения, о чем говорит летописец, когда замечает, что во Владимир приехали «Ростовци, и Суждальцы, и Переяславци, и вся дружина от мала до велика». Фразу «от мала до велика» нельзя воспринимать натурально, в смысле возрастном. Ее необходимо понимать в ключе общественном, т. е. как свидетельство о смешанном социальном составе объединившегося во Владимире люда, среди которого были и простые и знатные мужи. А коль это так, можно предположить, что владимирский съезд 1175 г. являлся вечевым собранием общеволостного масштаба. Перед нами редчайшее показание летописи о созыве веча, где сошлись представители всей земли-волости.

Необходимо заметить, что вече состоялось не в Ростове или Суздале, а во Владимире. Роль Владимира, следовательно, еще более возросла, а положение его за годы княжения Андрея Боголюбского еще более упрочилось. Конечно, нельзя считать Владимир центром, а тем более главным городом земли. Но таковыми, вероятно, нет оснований полагать и Ростов и Суздаль. Перед нами тройственный союз городов Северо-Восточной Руси, реально занимающих примерно равное положение в этом союзе, несмотря на прорывающийся апломб Ростова и Суздаля, вспоминающих о былом своем приоритете. Все это дает нам возможность рассматривать город-государство этой области Руси как федерацию трех городов-волостей. Наш вывод, разумеется, условен, ибо жизнь была полна коллизий и противоречий. Вопрос о княжении стал яблоком раздора между Ростовом и Суздалем, с одной стороны, и Владимиром — с другой. В ходе этого раздора вновь пробудились притязания Ростова и Суздаля на главенство в земле, что еще более накалило обстановку. События разворачивались следующим образом. Вместе с Ростиславичами на северо-восток двинулись двое Юрьевичей: Михалко и Всеволод, причем впереди ехали Михалко и Ярополк Ростиславич.[110] Но дальше Москвы князья не проехали. Возмущенные непослушанием князей, «Ростовци негодоваша» и приказали Ярополку: «ты поеди семо, а Михалку рекоша: пожди мало на Москве». Ярополк тайно от Михалки пошел к Переяславлю, где

1953. Ч. 1. С. 329; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П., Черепнин Л. В., Щапов Я. Н. и др. Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. М., 1965. С. 44; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 208.

[110] ПСРЛ. Т. I. Стб. 364.

и договорился с «дружиной Ростовской» и переяславцами.[1] Обиженный Михалко нашел пристанище во Владимире. Поло жение Михалки и владимирцев было сложным. Город факти чески некому было защищать, ибо владимирское ополчение, п словам летописца, отправилось «по повеленью Ростовец против князема с полтором тысяче».[112] Последнее летописное извести любопытно в двух отношениях: во-первых, мы узнаем о сил городского ополчения Владимира, исчислявшегося, как видим не одной тысячей. Конечно же, это — народное ополчение. Во вторых, мы видим еще не изжитыми полностью попытки Росто ва повелевать Владимиром. Впрочем, здесь не исключено и то что владимирский сводчик, которому принадлежит данны текст,[113] желая возложить вину на ростовцев за антикняжески действия, выставил владимирцев в роли послушных овечек И тут же вошел в противоречие с самим собой, рассказывая как владимирцы, приняв Михалку, боролись со «всею силою Ростовская земля». Только голод заставил владимирцев поко риться. Михалко ушел в «Русскую землю», причем «влади мирцы проводиша его с плачем», а владимирцам пришлось «утвердиться» с Ростиславичами крестным целованием.

Оправдывая поведение владимирцев, владимирский летопи сец говорил, что не против Ростиславичей «бьяхуться Володи мерци, но не хотяче покоритися Ростовьцем, и Суждальцем, и Муромьцем, зане молъвяхут: пожьжем Володимерь, аль пан иного посадника в нем посадим, то наши холопе каменьци».[114] В устах ростовцев, суздальцев и муромцев то была пустая по хвальба, рассчитанная больше на то, чтобы задеть самолюби владимирцев, оскорбить их и унизить. Но в этих «высокоумных» (заносчивых) словах вырисовывается отношение старшего го рода с пригородами, как его себе представляли люди XII в Старший город распоряжался пригородом, мог направить к него посадника.

Проследим, однако, за последующим ходом событий. Чувст вуя, видимо, себя неустойчиво и, к тому же, следуя советам

111 Там же. Стб. 371; Т. II. Стб. 595.

112 ПСРЛ. Т. I. Стб. 373; Т. II. Стб. 597.

113 Приселков М. Д. История русского летописания... С. 72—73.

114 ПСРЛ. Т. I. Стб. 374. В Никоновской летописи старшие города называют владимирцев «наши смерды» (ПСРЛ. Т. X. М., 1965. С. 2). В унисон с ней, но может быть менее хлестко, говорит владимирский летописец: «новыи люди мезинии» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 378). Зачарованные яркой летописной терминологией, историки писали и о зависимом от князя, призванном им населении Владимира — смердах или обельных холопах (Тихомиров М. Н. Древнерусске города. М., 1956. С. 50), и о пленниках Владимира Мономаха — первых «насельниках» Владимира (Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ: На материалах древней Руси. Минск, 1970. С. 49). В свое время еще А. Н. Насонов отметил, что «новые» люди владимирские, судя по смыслу летописного сообщения, являются новыми в их самостоятельном бытии (Насонов А. Н. Князь и город... С. 14—15).

прибывших с ними бояр, Ростиславичи повели себя далеко не лучшим образом. Они стали раздавать посадничество своим ставленникам — выходцам из «Русской земли», а те «многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами».[115] Жадность Ростиславичей, вдохновляемых своими боярами, не знала предела: они покусились даже на религиозную святыню города Владимира — церковь св. Богородицы. Данные еще Андреем Боголюбским ей в кормление города, а также дани они отняли и даже «взяста» церковное золото и серебро. В общем, Ростиславичи вели себя так, будто «не свою волость творита».[116] Как подметил В. И. Сергеевич, внимательно изучавший события, во Владимире произошло, по меньшей мере, три вечевых собрания.[117] На первом вечевом собрании владимирцы решили обратиться к ростовцам и суздальцам с жалобой на Ростиславичей. Но должной реакции не последовало: ростовцы и суздальцы «словом суще по них, а делом далече суще». На втором был выслушан ответ старших городов и принято решение обратиться за помощью к Переяславлю. И наконец на третьем вечевом сходе было решено призвать Михалку и Всеволода.[118] Хотелось бы подчеркнуть важное значение веча в жизни Владимира. Все вопросы текущей политической жизни обсуждаются на вечевых собраниях, на которые сходится свободное население Владимира без различия рангов и званий. Владимирское вече — верховный орган власти с явной демократической постановкой. Городская община помимо князей сносится с общинами других городов, что свидетельствует о самостоятельности общинных союзов. Среди этих городов упоминается и Переяславль — это знак, указывающий на возрастающее его политическое значение в Северо-Восточной Руси. Вместе с Ростовом, Суздалем и Владимиром выступает теперь на равных правах и Переяславль.

Вернемся, однако, во Владимир. По приглашению владимирцев Михалка и Всеволод выехали из Чернигова. Дальше события разворачиваются как в авантюрном романе. Здесь было и блуждание в лесах, и погони, и эффектные сражения. События

115 ПСРЛ. Т. I. Стб. 374.

116 Там же. Стб. 375.

117 Это показывает, насколько неправ был С. М. Соловьев, когда писал об отсутствии вечевых традиций в «новых» городах, которые он связывал с княжеской властью (Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 16—18).

118 Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. С. 25. «Где находился в это время князь Ярополк и как относился он к народным собраниям владимирцев, которые, конечно, не могли оставаться для него тайной — об этом летописец не сообщает ни слова», — писал В. И. Сергеевич (Там же). Ярополк, конечно, знал о вечевых собраниях и сделал самое разумное в тех условиях: просто сбежал из города. Летописец, прославляя владимирцев, отмечает, что они «не убояшеся князя два имуще в волости еи, а боляр их прешение ни во что не вмениша, семь бо недель без князя будуще в граде» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 86).

эти интересны для нас еще и тем, что они впервые намекают на вечевую деятельность москвичей. Именно у Москвы встретили владимирцы приглашенных князей. Москвичи присоединились к решению владимирцев и даже отправились вместе с ними в поход. Но когда узнали о том, что Ярополк идет к Москве другим путем, испугались за судьбу своего города и вернулись назад. Вполне возможно, что прямо в походе по поводу известия о наступлении Ярополка «московляне» собрали вече. Ведь как свидетельствует пример смоленского города-государства, городские ополчения могли устраивать вечевые сходы прямо в походе.[119] Обращает на себя внимание и факт поддержки «московлянами» Владимира. Москва, видимо, входила постепенно в орбиту влияния нового города-государства, который рождался в недрах Ростовской волости. Что касается изменений, которые происходили в городах-государствах Северо-Восточной Руси, то здесь интересна сама терминология летописца. Описав торжественную встречу «всем людьем» желанного князя, владимирский летописец замечает: «и бысть радость велика в Володимери граде, видяще у собе великого князя вся Ростовскыя земли».[120] Вот так, в результате напряженной борьбы городских общин происходит изменение значения центров. Сначала мы наблюдали главенство Ростова и Суздаля над Владимиром. Потом устанавливается равновесие центров. Теперь же мы присутствуем при моменте, когда реальная сила оказывается на стороне Владимира. О росте значения Владимира как нового центра Северо-Восточной Руси свидетельствует и посольство к Михалке суздальцев. Суздальцы снимали с себя вину, заявляя, что не они были на «полку» с Мстиславом, а их бояре.[121] Михалко поехал в Суздаль, а затем и в Ростов и «створи людем весь наряд, утвердився крестным целованием с ними и честьвозма у них и дары многы и Ростовец, и посади брата своего Всеволода в Переяславли, а сам възвратися Володимерю».[122] Как видим, суздальцы откупились от Михалки хитростью, ростовцы — богатыми дарами. Но самое главное состоит в том, что князь из Владимира «створил весь наряд» суздальцам и ростовцам. Здесь преобладание Владимира над старшими в прошлом городами налицо. Характерно и то, что Михалко сажает брата в Переяславле. Значит, Владимир выступает уже первенствующим центром по сравнению с Переяславлем. Не то с Ростовом. Как показали дальнейшие события, он отнюдь не покорился Владимиру, а лишь откупился дарами. Однако и для Ростова возвращение к прежнему его статусу в земле было уже невозможно. На смену прежней властной, наступательной поли-

119 ПСРЛ. Т. II. Стб. 647.
120 Там же. Т. I. Стб. 377.
121 Там же. Стб. 378—379.
122 Там же. Стб. 379.

тике по отношению к Владимиру приходит политика оборонительная, берется курс на хитрости и компромиссы.

Случилось так, что болезненный Михалко умер. И владимирцы посадили «на отни и на дедни столе в Володимери» его брата Всеволода. А «Ростовци и боляре приведоша Мстислава Ростиславича из Новагорода». Причем жители Ростова так спешили, что, как об этом с нескрываемой антипатией сообщает летописец, «на живого князя Михалка повели бяхуть его».[123] Военное столкновение было неизбежно. Мстислав собрал ростовцев и пошел на Владимир. Всеволод же поехал против «с Володимерци и с дружиною своею и что бяше бояр осталося у него».[124] Правда, Всеволод не хотел доводить дело до войны. Он заявил Мстиславу: «тя привели старейшая дружина, а поеди Ростову, а оттоле мир возмеве, тобе Ростовци привели и боляре, а мене был с братом Бог привел и Володимерцы, а Суздаль буди нам обче, да кого всхотять то им буди князь».[125] Мстислав же слушал «речи Ростовьское и болярьское» и не соглашался на мир. Битва закончилась победой Владимира. «Ростовци и боляр все повязаша». Причем владимирцев поддержали и переяславцы, с которыми Всеволод и владимирское ополчение встретилось у другого пригорода — Юрьева.[126] Мстислав бежал, но на этом его злоключения не кончились. Его не приняли и новгородцы. Тогда он решил мстить и орудием мщения избрал рязанского князя Глеба. По его наущению Глеб пришел к Москве и «пожьже Москву всю, город и села».[127] Это сообщение интересно тем, что рисует формирующуюся Московскую волость. Понятие «Москва», как видим, — это уже не просто город, но и прилегающая ближайшая округа. Достоен внимания тот факт, что Москва оказалась сожженной в отместку владимирскому князю Всеволоду. О чем это говорит? Только о связи Москвы с Владимиром, о подчиненности первой второму как пригорода главному городу.

Поражение ростовцев имело для них неприятные последствия. Они вынуждены были повиноваться князю Всеволоду и, стало быть, владимирской общине. Вот почему мы видим их в организованном Всеволодом походе на Рязань: «Иде князь Все-

123 Там же. Стб. 380.
124 Там же.
125 Там же. Стб. 380—381.
126 Там же. Стб. 381. Исследователь Ростово-Суздальского летописания Ю. А. Лимонов совершенно правильно отвергает точку зрения на эти события как на борьбу горожан против ростовских феодалов, но сам допускает ошибку, считая, что здесь боролись различные группировки феодалов (Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 84). Ю. А. Лимонов пишет о том, что ростовские бояре — старшая дружина, владимирцы — младшая. Но ведь старейшая дружина — «ростовцы и боляре». Этих «ростовцев» Ю. А. Лимонов почему-то не замечает.
127 ПСРЛ. Т. XXV. С. 88.

волод на Глеба к Рязаню с Ростовци и с Суждальци».[128] Между тем Глеб пришел к Владимиру другим путем и стал «воевать около Владимира».[129] «И много зла створи всеи власти Володимерьскои», — сообщает Московский летописный свод конца XV в.[130] Стало быть, владимирская волость имела вполне оформленные границы. Глеб вскоре был разбит и даже пленен войсками Всеволода. Ближайшие события показали, что даже такой популярный князь, каким был Всеволод, не всегда мог управлять настроениями городской общины. На третий день после битвы на Колокше «бысть мятеж велик в граде Володимери, всташа бояре и купци».[131] Бояре и купцы требовали выдачи пленных суздальцев и ростовцев. По-видимому, в «мятеже» участвовали не только бояре и купцы,[132] так как князь «всадил» пленных в поруб, «людии деля».[133] Во всяком случае, «по мале же дни всташа опять людье вси и бояре, и придоша на княжь двор многое множьство с оружием».[134] Вооруженное «людье», которое прямо с веча пришло на княжеский двор, выдвигает свои требования. «Благоверному и богобоязненному» Всеволоду пришлось лишь печалиться об участи пленных, ибо он «не могшю удержати людии множьства их ради».[135] Когда

[128] ПСРЛ. Т. I. Стб. 383. А. Н. Насонов считал, что текст летописи (1175—1177 гг.) — часть владимирского свода, составленного при Всеволоде после 1185 г. Позднейшая редакция этого свода — в Переяславской, Радзивилловской и Академической летописях. Эта редакция под 1175 г. добавила к ростовцам суздальцев. Но и в своде 1185 г. «суждальцы» после слова ростовцы — добавление к первоначальному тексту. (Насонов А. Н. Князь и город... С. 21). Значит, «Суздаль, как город, играл в борьбе пассивную роль... главным противником Владимира являлся старый Ростов, где жила идея единства волости» (Там же. С. 21). О следах переработки в тексте Лаврентьевской летописи, о добавлении Суздаля писал и А. Е. Пресняков (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 31).

[129] ПСРЛ. Т. I. Стб. 383.

[130] Там же. Т. XXV. С. 88.

[131] Там же. Т. I. Стб. 385.

[132] В историографии наблюдалась тенденция преувеличивать роль купцов в общественной жизни. В. О. Ключевский ставил во главе общества наряду со служилой аристократией также торговую (Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 1. С. 327, 328). А. Н. Насонов отводил купечеству — «наиболее деятельному самостоятельному „классу" северо-восточного края» уже первенствующую роль (Насонов А. Н. Князь и город... С. 14—15, 22, 27). Однако в новейшей историографии установлено, что купеческие организации «носили характер торговых предприятий, не имевших политического значения, т. е. не участвовали непосредственно в управлении городом-землей» (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // ИЗ. 103. М., 1979. С. 245—246). Прав был Н. Н. Воронин, который отмечал, что «„мятеж велик" был не столько боярско-купеческим, сколько массовым восстанием горожан-людья» (Воронин Н. Н. К характеристике владимирского летописания 1156—1177 гг. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 30—31.

[133] ПСРЛ. Т. I. Стб. 385.

[134] Там же.

[135] Там же. Стб. 385—386. «Могущественный и страшный для соседей, у себя дома Всеволод был послушным выполнителем воли владимирцев», — так образно и в то же время точно охарактеризовал А. Н. Насонов позицию князя в Ростово-Суздальской земле (Насонов А. Н. Князь и город... С. 17). Трудно поэтому согласиться с М. Ф. Владимирским-Будановым в том, что в «земле Суздальской берет перевес княжеская власть с конца XII в., именно в эпоху Всеволода III» (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права... С. 42).

внутренние неурядицы были, наконец, утрясены во Владимирской волости, началась полоса внешнеполитической активности. Нападению подверглась новгородская земля. Войска Всеволода взяли Торжок,[136] нанеся чувствительный удар по Новгородской волости. Можно было вмешаться и в дела соседнего Рязанского города-государства.[137] Борьба с соседними землями идет постоянно, и в этой борьбе растет мощь Владимирского города-государства. В 1181 г. на Владимирскую волость приходили новгородцы в союзе с черниговцами. Правда, они удовольствовались тем, что пожгли пригород Дмитров.[138] «Волгу, люди Всеволожe» начал воевать и утвердившийся в Торжке Ярополк, за что жестоко и поплатился.[139] Военные возможности Владимирского города-государства проявились и в походе на болгар в 1184 г., когда особенно отличился белозерский полк.[140] На ком держалась сила Владимирского города-государства узнаем из летописи под 1185 г. Тогда владимирский князь захотел поставить епископом в земле «смиренного» Луку, а митрополит этого не хотел, так как поставил «по мзде» Николу Гречина. И летописец роняет знаменательную фразу о том, кто может занимать почетный епископский пост: «Бог позовет и святая Богородица, князь въсхочет и людье».[141] Именно «людье», как видим, решает не только вопросы войны и мира, но и то, кому быть епископом в земле.

Еще более усиливаясь, Владимирская волость активизирует свою внешнюю политику. Постоянно вмешивается в дела своего южного соседа — Рязани.[142] Владимирские князья посылают правителей в Новгород.[143] Более того, Всеволод, опираясь на могущество северо-восточных земель, сажает уже князей и в Киеве: «и посла великыи князь Всеволод муже свое в Кыев и посади в Кыеве Рюрика Ростиславича».[144] Южный летописец, правда, не пишет об участии Всеволода в посажении Рюрика,[145] но зато ясно показывает роль северо-восточных земель в другом сообщении. Незадолго до смерти киевский князь Святослав, которого и сменил Рюрик, собрался идти на рязанских князей: «послашася ко Всеволоду в Суждаль, просячися у него на Ря-

[136] ПСРЛ. Т. I. Стб. 386.

[137] Там же. Стб. 387.

[138] Там же. Стб. 388.

[139] Там же.

[140] Там же. Стб. 389.

[141] Там же. Стб. 391.

[142] Там же. Стб. 400—406.

[143] Там же. Стб. 406.

[144] Там же. Стб. 412.

[145] Там же. Т. II. Стб. 681.

зань».[146] Когда же Всеволод не дал «добро», Святослав счел за лучшее отказаться от своего плана.[147] Тяжелую руку Всеволода вскоре ощутил на себе и Рюрик, когда Всеволод потребовал у него волости в «Русской земле». Причем претендовал он как раз на те города, которые Рюрик уже дал в кормление Роману. Киевский князь оказался в тяжелейшем положении: ведь он имел дело не просто с князьями. За спиной одного из них стояла могущественная Владимирская волость. И опираясь на эту силу, Всеволод продолжает вмешиваться в дела «Русской земли». Так, однажды он «поча вои копити на Ольговичи».[148] В конце концов Всеволод и Роман посадили в Киеве Ингваря Ярославича.[149] И в дальнейшем галицкий и владимирский князья продолжают распоряжаться киевским столом. Летописец, устремляя свое внимание на эти колоритные фигуры князей Рюрикова племени, тем не менее не забывает упоминать и о той силе, на которую они опирались. А сила эта — горожане, простое людье, жители волости. В летописи описываются проводы Константина, сына Всеволода, на княжение в Новгород: «и поклонишася ему брятья его, и вси людье, и все мужи отца его».[150] Княгиню Всеволода провожают в монастырь не только «игумени и черници вси», но «и горожане вси».[151] Когда она умерла, то над ней плачется «множество народа».[152] И это отнюдь не риторика летописца. Простой люд, массы городского и сельского населения принимали активнейшее участие в общественной жизни волости, они, собственно, и составляли основу той социально-политической структуры, которая в Северо-Восточной Руси, подобно другим древнерусским землям, обрела форму города-государства. Когда Константин приехал из Новгорода, его встретили братья и «горожане вси от мала и до велика».[153] В 1211 г., незадолго до смерти, Всеволод, увидев не послушание Константина, «созва всех бояр своих с городов и с волостеи, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди и целоваша вси людие на Юрьи».[154] Л. В. Че

146 Там же. Стб. 679.
147 Там же.
148 Там же. Т. I. Стб. 418.
149 Там же. Стб. 422.
150 Там же.
151 Там же. Стб. 424; Летописец Переяславля Суздальского (далее — ЛПС). М., 1850. С. 107.
152 ПСРЛ. Т. I. С. 425.
153 Там же. Стб. 428.
154 Там же. Т. XXV. С. 108. А. Н. Насонов на основе анализа летописных текстов высказал предположение о том, что Константин с самого начала хотел княжить во Владимире. Старейшинство в это время уже неразрывно связывалось со Владимиром. Он требовал Владимира к Ростову, считаясь с снлой старого вечевого города. Всеволод ответил на это не менее дипломатически мудрым шагом: он созывает представителей от всех городов, рассчитывая главным образом на представителей младших городов Переяславля и Владимира. Это была дипломатическая победа владимирцев

репнин видел в этом собрании «какой-то прообраз представительного органа, отдаленно напоминающего будущий земский собор».[155] При этом он считал, что «эта форма сословного представительства при князе противопоставлялась князем вечевому строю».[156] Для такого утверждения нет оснований. Сообщение о собрании 1211 г. ни в коей мере не выпадает из тех сообщений летописи, в которых говорится о вече. Отсюда понятно, почему «людям», т. е. массе волощан, в этом совещании, созванном Всеволодом, отводится важная роль.

После смерти Всеволода покойного князя оплакивали «вси боляре, и мужи, и вся земля власти его». Здесь, нам кажется, в «мужах» следует видеть членов главной городской общины, а в «земле» — жителей Владимирской волости. Городские и сельские жители тут едины.

Наряду с этим термин «земля» обозначал и политико-территориальное образование. Сперва существовала Ростовская земля. В середине XII в., как мы видели, наметился процесс ее распада. Борьба между старыми городами и новым городом Владимиром в 70-е годы — лишь этап в этом процессе. Постепенно на передний план выдвигается Владимир. Но понятие «Ростовская земля» оказалось очень живучим. Думается, что столь долгое сохранение этого термина отражало реальную замедленность процесса распада на самостоятельные волости на Северо-Востоке, процесса, который шел и в других землях. В 60-е годы, когда речь идет о Владимире, он включается в понятие «Ростовская земля».[157] Это же наблюдаем и в 80-е годы: «постави сего Луку епископом Ростову и Володимерю и Суждалю и всеи земли Ростовьскои».[158] Но вот уже под 1190 г. встречаем следующие строки: «пастуха всеи земли Ростовьскои, и Суждальскои, и Володимерьскои».[159] Значит, здесь имеются в виду самостоятельные земли. Тем не менее, термин «Ростовская земля», как, впрочем, и «Суздальская» доживает вплоть до 1262 г., когда люди Ростовской земли «выгнаша из городов из Ростова, из Володимеря, ис Суждаля, из Ярославля» татар.[160] Все это говорит о замедленности процесса распада на самостоятельные города-государства, с одной стороны, и о некотором отставании терминологии от действительной жизни —

и переяславцев над ростовцами (Насонов А. Н. Князь и город... С. 24—25).
155 Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 55—56.
156 Там же. С. 56.
157 ПСРЛ. Т. I. Стб. 355.
158 Там же. Стб. 391. Южный летописец обычно называет это государственное образование по имени другого центра — Суздаля «Суздальской землей», а князя, который давно сидит во Владимире, именует суздальским князем (ПСРЛ. Т. II. Стб. 620, 630, 659, 667, 624).
159 ПСРЛ. Т. I. Стб. 408.
160 Там же. Стб. 476.

с другой. Последнее обстоятельство мы должны учитывать, но не придавать ему решающего значения, поскольку именно в этом регионе исследователь наблюдает растянутость во времени сохранения относительно единой ранее волости. И тем не менее, в начале XIII в. оно проявляется достаточно ярко. Катализатором его служит появление независимых друг от друга князей в стольных городах. Вспомним, что именно с князьями была связана борьба городских общин в 70-е годы. Попытки получить своих князей были и в дальнейшем. Однако вплоть до начала XIII в. это не было системой. Все три земли вполне удовлетворяло присутствие одного князя, а князь, сидя во Владимире, отправлялся в Ростов в полюдье.[161] В начале XIII в. ситуация меняется: во всех важнейших центрах утверждаются свои самостоятельные княжеские столы. Это было подготовлено предшествующим достаточно длительным развитием. При поверхностном же чтении летописи перемена может произвести впечатление внезапной, вызванной смертью Всеволода. На самом же деле Всеволод, когда «рядил» своих сыновей в предчувствии собственной кончины, действовал с учетом новой ситуации, которая складывалась в его волости. Ситуация же эта характеризовалась стремлением городских общин к полной автономии. В Ростове сел Константин, во Владимире — Юрий, а в Переяславле — Ярослав. Константин намеревался присоединить к Ростову Владимир, но встретил решительное сопротивление. К Ростову на Константина пришли с воинами Юрий и Ярослав. «И умиришася с Константином и разидошася кождо в свояси».[162] Последняя летописная фраза с особой выразительностью свидетельствует о том, что ранее относительно единая земля распалась на ряд волостей. По нашему мнению, А. Е. Пресняков не придает данному факту должного значения, когда пишет, что «назначение особых княжений отдельным сыновьям (Всеволода. — *Авт.*) не противоречило, по-прежнему, представлению о единстве земли, во главе которой стоит старейшина во всей братьи».[163] Не исключено, что представления князей той поры изменялись медленно. Но несомненно другое: эти представления разошлись с действительностью. Да и само понятие «старейшинство» замутилось в ожесточенной борьбе Всеволодовичей, разгоревшейся после смерти родителя.

В разложении Владимиро-Суздальской земли на несколько волостей В. А. Кучкин видит феодальное дробление,[164] ничем, впрочем, не обосновывая свое представление. По нашему глубокому убеждению, в основе появления новых волостей лежала консолидация местных городских общин, конституирующихся в города-государства. Город-государство Ростов имел ряд пригородов.[165] Зависевшими от Владимира были Боголюбов, Москва, Городец, Радилов и др.

Мы ошибемся, если решим, что Константин, Юрий и Ярослав оказались на княжеских столах в Ростове, Владимире и Переяславле по воле одного лишь Всеволода. В их посажении земство принимало самое деятельное участие. Вокняжение Юрия во Владимире сопровождалось крестоцелованием, в котором принимали участие и князь и «вси люди» Владимирской волости.[166] Перед нами приход к власти не феодального властителя, отгороженного от народной массы, а князя избранного и утвержденного ею. Еще более красноречив рассказ о вокняжении Ярослава в Переяславле. Сюда Ярослава направил Всеволод, но, приехав в Переяславль, князь «съзвав вси переяславци к святому Спасу, и рече им: „братия переяславци, се отец мой иде к Богови, а вас отдал мне, а мене вдал вам на руце. Да рците мне, братия, аще хощете мя имети собе, якоже иместе отца моего, и головы свои за мя сложити?" Они же вси тогда рекоша: „Велми, господине, тако буди, ты наш господин, ты Всеволод". И целоваша к нему вси крест. И тако седе Ярослав в Переяславли на столе, иже родися».[167] Как видим, Ярослав утверждается на столе в Переяславле по решению городской общины, собиравшейся на вече. Весьма многозначительно обращение Ярослава к горожанам: «Братия переяславци!». Термины «брат», «братья» широко ходили в княжеском кругу, подчеркивая равенство сторон и уважение. Обращенный к переяславцам термин «братия» указывает на отсутствие в сознании князя какого-либо превосходства над городской общиной. Тут нет ни грана феодальной психологии.

Решение переяславского веча было обязательным для жителей пригородов. Показательно в этом отношении поведение населения пригорода Переяславля — Дмитрова: «слышавше же дмитровци, оже идет на них Владимир и пожгоша сами все прегадие и затворишася. Владимир же приехав, не доспе им ничто же, зане дмитровци крепко бияхутся з города».[168]

В итоге можно сделать вывод: князья утверждались на столе в том или ином центре не только с согласия, но и по желанию главных городских общин.

Приняв князей к себе на княжение, население волости служило им надежной опорой. Подтверждением тому служат неурядицы второго десятилетия XIII в. В 1212 г. Константин стал замышлять рать на своего брата Юрия, а уже в следующем году ростовские рати жгли пригород Владимира — Кострому.[169] Когда Мстислав Мстиславич с новгородцами пошел на Яросла-

161 Там же. Стб. 408.
162 Там же. Стб. 437.
163 Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 46.
164 Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 101.
165 ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.
166 Там же. Т. XXV. С. 108.
167 ЛПС. С. 110.
168 Там же. С. 112.
169 ПСРЛ. Т. I. Стб. 493.

ва и Юрия, князь Константин примкнул к Мстиславу и увле за собой ростовское ополчение.[170] У Юрия же Всеволодович была «вся сила Суздальской земли», т. е. общеволостное на родное ополчение.[171] «Ростовци» князя Константина, с которым он выступил на стороне новгородской рати, также предста ляли собой народное ополчение, составленное из воев разли ных городов ростовского города-государства.[172]

Во всех этих военных столкновениях видна не столько бор ба князей друг с другом, сколько взаимная вражда волосте которая была типичным явлением древнерусской действитель ности.

Без волостного ополчения князь был бессилен и несостояте лен перед лицом своих противников. Характерно, что в описы ваемых нами событиях о княжеской дружине летописец почт не вспоминает, концентрируя свое внимание лишь на волостны ополчениях. Ясно, что в военных делах того времени дружин играла скромную роль. Вот один из ярких эпизодов, подтверж дающих нашу мысль. Разбитый противниками князь Юрий, по теряв и честь свою и славу, прискакал во Владимир. В город собралось вече, на котором Юрий возгласил: «Братие Володи мерци, затворимся в граде, негли отбьемся их». И те молвили «Княже Юрье, с ким ся затворим? Братья наша избита, а ини изимани, а прок наш прибегли без оружия, то с ким станем? Юрий сник совершенно и униженно взмолился: «„То яз все в даю, а не выдаите мя ни брату князю Константину, ни Вол димеру, ни Мстиславу, да бых вышел по своеи воли из града Они же тако обещашас ему».[173] Данный диалог веча и Юр проливает свет на статус князя в волости. Князь, даже на лову разбитый противником, есть сила и авторитет, если ним стоит масса волощан. Но если от него народ отказало он становится беззащитным и беспомощным.

Перед нами яркие свидетельства демократического склад общественной жизни городов-государств Северо-Восточной Р си. Со всей определенностью необходимо сказать, что социал ное развитие здесь шло в общерусском русле. Нет никаки оснований полагать, что на Северо-Востоке возникли новые п рядки, нетипичные для остальной Руси.

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые пола гают, что в Северо-Восточной Руси уже в XIII ст. намети лись объединительные тенденции, что проявлением этих тенде ций была политика владимирских князей Андрея Боголюбско и Всеволода Большое Гнездо, что «процесс усиления княжеско власти, а следовательно, объединения страны был прерван

170 Там же. Т. I. Стб. 493.
171 Там же. Стб. 494.
172 Там же. Стб. 497.
173 Там же. Стб. 499—500.

40-х годах XIII в. вторжением монголо-татар».[174] Для подобных выводов нет достаточных оснований. Они представляют собой своеобразную ретроспекцию порядков московского периода отечественной истории. Объединение русских земель началось с той поры, когда княжеская власть превратилась в монархическую. Князь же в древней Руси — это не монарх, а представитель высшей общинной власти, подотчетный вечу, верховному органу волости или города-государства. Об усилении власти и могущества Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича можно говорить лишь во внешнеполитическом аспекте. Источником же власти и могущества этих князей были вечевые волостные общины. Отношения с ними князья строили отнюдь не на принципах господства и подчинения, а на принципах взаимного согласия и сотрудничества. Мы не хотим сказать, что то была сплошная идиллия. Между княжеской властью и вечевой общиной нередко возникали противоречия, принимающие острые формы. Но, как правило, из этих социально-политических коллизий победителем выходила городская община. И это не случайно, ибо военная сила находилась в ее руках.

Итак, в первой четверти XIII в. Ростово-Суздальская земля распалась на несколько городов-государств, волостей. И то, что вместо Юрия после Липицкой битвы на столе во Владимире оказался Константин, как, впрочем, и другие перемещения князей, не меняло существа дела.

Страшный удар по городам-государствам Северо-Восточной Руси нанесло татаро-монгольское нашествие. На их обломках началось строительство нового государственного образования — Великого княжества Московского.

174 Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 26—27.

П. П. ТОЛОЧКО

ЮЖНАЯ РУСЬ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Достижения советской археологической науки в изучении южнорусских земель известны. Их итоги подведены в ряде обобщающих работ, вышедших в последние годы.[1] Это избавляет от необходимости пересказа уже сделанного и позволяет сосредоточить внимание на тех основных проблемах историко-культурного и социального развития Южной Руси VIII—XIII вв., которые еще предстоит решать.

1 Археологія Української РСР. Т. 3. Київ, 1975; Новое в археологии Киева. Киев, 1982; Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.

Главным объектом изучения древнерусской археологии ук на заре ее становления был город. Остается им он и сейча Объясняется это не только исключительным богатством архе логических источников, заключенных в городском культурно слое, но также и необычайно широким спектром проблем, кот рые позволяют решать эти источники. Археологические иссл дования Киева, Чернигова; Галича, Переяславля, Вышгород Белгорода, Любеча, Городска, Плисненска, Воиня, Чучина, Зв нигорода, Вщижа, Путивля позволили воссоздать яркую, хот разумеется, далеко не полную картину истории их материал ной культуры.[2]

Следует отметить, что вплоть до 60-х годов XX в. южноруc ский город изучался преимущественно как феномен историк культурного развития древнерусского общества. Здесь дости нуты впечатляющие результаты. Настолько впечатляющие, чт создалась иллюзорная ситуация некоей исчерпанности горо ской проблематики. Казалось, что будущие раскопки не смогу качественно дополнить уже полученную картину жизни южн русских городов. Этим в значительной степени объясняется п степенное охлаждение археологов-русистов к этой категории п мятников.

Положение начало меняться к началу 70-х годов. Широк масштабные раскопки в Киеве послужили своеобразным тол ком к возобновлению или началу работ в других южнорусск городах — Чернигове, Путивле, Галиче, Звенигороде, Новгоро Северске, Белой Церкви. Определились и новые задачи в иссл довании русского города. Стало очевидно, что его необходи изучать не только как средоточие высших духовных и ма риальных ценностей общества, но и как важнейшую социальн экономическую структуру, определявшую характер и темпы сударственного и общественного развития.

Определенные успехи достигнуты в разработке пробле происхождения южнорусских городов.[3] Приходится все же к статировать, что тема эта еще далеко не исчерпана. Трудно здесь, как убеждает опыт отечественной историографии, с заны не только с неполнотой источниковой базы, но и с теор тической неразработанностью самой проблемы. В исследовани как правило, не разграничиваются задачи выяснения услов возникновения древнейших восточнославянских городов, ро давшихся вместе с древнерусской государственностью и явл шихся ее структурными элементами, и задачи становления родов в системе оформившегося государственного организм

[2] Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1959. Т. 2. М.; Л., 19 Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. 1949; Довж нок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Вол Київ, 1966; Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.

[3] Толочко П. П. Происхождение древнейших восточнославянских родов: Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 5—19.

Неразработанной остается и социальная модель раннего города. Механическое перенесение понятия города развитого феодализма в начальную фазу его развития нередко приводит к некорректной постановке задачи. В результате ведутся поиски такого города, какого на Руси не было.

Приходится констатировать, что за последние годы проблема раннего города обогатилась таким количеством новых определений, что возникли трудности уже в осмыслении понятийного аппарата. Открытое торгово-ремесленное поселение, населенный пункт городского типа, прагород, протогород, предгород, племенной город, эмбрион города — вот неполный перечень терминов, получивших постоянную прописку на страницах археологических работ. При этом далеко не всегда ясно, что под ними понимается и в каком отношении они находятся к собственно городу. Присутствие в большинстве из них слова «город» как будто свидетельствует о признании преемственности протогородов и городов. Но это не так. Очень часто ранний период в жизни того или иного поселения отрывается от его последующей истории.

Каким бы сложным ни было явление, не следует усложнять его еще больше. Думается, пришло время приостановить процесс терминотворчества, попытаться упростить проблему. Без этого нельзя достичь положительного результата. В. И. Ленин писал: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого».[4]

При этом следует иметь в виду, что город в пору своего зарождения не может и не должен обладать всем тем набором функций, которые характеризуют его в пору развитого феодализма. И еще одно. Проблема происхождения русского города не может решаться в отрыве от проблемы происхождения русской государственности. Это двуединый процесс и по содержанию, и по времени. В археологических работах очень часто имеет место парадоксальная ситуация. Признавая существование южнорусского государственного образования «Русская земля» уже с конца VIII — начала IX в., исследователи отрицают возможность существования здесь в это время городских средоточий, которые собственно и были этой государственностью.

Не всегда учитывается и фактор неравномерности исторического процесса. Нельзя утверждать отсутствие какого-либо исторического явления, скажем, в южнорусском регионе только на том основании, что оно не прослеживается на севере или на западе Руси.

Основываясь на анализе свидетельств письменных источников, а также археологических материалов, сегодня можно прийти к следующим выводам.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 233.

Древнейшие восточнославянские города (Киев, Чернигов, Галич, может быть Переяславль) сформировались на базе племенных «градов» VI—VIII вв. Летопись не раскрывает, что представляли собой эти первичные «грады». Можно лишь предполагать, что они были административно-политическими и культовыми центрами союзов племен, вызванными к жизни значительными переменами в социально-экономическом развитии восточнославянского общества. В тех благоприятных случаях, когда длительный процесс градообразования не прерывался, именно «град» и являлся первым этапом в жизни раннефеодального центра. С него начинается история города, а не с того момента, когда он приобретает классические средневековые черты. Сложение раннефеодальных городов на юге Руси происходило одновременно с формированием древнерусской государственности и может быть датировано концом VIII—IX в.[5]

В историографии общепринятым является положение, согласно которому средневековый город возник в результате расщепления и дифференциации экономического базиса раннефеодальной деревни. Развивая этот тезис, мы не всегда правильно привлекаем в своих исследованиях известное марксистское положение о противоположности города — средоточия ремесла и торговли, и деревни — средоточия земледелия. Акцентация на этих оппозициях не способствует правильному пониманию социально-экономического содержания русского города.

Во многом, особенно на ранних этапах развития феодальной системы, город в экономическом плане являлся своеобразным продолжением деревни. Общей чертой формирующихся городов всех цивилизаций, как отмечали классики марксизма, была их аграрность. На Руси города, являясь экономическими, политическими и культурными центрами земледельческой округи, своим возникновением и развитием обязаны этой округе, а следовательно, не могут быть поняты в полной мере без знания ее хозяйственной структуры, экономического и демографического потенциала, характера ее взаимодействия с городом.

Древнерусские города в отличие от западноевропейских не были бюргерскими. В них наблюдается значительная концентрация феодалов, владевших земельными угодьями в земледельческой округе. Это способствовало постоянному притоку прибавочного продукта, производимого в сфере сельского хозяйства, в города, что по существу и было основой их бурного роста и развития.

Сказанное, разумеется, не означает, что мы можем ослабить наше внимание к вопросам ремесленного производства в древнерусских городах. Несмотря на значительные достижения в этой области, многое еще предстоит сделать. Научно-техническая революция, содействовавшая становлению единой системы знаний, углублению интеграции гуманитарных и естественно-технических наук, обеспечила прочную основу для более качественного изучения техники и технологии древнерусского ремесла. Очень важно не ограничиваться в этих исследованиях лишь технико-технологическими вопросами, что нередко случается. Необходимо шире использовать результаты структурного, спектрального, химико-петрографического и других методов анализов для определения уровня развития ремесленного производства, его потенциала, установления зон формирования технологических традиций (школ), закономерностей в передаче производственных навыков.

Чрезвычайно важным является также обращение к проблеме социальной и организационной структуры ремесла, как особой формы общественного разделения труда, места и роли его в системе городского хозяйства. Отсутствие сколько-нибудь конкретных письменных свидетельств по этой теме увеличивает значение археологических данных. Их анализ позволил в свое время Б. А. Рыбакову выделить два этапа в развитии древнерусского ремесла, качественный перелом в котором приходится примерно на середину XII в.[6] Последующие исследования несколько уточнили рубеж между этими двумя этапами. В Новгороде, как полагают В. Л. Янин и Б. А. Колчин, он приходится на 20—30-е годы XII в.[7] В Киеве нарастание качественных изменений в ремесленном производстве также прослеживается с первых десятилетий XII в.

В историко-археологической литературе эти крупные периоды в развитии древнерусского ремесла квалифицируются как вотчинный и свободный. Нет необходимости доказывать условность этих определений. Классическая вотчинная система отчетливо выступает как раз на втором этапе развития Руси и нет основания полагать, что вотчинное ремесло в это время было менее развито, чем раньше. В свою очередь, следы свободного — посадского ремесла заметны в русских городах уже на раннефеодальном этапе.

По-прежнему перед исследователями стоит трудный вопрос о цеховом строе ремесла. Письменные источники, по существу, ничего не говорят об организационном строе свободного городского ремесла, археологические все еще очень фрагментарны. Ссылки на европейские примеры здесь неприемлемы. Слишком различными были города Древней Руси и средневековой Европы. Признаки определенной корпоративности древнерусского ремесла прослеживаются лишь на этапе феодальной раздробленности. Углубление этого процесса искусственно сдерживалось

[5] Толочко П. П. Происхождение древнейших восточнославянских городов. С. 18.

[6] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 432.

[7] Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // НИС. 50 лет раскопок Новгорода, 1982. С. 122.

феодальным характером южнорусского города и даже в Киеве он не получил в домонгольский период своего завершения.

Давно разрабатываются вопросы социально-топографической структуры южнорусских городов. Археологи, располагающие конкретными вещественными материалами, создали по некоторым из них полноценные историко-топографические очерки. Однако проблема эта нуждается в дальнейшей углубленной разработке. До сих пор нет четкого представления о том, что было определяющим в социально-топографической структуре городов — древние родовые поселки или социальная дифференциация населения.

В последнее время в литературе высказана мысль, что Древний Киев построен согласно центральноазиатской модели, определившейся в VII—VIII вв. Ее характерной особенностью была трехчастная структура: цитадель, внутренний город, торгово-ремесленный пригород.[8] При наличии столь тесных и постоянных контактов восточных славян с арабским миром в VIII—X вв. мысль эта не кажется невероятной, однако доказать ее чрезвычайно сложно. Трехчастная структура Киева, Чернигова, Галича определилась не изначально, чего можно было ожидать при строительстве этих городов по центральноазиатской модели, а явилась результатом их длительного развития.

В литературе неоднократно высказывалась мысль, что большинство ранних южнорусских городов выросло на основе гнезд более ранних родовых поселков. Исследуя проблему происхождения Чернигова, Б. А. Рыбаков показал, что он развился из совокупности укрепленных поселений VII—VIII вв.[9] И. Я. Фроянов, А. А. Фадеев в качестве примера образования русского города путем слияния нескольких общинных поселков называют и Киев.[10] Сам по себе вывод этот не может вызвать сколько-нибудь существенных возражений, однако его принятие вовсе не означает, что и последующее развитие и названных, и других городов зиждилось на родоплеменной основе. Изучение исторической топографии Киева и Чернигова показывает, что уже в X в. их старая родоплеменная поселенческая структура оказалась разрушенной. И в том, и в другом городе очень рано определился социально-топографический центр — детинец, сооруженный на месте одного из ранних поселений. В дальнейшем процесс концентрации городской жизни происходит вокруг него; старые поселения растворяются в городской планировочной структуре, наиболее удаленные от центра (например, Лысая гора в Киеве или Елицкое в Чернигове) прекращают свое существование.

[8] Golb N., Pritsak O. The Khasarian Hebrew documents of the century. London and Ithaka, 1982. P. 56—57.

[9] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 10.

[10] Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 228; Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. М., 1976. С. 30.

Исследуя проблему социально-топографической структуры древнерусских городов, необходимо иметь в виду, что их рост осуществлялся не столько за счет внутреннего демографического потенциала, на первых порах очень незначительного, сколько за счет притока населения из округи. Это также приводило к очень быстрому размыванию прежних родовых общин. Решающими в размещении городского населения становятся социальные факторы.

Путь сложения социально-топографической структуры Киева или Чернигова отражает основные градообразующие закономерности, далеко выходящие за пределы Южной Руси. Их социально-топографическая двухчастность — небольшой детинец и огромный посад — была обусловлена феодальной сущностью древнерусского города. Такая модель оставалась универсальной на протяжении всего древнерусского периода.[11]

Испытания, которым в последнее время подвергаются привычные понятия «детинец» и «посад», обусловлены, по-видимому, слишком жесткими их социальными характеристиками, имеющими место в археологической литературе. Мы действительно сжились с представлением о том, что детинец — это исключительно средоточие княжеско-боярского населения, а посад — торгово-ремесленного. Археологические исследования все больше и больше входят в противоречие с такими определениями. Жилища бедноты и ремесленные мастерские находятся в детинцах, а усадьбы феодалов — в пределах посадов. Ничего необычного в этом нет. Ремесло и торговля в древнерусских городах носили феодальный характер и развивались в значительной степени в рамках вотчинного сектора экономики, а следовательно, на территории княжеских и боярских дворов. С другой стороны, концентрация земельных вотчинников в южнорусских городах (это характерно и для городов других регионов) была такой, что поместиться в пределах сравнительно небольших детинцев все они не могли; их усадьбы располагались также на территории окольных городов и даже посадов. Думается однако, что на этом основании мы не должны отказываться от попыток определения социальной сущности отдельных городских структур.

Не исключено, что в рамках двухчастной социально-топографической модели городов существовало типологическое разнообразие, выявить которое помогут будущие археологические исследования.

Важной проблемой древнерусских феодальных городов является социальная (или функциональная) типология. Их раз-

[11] Толочко П. П. О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов: Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев, 1985. С. 3—18.

витие характеризовалось не только общими закономерностями, но и частными, иногда весьма существенными особенностями. Они обусловливались иерархической ранговостью городов, неравномерностью развития феодальных отношений в Киевской Руси, естественногеографическими условиями регионов, наличием или отсутствием внешней опасности, уровнем церковной организации, множеством других факторов. К разработке этой проблемы мы, по существу, только приступаем, но уже сейчас можно говорить о функциональных отличиях древнерусских городов, обладавших различными ведущими функциями. В их числе были: сельскохозяйственное производство, ремесло и торговля, административно-политическое управление, военно-стратегическое положение, культурно-идеологическое значение и др.

Одной из наиболее исследованных категорий археологических памятников в южнорусском регионе являются небольшие городища. Они располагались по Днепру, Суле, Роси, Стугне, Тетереву, в верховьях Южного Буга, на территории западных областей Украины. В свое время В. И. Довженок, П. А. Раппопорт и другие археологи предприняли попытку классификации и социальной типологизации этих поселений.[12] Их результаты вместе с новыми данными позволяют утверждать, что в большинстве своем это были военно-феодальные поселения с преобладанием в них различных ведущих функций. Городки, входившие в оборонительную систему на юге, юго-западе и западе Руси, являлись военными крепостями с постоянными воинскими гарнизонами. Расположенные в глубинных районах южнорусских княжеств, укрепленные поселения представляли собой центры феодального землевладения. При определении социальной типологии укрепленных центров Киевской Руси необходимо учитывать, что они не оставались неизменными от времени их возникновения до монгольского нашествия. Нередко на определенном этапе развития изначальная ведущая функция отступала на второй план, и замок приобретал новые определяющие черты. Процессы функционального усложнения укрепленных центров особенно активно протекали в XII—XIII вв.[13]

Думается, однако, что наше представление об этой категории поселений не полное. В свое время нам пришлось произвести обследование городищ по Днепру (между Киевом и Каневом), Стугне, Роси, Тетереву. Оказалось, что практически возле каждого из них, в непосредственной близости или на некотором удалении, располагаются огромные поселения. До сих пор они остаются археологически неисследованными. Мы не можем дать удовлетворительного ответа на вопрос, что представляли собой эти поселения в социальном плане. Следует ли их рассматривать в качестве посадов при укреплениях-детинцах, или же более справедливым будет предположение, что городища — это остатки замков феодалов, располагавшихся в непосредственной близости от сел? Видимо, уже настало время приступить, на основании сплошного картографирования укрепленных поселений, к определению размеров феодального землевладения на юге Руси.

Южнорусская археология имеет заметные успехи в изучении одной из важнейших сфер экономики — сельскохозяйственного производства. В. И. Довженок создал фундаментальное исследование по этой теме.[14] Оно остается лучшим и по сей день. Однако в эту работу не вошли, или почти не вошли, материалы исследований открытых поселений. Не вошли потому, что их не было. И сегодня этот раздел древнерусской археологии продолжает отставать. Сделаны, по существу, только первые шаги. А между тем именно на неукрепленных поселениях проживала основная масса населения, занятого в сфере сельскохозяйственного производства. Изучать его — одна из неотложных задач древнерусской археологии. Широкое исследование неукрепленных поселений даст значительный материал для ответа на вопросы о структуре территориальной общины на юге Руси.

Особо результативными в этом отношении оказались исследования Черниговской археологической экспедиции (В. П. Коваленко, А. В. Шекун), осуществленные между Черниговым и Любечем. На площади около 2 тыс. км² удалось выявить 220 археологических памятников, в том числе 23 городища, 132 селища и 65 курганных могильников. Анализ материалов позволил выделить примерно восемь гнезд памятников, в структуре которых находились городища, одно или несколько крупных (более 5 га) поселений, 10—15 небольших селищ, несколько курганных могильников. Обнаружена интересная закономерность: наиболее крупные поселения площадью от 5 до 10 га и больше датируются XI—XIII вв., в то время как селища площадью от 1,5 до 5 га содержат материалы XI—XII или XII—XIII вв. Последние, вероятно, следует рассматривать как дочерние по отношению к более ранним. Начавшиеся стационарные раскопки неукрепленных поселений в означенном регионе показывают их научную перспективность. Выявлены усадьбы XII—XIII вв., жилые и хозяйственные постройки, остатки железоделательного и кузнечного производств, обнаружен большой и разнообразный археологический материал, в том числе

[12] Довженок В. И. Соціальна типологія давньоруських городищ // Археологія. 1974. № 2; Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА. 1967. Вып. 110; Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. // МИА. № 140. 1967.

[13] Толочко П. П. Киев. Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980. С. 162.

[14] Довженок В. И. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.

привозной — амфоры, изделия из стекла, янтаря, сердолика, шифера.[15]

Согласно летописным свидетельствам, территория между Черниговым и Любечем входила в подгородный земледельческий район, тесно связанный с хозяйством черниговских князей и бояр. В летописной статье 1148 г. говорится о разорении великим князем Изяславом Мстиславичем их владений в окрестностях Чернигова и Любеча. «И пожьже вся села ихъ, и до Боловаса».[16] Из замечания летописца, что в этих селах была «вся ихъ жизнь», можно заключить о нахождении здесь таких же княжеских дворов-хозяйств, какой годом раньше так подробно описан в связи с разграблением Игорева села под Путивлем. Сохранившиеся до наших дней, топонимы «Князиноселище», «Княгинено», «Ольжено» подтверждают справедливость летописных характеристик.

Аналогичные подгородные сельскохозяйственные районы имелись и возле других южнорусских городов, без исследования которых невозможно представить себе сколько-нибудь полно систему их экономики.

Большое место в изучении социально-экономического, этнического и идеологического развития древнерусского общества занимают материалы могильников. Особый интерес представляют в этом плане дружинные некрополи, расположенные возле крупнейших городов Киева, Чернигова, Переяславля. Крайне важно продолжить эти исследования. Необходимо на новом этапе произвести систематизацию всего материала, попытаться дать ему четкое этнокультурное и хронологическое определение. При этом очень важно отойти от стереотипов мышления прошлого, объяснявших многое в курганных древностях через призму влияний и заимствований. Некрополи старейших русских городов являются отражением жизни восточных славян периода сложения их государства и формирования феодально-производственных отношений, и только такой подход способен дать правильное объяснение этим памятникам.

В последние годы наметилось определенное возрождение исследовательского интереса к курганным древностям Южной Руси. Неожиданно оказалось, что эта область древнерусской археологии еще не пережила время новых открытий. Один за другим выявлены курганные могильники у с. Липовое Черниговской области (1200 курганных насыпей), у хут. Зеленый Гай Сумской области (2000 насыпей), у с. Яблоновка Киевской области (около 170 насыпей). Их исследования позволили более полно изучить этнические процессы в различных регионах Южной Руси, выявить место наследия соседних кочевых

[15] Шекун А. В. Селища IX—XIV вв. в низовьях междуречья Днепра и Десны: Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» // Тезисы докладов. Чернигов, 1985. С. 44—46.

[16] Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 254.

народов в развитии древнерусской народности.[17] Интересно предположение А. П. Моци о характере археологических комплексов у с. Липовое и у хут. Зеленый Гай, в которые, кроме огромных могильников, входили обширные поселения и городища. Он справедливо видит в них крупные опорные пункты на торговом пути из Киева в Булгар.[18]

Заметное увеличение фонда источников, связанных с изучением погребальных памятников, ставит перед исследователями новые задачи. Прежде всего необходимо четко определить границы информативных возможностей этой категории источников. В какой мере в них отразились реалии земной жизни и как на их основе можно решать вопросы реконструкции различных структур древнерусского общества. Изучая проблему социального состава южнорусского общества на основании анализа курганных древностей, исследователи далеко не всегда учитывают фактор неодновременности исторического явления и его идеологического закрепления в погребальной обрядности. Присутствие в погребениях IX—X вв. монет, безменов, ремесленных инструментов, других вещей справедливо рассматривается в качестве социально характеризующих признаков. Однако датировать на этом основании начало процессов формирования класса феодалов, выделения сословия купцов и ремесленников неправомерно. Явления эти имеют более глубокие исторические корни. Это характерно для явлений, отражавших не только базисные структуры, но также и надстроечные. Наглядный пример — ситуация со сменой религий. Утверждение христианской идеологической системы привело к появлению новой погребальной обрядности, однако произошло это не сразу, к тому же в новой обрядности еще долго сохранялись старые языческие элементы (тризна, посыпание покойника золой, курганная насыпь, горшки в могилах и др.).

Видимо, не следует слишком прямолинейно увязывать смену погребальной обрядности с изменениями в области социально-экономического развития восточнославянского общества, как это имеет место в литературе. Связь этих явлений несомненна, но не непосредственная. Причинность перехода от одного погребального обряда к другому необходимо искать в большей мере в области идеологических и этнопсихологических представлений, которые складывались под воздействием множества факторов.

Анализ погребальных древностей Южной Руси позволяет глубже проникнуть в этнические процессы, происходившие в ней. Оказывается, что население здесь не сохранило этногра-

[17] Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. И. Исследование летописного Юрьева на Роси и его окрестностей: Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 48—60.

[18] Моця А. П. Новые сведения о торговом пути из Булгар в Киев: Земли Южной Руси в IX—XIV вв. С. 131—139.

фическую однородность племенных времен. Среди огромной массы погребений славянского населения Среднего Поднепровья присутствуют захоронения представителей других славянских племен, а также норманнов, финно-угров, веси, хазар, торков. Многие из них оказались в Южной Руси по воле государственных властей. Достаточно вспомнить, как Владимир Святославич, развернув огромное строительство крепостей по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле, Стугне, заселял их мужами лучшими «от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь».[19] Практика эта была продолжена и другими киевскими князьями — Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом.

Отмеченные события, имевшие место и в других землях Руси IX—XIII вв., играли важную роль в процессах консолидации единой древнерусской народности. В свое время Б. А. Рыбаков отмечал, что исследуемые нами археологические памятники полностью подтверждают единство древнерусской народности X—XIII вв. в географических рамках Русской земли в широком смысле слова.[20] Позже наметилась тенденция выявления не столько того общего, что сближает отдельные регионы Древней Руси, сколько особенного — того, что их отличает. Чрезмерное подчеркивание местного своеобразия создает искусственную дробность целого, часто не способствующую, а затрудняющую его восприятие. Вся сумма археологических источников убедительно показывает, что не только в Южной Руси, но и в других частях огромного Древнерусского государства IX—XIII вв. материальная культура отличалась поразительным единством. Оно наблюдается не только в широком ассортименте изделий городского и сельского ремесла, но также в домостроительстве, монументальном зодчестве.

Одним из новых направлений археологии, способным вывести ее на качественно новый уровень, является историческая демография. К сожалению, сделано в этой области еще очень мало. Археологи слишком доверчиво восприняли выводы демографов о недостаточности фактического материала и информативной слабости наук, исследующих ранние периоды истории, а следовательно, и об их неспособности обогатить историческую демографию.[21]

В последние десятилетия положение начало меняться. Определился плотный контакт археологической науки с демографией и исторической географией. Оказалось, что отсутствие статистических данных в письменных источниках не является непреодолимым препятствием для историко-демографических исследований. Археология располагает здесь собственным методом демографических расчетов, в основе которых должны лежать данные о площади поселения, размерах усадеб, количестве их одновременного функционирования. Первые опыты таких разработок показывают их перспективность.[22]

Методологической основой исследований историко-демографических процессов древних обществ, жизнь которых мало освещена или совсем не освещена в письменных источниках, является положение К. Маркса о том, что всякому исторически особенному способу производства свойственны свои, имеющие исторический характер, законы народонаселения.[23]

Крайне важной представляется разработка проблем исторической демографии для эпохи Киевской Руси. Бурные качественные изменения во всех областях жизни древнерусского общества — социально-экономической, политической, этнической, культурной и др. невозможно постичь без изучения демографических процессов, без знания, хотя бы в первом приближении, динамики численности населения и его естественного движения во временных и территориальных рамках Древнерусского государства.

Необходимой основой для историко-демографических исследований являются успехи исторической географии. Уже сейчас имеется ряд обстоятельных работ регионального и межрегионального плана, в которых осуществлен максимально полный учет известных на сегодняшний день археологических памятников, даны их типологические и хронологические определения. Особо ценным в этом отношении представляется свод всех укрепленных поселений Древней Руси IX—XIII вв., выполненный А. В. Кузой.[24] Анализ данных свода выявил ряд важных моментов демографического развития. Оказалось, что на первом этапе существования Древнерусского государства (IX—начало XI в.) появилось несколько более 20% укрепленных поселений от общего их числа, на втором (XI — начало XII в.) — почти 30% и на третьем (середина XII — середина XIII в.) — около 50%. Как видно, рост доли укрепленных поселений происходил в течение всего периода существования Древнерусского государства. Его пик в абсолютных цифрах приходился на третий этап, а пик в темпах роста — на второй. Отчетливо выделяются несколько очагов своеобразных демографических «взрывов» — в XI—XII вв. это Среднее Поднепровье, в XII—XIII вв. — Юго-Западная Русь, Волго-Окское междуречье, бассейны Верхнего Днепра и Западной Двины.

Установление фактов тех или иных демографических изменений (будь то в масштабах конкретного населенного пункта

[19] ПВЛ. Ч. 1. М.; Л., 1980. С. 83.

[20] Рыбаков Б. А. Древняя Русь: К вопросу об образовании ядра древнерусской народности // СА. 1953. XVIII. С. 28—40.

[21] Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

[22] Толочко П. П. Древний Киев. С. 181—192.

[23] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 646.

[24] Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII в. // Русский город. М., 1983. С. 4—36.

или целого региона) немного стоит, если не видеть в них от
ражение определенных закономерностей социально-экономиче
ского и политического развития страны. Уже давно доказано,
что при феодализме постоянно имела место относительная пере
населенность. Ее главной причиной следует считать развитие
производительности труда, в результате которого часть насе
ления как бы выталкивалась из сферы производства в одном
месте и должна была искать приложения своим силам в дру
гом. Происходило это, чаще всего, посредством лишения (в си
лу разных причин) части производителей средств производст
ва. Поскольку основную массу населения Древней Руси со
ставляли крестьяне, а главной отраслью производства было
сельское хозяйство, то именно здесь и образовывались излиш
ки населения. Это приводило к его миграции. Оно отливалось
в окраинные районы страны осваивать новые земли. Речь идет,
по существу, о земледельческой колонизации, имевшей наибо
лее четкое проявление на северо-востоке Руси.

Избыточное сельское население являлось основой и дви
роста древнерусских городов. Их размеры и количество в том
или ином регионе находятся в прямой зависимости от уровня
его экономического развития и общего демографического по
тенциала.

Миграционные процессы на Руси имели как стихийный ха
рактер, так и организованный, в том числе принудительный.
На раннем этапе, организуя оборону страны от кочевников,
государство населяло южнорусские порубежные крепости вы
ходцами из северных земель. В XII—XIII вв. сходная ситуация
имела место на северо-востоке страны, с той лишь разницей,
что теперь районом исхода населения была Южная Русь.

Исследование проблем исторической демографии вносит
осуществленные коррективы в наши представления о социаль
но-экономическом и политическом развитии Древнерусского
государства. Со времен Н. М. Карамзина в историографии бы
тует мнение, что ослабление централизующего значения Киева
и Южной Руси в XII в. связано с их экономическим упадком.
Он же был вызван перемещением путей международной тор
говли, частыми междоусобицами, постоянными вторжениями в
пределы Южной Руси половецких орд, вследствие чего про
изошел отлив населения из южнорусских земель на северо-
восток.

Перечисленные факторы действительно имели место в рус
ской истории XII в., в том числе и «отлив» южнорусского на
селения в другие районы Руси. Начавшееся еще в X—XI вв.
освоение Суздальско-Залесского края интенсивно проходило в
XII в. Факт перемещения сюда значительных масс населения
из Южной Руси установлен и археологически, однако вывод из
этого сделан неверный. Логическое предположение историков
что исход переселенцев из Южной Руси вызвал здесь запусте

ние и экономический упадок, не подтвердилось. Археология свидетельствует, что никакого упадка или торможения производительных сил в Южной Руси в XII—XIII вв. не было. В недавно вышедшей археологической карте древнерусских поселений Среднего Поднепровья собраны данные о более чем 500 городищах и селищах X—XIII вв. Оказалось, что около половины из них датируется XII—XIII вв.[25] Аналогичная картина выявлена А. В. Шекуном на Черниговщине, в Днепро-Деснянском междуречье. Из почти 160 селищ и городищ X—XIII вв. примерно 33% возникли в X в., 40% — в XI в. и 27% в XII—XIII вв. Характерно, что практически все населенные пункты означенного региона жили полнокровной жизнью до самого монгольского нашествия. Следовательно, высший этап их развития приходится на XII—XIII вв.

Говоря о перспективах южнорусской археологии, следует отметить еще ряд моментов. Одной из важнейших задач попрежнему остается получение источников. Только систематические и целенаправленные раскопки всех категорий памятников позволят успешно ставить и решать перечисленные выше проблемы.

Магистральный путь развития археологии вообще и древнерусской в частности — это историзм ее содержания. Археологическое источниковедение является чрезвычайно важным, но промежуточным этапом наших исследований. Оно должно служить лишь основой для последующих исторических реконструкций. Воссоздание исторического процесса во всей его полноте и многообразии невозможно без учета основных закономерностей развития общества. Важнейшей из них является функциональная связь между материальной культурой, материальными условиями жизни и социально-экономическими структурами.

Путь к истинному историзму археологии лежит через совершенствование методического арсенала изучения археологических источников. В последние годы в этой области обозначились существенные изменения.

Массовое выявление в Киеве и некоторых других южнорусских памятниках (Звенигород) ископаемой древесины дало толчок быстрому внедрению метода дендрохронологии. Техника и технология кузнечного ремесла изучаются при помощи металлографии. С применением химико-петрографических методов анализируются строительные материалы памятников архитектуры. Многие древнерусские объекты датированы археомагнитным методом.

Тенденция совершенствования методического арсенала анализа археологических материалов, являющегося необходимым

[25] Кучера М. П., Сухобоков О. В., Беляева С. А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья: Археологическая карта. Киев, 1984. С. 184.

условием изучения исторических явлений, обнаруживает и определенные издержки. Во многих работах эта важная и нужная задача превращается в самоцель. Химические анализы, математические формулы, статистические таблицы, всевозможные гистограммы и пластограммы создают только иллюзию научности и, по существу, освобождают исследователя от необходимости исторических реконструкций.

В. И. Ленин, подчеркивавший необходимость установления «фундамента из точных и бесспорных фактов» и широко привлекавший статистические данные как источник при изучении общественных явлений, отмечал, что статистика не должна превращаться в самоцель.[26] Определенный крен в сторону техницизации и формализации наших исследований таит в себе опасность некоторой «дегуманитаризации» археологии, отхода от ее исторической сущности.

В заключение хотелось бы отметить положительный опыт участия в развитии южнорусской археологии ученых Москвы, Ленинграда. Многолетние работы экспедиций, руководимых Б. А. Рыбаковым, М. К. Каргером, П. А. Раппопортом, А. В. Кузой, постоянный исследовательский интерес к южнорусским древностям А. Н. Кирпичникова, А. А. Медынцевой, В. Л. Янина и других археологов являются примером творческого взаимодействия и плодотворного сотрудничества представителей различных археологических центров. В этом залог будущих успехов.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 506.

А. В. ГАДЛО

К ИСТОРИИ ТМУТОРОКАНСКОГО КНЯЖЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

Несмотря на то, что истории Тмутороканского княжества, самого дальнего юго-восточного форпоста Киевской Руси, посвящена значительная литература, ореол «загадочности», окружавший его еще в XVIII в., на заре отечественной историографии, не исчезает до сих пор, вынуждая вновь и вновь обращаться к связанной с ним проблематике.[1] До сих пор каждый неизвестный ранее источник, содержащий информацию о Тмутороканн, привлекает к себе пристальное внимание и, как правило, становится объектом придирчивой критики и споров. Одному из таких источников и посвящена настоящая статья.

[1] Из последних работ см.: Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979; Мавродин В. В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 177—182. — Там же указана основная литература и история проблемы.

Предметом статьи является свинцовая печать (булла), обнаруженная в конце 30-х годов в коллекции Берлинского музея известным французским специалистом по византийской сфрагистике В. Лораном и впервые опубликованная в начале 40-х годов румынским историком Н. Бэнеску.[2] На лицевой стороне печать имеет изображение архангела Михаила, патрона ее владельца, а на оборотной — греческую легенду: + Κ[ύρι]ε β[οή]θ[ει] Μιχαὴλ ἄρχωντ[ι] Ματράχ[ου] Ζιχίας καὶ πάσης [Χ]αζαρί[ας] (Господи, помози Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии). По определению В. Лорана, она относится к концу XI в., а по определению В. Л. Янина — к середине XI — началу XII в.[3] Будучи пока что единственным памятником, содержащим полную официальную титулатуру правителя Тмутороканского княжества (названная в легенде Матраха — это Тмуторокань, так с конца X в. в Византии и других странах Средиземноморья стали именовать город и прилежащую к нему округу), печать является важнейшим источником по его истории во второй половине XI в., не уступающим по своей информативной ценности знаменитому «тмутороканскому камню», содержащему запись князя Глеба Святославича об измерении им ширины Керченского пролива зимой 1067—1068 гг.[4] Однако, поскольку титул «архонт» и имя «Михаил» в других источниках по истории княжества не встречаются, вокруг вопроса о хронологии печати и ее личной атрибутации возникла дискуссия, за которой стоят различные взгляды на историю княжества в целом и его отношение к Руси и Византии.

Первый издатель печати Н. Бэнеску полагал, что ее владельцем мог быть только византийский чиновник, служивший наместником империи в Тмуторокани и на связанных с нею политически и административно территориях Северного Кавказа, и что ни имя, ни титул, указанные на печати, не могли принадлежать ни одному из русских правителей княжества. Русь, по его представлению, к концу XI в. (Н. Бэнеску придерживался датировки, данной В. Лораном) полностью утратила свои позиции на юго-востоке Восточной Европы и ее место здесь прочно заняла Византия.

В. Лоран и некоторые другие западные византинисты сочувственно приняли эту атрибутацию.[5] Но на рубеже 50—60-х

[2] Bănescu N. 1) Stăpânirea bizantină în Matracha (Tmutorocan), Chazaria şi Rusia, în timpul Comnenilor // Analele Academici Romane. Memoriile Sectiunii Istorice. Bucureşti, 1941. Seria III. T. XXIII. P. 113—132; 2) La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en "Russie" à l'époque des Comnènes // Bulletin de la Section Historique. Bucureşti, 1941. T. XXII. Fasc. 2. P. 57—77.

[3] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.: В 2 т. Т. 1. Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 29—30.

[4] Медынцева А. А. Тмутараканский камень. С. 14—15.

[5] Byzantinische Zeitschrift. 1941. N 41. S. 252; Bulletin de la classe des lettres. 5e série. Bruxelles, 1946. T. 32. P. 249—254; Byzantinische Zeitschrift. 1960. N 53. S. 279.

годов она подверглась резкой критике со стороны профессора Женевского университета А. В. Соловьева, который, заново пересмотрев всю аргументацию Н. Бэнеску, указал на ошибочность его исходных посылок.[6] Н. Бэнеску не принял во внимание то, что христианское имя Михаил носил, как об этом свидетельствует Любечский синодик, внук Ярослава Мудрого Олег Святославич, с 1083 по 1094 г. бессменно владевший Тмуторо-канью. Кроме того, А. В. Соловьев указал ряд абсолютно достоверных фактов, свидетельствующих о том, что архонтами в Византии именовались не только государственные чиновники, но и правители иноземных государств, в том числе русские князья, и привел ряд печатей, на которых русские князья сами себя называли архонтами. При этом, анализируя эти печати, он вновь подтвердил давно принятую наукой, но поставленную под сомнение Н. Бэнеску, атрибутацию печати супруги Олега Святославича гречанки Феофано Музалон, которая носила титул «архонтиссы Росии».[7]

Предложенная А. В. Соловьевым атрибутация печати была поддержана А. Л. Монгайтом[8] и В. Л. Яниным[9] и с середины 60-х годов остается никем неопровергнутой. Правда, против нее достаточно веское суждение высказал А. П. Каждан,[10] обративший внимание на то, что, если согласиться с А. В. Соловьевым и признать архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии Михаила русским князем Олегом Святославичем, то следует удовлетворительно объяснить, почему Олег и его супруга Феофано имели различную титулатуру. На странность этого несоответствия обратил внимание также и В. Л. Янин, но он объяснил его тем, что печать Михаила-Олега и печати Феофано (их известно две) относятся к разным периодам бурной политической карьеры князя. Первая—печать Михаила-Олега—к тмутороканскому периоду, когда он оказался вне своих владений на Руси, а печати Феофано — к периоду его борьбы за русский

[6] Soloviev A. V. Domination Byzantine ou Russe au Nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? // Akten des XI Internationalen Byzantinisten-Kongresses. München, 1958. München, 1960. S. 568—580.

[7] Soloviev A. V. Ἄρχων Ῥωσίας // Byzantion, 1961. T. 31. P. 237—244. См. также: Лопарев Д. Византийская печать с именем русской княгини // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 159—166.

[8] Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран / Отв. ред. В. И. Шунков. М., 1963. С. 54—61.

[9] Янин В. Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. 1965. Вып. 2. С. 76—90. Основные выводы статьи повторены в монографии: Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 24—30.

[10] Каждан А. П. Византийский податный сборщик на берегах Боспора Киммерийского в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. С. 93—101.

княжения, которую он вел с 1073 по 1079 г. и с 1094 по 1115 г.— год его смерти.[11]

С объяснением В. Л. Янина можно было бы согласиться, если бы оно относилось к какому-либо другому политическому деятелю Киевской Руси, а не к Олегу Святославичу, личность которого и династические амбиции хорошо известны.[12] Тмутороканское княжение Олега было вынужденным, и допустить, что, захватив Тмуторокань, а это произошло после его четырехгодичного пребывания в Византии и вряд ли без ее помощи, он на какой-то момент отказался от борьбы за наследственное Черниговское княжество и принадлежавшие ему земли северо-востока Руси, очень трудно. Вряд ли он был бы интересен и для Византии, если бы мог удовлетвориться только тмутороканским княжением, а не являлся, по выражению Н. П. Лихачева, «претендентом на всякие столы».[13] Все, что нам сохранили источники об этом князе, включая и печати его супруги, говорит о том, что Олег не мог отказаться от своих прав на коренные русские земли, общее достояние потомков Рюрика и Владимира, и, соответственно, не мог отказаться от титула «русского князя» или «архонта Росии», как именовали себя в его время другие внуки Ярослава.[14] Следовательно, предложенная А. В. Соловьевым атрибутация печати архонта Михаила не может считаться абсолютно достоверной, несмотря на то, что она, на первый взгляд, выглядит и очень обоснованно, и очень соблазнительно.

Кто же тогда был владетелем печати? Попытаемся прежде всего обратиться к ее тексту. Он составлен безусловно не чиновником, правителем или наместником ограниченной области, а сильным и независимым династом, торжественно провозгласившим в нем не только пределы своих реальных владений, но и свою политическую программу.

Чем же владеет и на что претендует архонт Михаил? Это, во-первых, город Матраха — Тмуторокань, лежащий на азиатском берегу Керченского пролива, и его сельскохозяйственная хора, составлявшие вместе единую хозяйственную и административно-политическую область, собственно «Тмутороканский остров», по терминологии Киево-Печерского патерика.[15] Согласно свидетельству Идриси, основанному на данных XI — первой половины XII в., эта область была густо населена,

[11] Повесть временных лет / Подготовка текста Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева; В 2 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 200. (Далее ПВЛ).

[12] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 443—451.

[13] Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Т. 1. Л., 1928. Вып. 1. С. 143.

[14] Янин В. Л. Актовые печати... Т. 1. С. 16—17, 20, 27—28.

[15] Патерик Киево-Печерского монастыря // Памятники славяно-русской письменности. Т. 2. СПб., 1911. С. 29, 151.

возделана и покрыта полями и виноградниками.[16] Константин Багрянородный в середине X в. определял ее границу по южному рукаву Кубани — реке Укрух, протекавшей в 18—20 милях от города (южная часть Кизилташского лимана.—*А. Г.*).[17]

Население этой области по своему этническому составу было сложным. Здесь несомненно была греческая колония, связанная с портом и находившейся в городе архиепископской кафедрой, о чем красноречиво свидетельствует греческая надпись 1078 г., упоминающая строителя монастыря монаха Иоанникия.[18] Была здесь также и русская колония, связанная с княжеским двором, дружиной, княжеской администрацией и портом. О размерах русской колонии и ее положении в социальной и культурой жизни области свидетельствуют памятники русского языка, происходящие из Тмуторокани, и в первую очередь надпись Глеба Святославича.[19] Ее идеологическим центром с начала 60-х годов XI в. стал монастырь, основанный монахом Киево-Печерского монастыря Никоном, крупным церковным и политическим деятелем, одним из основоположников русского летописания.[20]

Однако основную массу населения Тмуторокани составляли представители двух этнических общностей, обитавших в низовьях Кубани еще в период существования Хазарского каганата: потомки хазаро-булгарских родов, носителей салтово-маяцкой культуры, выступающие в русской летописи под этнонимом «козары», и активно продвигающиеся в дельту Кубани со второй половины X в. выходцы из адыгских родоплеменных объединений, называемые в византийских источниках зихами, а в русских — касогами. Южными островами дельты зихи владели уже в середине X в., как об этом свидетельствует Константин Багрянородный,[21] но к 70-м годам, после похода Святослава на Северный Кавказ и крушения каганата, приток зихских групп в окрестности Тмуторокани настолько усилился, что сюда из древнего зихского центра Никопсиса была перенесена епископская кафедра, которая одновременно была повышена в ранге и стала именоваться архиепископией «Матрахи или же Зихии».[22] О значительности зихской миграции в город свидетельствуют также и археологические данные: со второй половины X в. заметно изменился облик керамики, употреблявшейся его жителями в быту.[23] Отмечая это, не следует все же преувеличивать роль зихского компонента во всех сферах жизни Тмуторокани — порт города, его торговля и управление его общиной еще долго, во всяком случае до начала 80-х годов XI в., оставались в руках «козар». Не случайно Идриси в середине XII в., компилируя различные сведения о путях, ведущих в Матраху, ни разу не упоминает область Зихию. Это можно объяснить только тем, что его информаторы не имели с зихами прямых контактов. Все северо-западное побережье Кавказа им представлялось частью одного этнополитического массива— Хазарии.[24]

Зихское (адыгское) население Матрахи (Тмуторокани) и городской округи вряд ли можно отождествлять с адыгскими родоплеменными общностями, обитавшими за пределами Кубанской дельты, в коренной Зихии. Как свидетельствуют источники XVII—XIX вв., адыгское население Тамани традиционно выделялось из числа других адыгских объединений и рассматривалось как обособленная группа смешанного происхождения — «адале» (островитяне).[25] В тексте печати архонта Михаила зихи Таманского полуострова полностью поглощаются этнотопонимом Матраха. Область же Зихия, на которую, также как и на Матраху, претендует Михаил, лежала за пределами дельты и простиралась на юг до реки Нечепсухо, откуда начиналась территория Абхазского царства, и на восток до реки Лабы, где зихи граничили с Аланией.

Константин Багрянородный за пределами приморской Зихии, или собственно Зихии, называет еще две адыгских области — Папатию и Касахию, из которых первая им определенно включается в состав Зихии.[26] Касахия, самая восточная, пограничная с Аланией область адыгов в этническом отношении, видимо, также мало отличалась от заселенных зихами приморских районов. Еврейско-хазарские, арабские, персидские, русские источники и современная осетинская этническая номенклатура термином кашаг-касаг-касог-каса обозначают весь адыгский массив северо-западного Кавказа, включая и те группы адыгов, которые населяли Тамань и побережье.[27] Распространение термина «Зихия» на все группы адыгской этнолингвистической общности может быть объяснено тем, что гре-

[16] Недков Б. България и съседните й земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 101.

[17] Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 302.

[18] Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Тмуторокани // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 74—84.

[19] Гадло А. В. Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья // СА. 1965. 2. С. 217—224.

[20] Лихачев Д. С. Повесть временных лет: Историко-литературный очерк // ПВЛ. Т. 2. С. 56—57, 84—95.

[21] Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 302.

[22] Мошин В. А. Николай епископ Тмутараканский // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1932. T. V. P. 53.

[23] Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1963. С. 68—70.

[24] Недков Б. България и съседните й земи... С. 93.

[25] Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974. С. 21—22.

[26] Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 302, 320.

[27] **Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа** IV—X вв. Л., 1979. С. 194.

ки в прибрежных, доступных им районах северо-западного Кавказа впервые столкнулись именно с зихской племенной группой, которая ранее других приняла христианство и, по-видимому, опережала другие группы в своем социально-политическом развитии. Вместе с тем, из данных, которыми располагал Константин Багрянородный, и грузинской традиции следует, что в IX или первой половине X в. собственно зихская общность утратила свое ведущее положение настолько, что даже часть ее древней территории была включена в состав Абхазского царства, а племенной и религиозный центр Никопсис стал пограничным городом.[28] В этот период возросло политическое значение восточных групп — собствено касогов. Ал-Масуди в середине X в. писал, что кашаги (касоги) представляют одну из наиболее сильных общностей Кавказа, но политически разрознены и не имеют общего «царя».[29] Однако к началу XI в. центростремительные тенденции внутри адыгского этнолингвистического массива, по-видимому, взял верх, о чем может свидетельствовать тот факт, что борьба с Тмутороканским княжеством в это время, согласно Повести временных лет, велась уже объединенными силами касогов (зихов) под предводительством одного вождя, представлявшего всю касожско-зихскую землю.[30]

Называя себя архонтом Зихии, владелец печати Михаил утверждал, таким образом, свой соверенитет над всей адыгской общностью, а не только над той локальной группой адыгов, которая обитала в окрестностях его резиденции Матрахи. В конкретных условиях середины — второй половины XI в. ни один византийский чиновник позволить себе это в официальном документе, каким является булла, разумеется, не мог. Это мог себе позволить и имел на это основание только действительный соверен этой общности. Но, согласно тексту печати, таковым являлся никто иной, как реальный правитель Матрахи — Тмуторокани. И, следовательно, им мог быть только представитель русского княжеского дома, причем не второстепенное лицо — посадник, наместник, а именно князь.

Повесть временных лет, в которой посвященные Тмуторокани разделы несут на себе следы столь близкого знакомства с тмутороканской действительностью, что их авторство давно и вполне обоснованно приписывается Никону,[31] сохранила достоверные свидетельства о вассальной зависимости адыгов (касогов, зихов) от русского князя, владевшего Тмутороканью. Тмутороканский князь взимал с касогов дань,[32] в помощь ему ка-

[28] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959.
[29] Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 205.
[30] ПВЛ. Т. 1. С. 99.
[31] Лихачев Д. С. Повесть временных лет. С. 84—95.
[32] ПВЛ. Т. 1. С. 99 (1022 г.), 111 (1066 г.).

сожские общины выставляли дружины воинов, которые участвовали не только в ближних, но и в весьма дальних походах, в том числе в походах в Поднепровье.[33] Обстоятельства, при которых была установлена эта зависимость, Повесть временных лет указывает вполне определенно. Это война с касожским объединением, которую вел Мстислав, посаженный в Тмуторокани Владимиром в качестве удельного князя-наместника. В летописи рассказ об этой войне является интерполяцией, включенной в текст Древнейшего свода под 1022 г.[34] Однако описанные в нем события не могут быть датированы так определенно. Рассказ о войне с касогами введен в текст для пояснения событий, изложенных в нижеследующих статьях, повествующих о внезапном появлении в 1023 г. Мьстислава на Руси и его борьбе с Ярославом, затянувшейся до 1026 г.[35] Единственным ориентиром для установления времени, когда проходила эта война, являются слова летописца, вводящие рассказ о ней в текст: «В си же времена Мстиславу сущю Тмуторокани. . .».[36] Их надо понимать, в соответствии с общим ходом повествования, как указание на период братоубийственной войны, происходившей на Руси после смерти Владимира, т. е. 1015—1019 гг. Причем, учитывая, что в 1015 г. в ближайших к Тмуторокани районах Крыма произошло выступление против империи, в подавлении которого в 1016 г. наряду с византийскими войсками и флотом участвовали русские дружины,[37] период войны Мстислава с касогами может быть отнесен к концу 1016—1019 гг., а сама война — резкое обострение отношений между русским князем-наместником в Тмутороканской области и ее касожско-зихской периферией — поставлена в связь с этими событиями.

Основанием для летописного рассказа об этой войне послужила посвященная Мстиславу баллада, сочиненная Бояном, придворным певцом Святослава Ярославича Черниговского, как об этом свидетельствует автор «Слова о полку Игореве» в XII в.,[38] и жившие еще в период пребывания Никона в Тмуторокани воспоминания о ней, которые поддерживались клиром построенного Мстиславом после этой войны обетного храма Богородицы.[39] Эта война, как следует из летописного рассказа, представляла не рядовой набег дружины князя на соседние области с целью грабежа и захвата пленных, а крупную политическую акцию, в итоге которой должен был решиться

[33] Там же. С. 99 (1023 г., 1024 г.).
[34] Там же. (1022 г.).
[35] Там же. С. 100 (1026 г.).
[36] Там же. С. 99 (1022 г.).
[37] Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. 1971. № 23(86). С. 68.
[38] Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 175—187.
[39] ПВЛ. Т. 1. С. 99 (1022 г.).

вопрос о главенстве над касожско-зихским объединением. Нельзя забывать о том, что Мстислав, будучи тмутороканским князем, был и главой адыгских групп, оседавших, как отмечено выше, в городе и его ближайшей округе, и светским главой находившейся в городе зихской епархии. Поэтому ставший кульминацией этой войны личный поединок Мстислава и «князя касожского» Редеди, который происходил, по словам источников, открыто «пред пълкы касожьскыми», после заключения между обоими соперниками договора, предполагавшего неминуемую смерть одного из них и полное наследование другим его политической власти, личного имущества и семьи («Да аще одолееши..., то возмеши именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли аз одолею, то възму твое все.»[40]), следует рассматривать как акт ритуальной передачи верховной власти над всем касожско-зихским объединением, как решение вопроса о власти путем «божьего суда».[41] При такой трактовке поединка становятся понятны и его особые условия, оговоренные вождем касогов, — единоборство без оружия, и обращение Мстислава к высшим силам — Богородице, и финал — убийство Мстиславом поверженного соперника («И вынзе ножь, и зареза Редедю»[42]), снискавший Мстиславу в дружинной среде прозвище Храбрый,[43] в посадской — Удалой,[44] а в церковно-монастырской — Лютый.[45] Чтобы принять на себя функции главы касожской общности, Мстислав должен был пролить кровь врага, присвоить себе его силу и обезопасить себя от мести его духа. Аналогичный финал поединка двух богатырей мы встречаем в былинах, особенно в былинах об Илье и Сокольнике:

«Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил его на сыру землю.
Он вытащил ножичок булатныей,
Возорвал его латы железные,
А хотел он р е з а т ь да груди черные,
А смотреть да его ретиво сердцо...»,[46]

в вариантах которой герой поступает еще более жестоко: «порет», «пластает» грудь врага и «мешает его кровь с печенью», а иногда после этого и отрубает ему голову.[47]

Как следует из летописного рассказа, полученные Мстиславом в результате поединка с Редедей права на соверенитет

[40] Там же.
[41] Ф р э з е р Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 299—332.
[42] ПВЛ. Т. 1. С. 99 (1022 г.).
[43] С л о в о о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 9.
[44] П о л н о е собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IX—X. Патриаршая или Никоновская летопись. М.; Л., 1962. С. 77.
[45] П а т е р и к Киево-Печерского монастыря. С. 3.
[46] Б ы л и н ы Печоры и Зимнего берега: Новые записи // Памятники русского фольклора / Под ред. А. М. Астаховой и др. М.; Л., 1961. С. 161.
[47] П е с н и, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1909.

были им немедленно закреплены. Он двинулся «в землю его» (Редеди), т. е. на территорию той родоплеменной группы, с которой Редедя был связан родственными отношениями, и, взяв принадлежавшее лично ему имущество («именье его») и пленив его семью («и жену его и дети его»), которая теперь становилась залогом верности родов, лично связанных с погибшим предводителем, возвратился в Тмуторокань. В целом же касожская (адыгская) общность была обложена данью — «и дань възложи на касогы», — тем самым выполнялся тот пункт заключенного перед поединком договора, который предусматривал присвоение победителем «земли» побежденного («...то возмеши ... землю мою»). Не была забыта Мстиславом также и необходимость идеологического закрепления его нового политического статуса — победа над Редедей была приписана помощи высших сил и в память об этом была заложена церковь Богородицы, построение которой, несомненно, было шагом, направленным на укрепление отношений русского князя, ставшего касожско-зихским совереном, и местной греческой епархии.

Печать архонта Михаила свидетельствует о том, что за время, прошедшее со времени княжения в Тмуторокани Мстислава, соверенные права русского князя на Зихию не исчезли, но, вместе с тем, она свидетельствует также и о том, что его претензии за это время значительно возросли. Комментируя текст печати, А. В. Соловьев, а за ним и А. Л. Монгайт, критиковали Н. Бэнеску за то, что он очерчивал пределы Хазарии XI века, на которую претендовал Михаил, по данным о Хазарском каганате X века.[48] По их представлениям, текст печати имеет в виду только территорию Восточного Крыма, который именовался Хазарией (Газарией) европейскими путешественниками XIII—XV вв. Отчасти с этой критикой можно согласиться: судя по данным об антивизантийском выступлении, охватившем Крым в 1015—1016 гг. (так называемое восстание Георгия Цулы), в Византии стали именовать Крым Хазарией уже на рубеже X—XI вв.[49] Однако Н. Бэнеску в этом вопросе, видимо, был ближе к сути источника, поскольку определение «всей» (πάσης) к слову «Хазария» [Χαζαρίας] прямо указывает на то, что автор текста вкладывал в него не узколокальное, а широкое значение.

В византийской номенклатуре государственных чинов и титулатуры иноземных правителей, на которую, несомненно, ориентировался автор текста печати, титул «архонт всей Хазарии» должен был соответствовать титулу «каган». В источниках можно привести немало примеров наименования кагана хазар архонтом.[50] Следовательно, архонт Михаил, вводя в свою титулатуру упоминание о «всей Хазарии», имел в виду отнюдь не

[48] М о н г а й т А. Л. О границах Тмутараканского княжества... С. 59.
[49] С о к о л о в а И. В. Печати Георгия Цулы... С. 68.
[50] К о н с т а н т и н Багрянородный. Об управлении империей. С. 298.

тмутороканских «козар», а подчеркивал свои права на принадлежавшие каганату земли, включая и саму Тмуторокань, и подвластную ему Зихию, и соседнюю с Касахией Аланию, и Азово-Каспийский водный путь, у порога которого стояла Тмуторокань, и пути вдоль Кавказа на восток в Прикаспийские страны, куда в первой трети XI в. проходили русские дружины, и даже входившие в состав империи Херсон, Горный Крым и города Южного берега. Вместе с тем, он подчеркивал свое исключительное положение, как владетель, независимый и от империи и от Киева. На Руси титул кагана в своем полном значении стал употребляться после похода Святослава 964—966 гг., когда сам каганат был разгромлен и вассальные по отношению к нему земли вошли в сферу политических интересов Руси.[51] Каганами именовали только великих киевских князей Владимира и Ярослава и некоторых сыновей последнего. «Слово о полку Игореве» свидетельствует, что каганом именовался — так можно понимать текст — и Олег Святославич. Права ему на этот титул несомненно давали два обстоятельства — то, что он был тмутороканским князем, и следовательно, как и Михаил, был реальным владетелем наследия каганата, и его прямое родство с каганами киевскими. Не последнюю роль в том, что Олег именовался необычным и исключительно высоким для удельных князей титулом, сыграли и его необычная судьба, и его исключительно деятельный характер. Текст изучаемой нами печати показывает, что ее владелец во многих отношениях был подобен Олегу и обладал достаточной энергией, независимостью и политической зрелостью, как и Олег стремился к власти и преумножению своих владений, причем эта страсть в нем была столь велика, что он, в отличие от Олега, покинул Русь и попытался навсегда связать себя с Тмутороканью, далекой периферией Руси. Сопоставление текста печати с летописными свидетельствами о Тмутороканском княжестве приводит к выводу о том, что среди всех известных его владетелей XI — начала XII в. подобными качествами обладал, кроме Олега, еще только один — Ростислав, бывший князем в Тмуторокани сравнительно короткое время, но оставивший по себе яркую память на страницах Повести временных лет.

Сведения об этом князе сохранились в летописи только благодаря Никону, который был свидетелем его княжения в Тмуторокани. По-видимому, в своде Никона их было больше и они были подробнее, однако при редактировании текста они были изъяты (в материалах, которыми располагал В. Н. Татищев, о Ростиславе имеются сведения, отсутствующие во всех известных ныне летописных сводах). Так, исчезли данные о дотмутороканском периоде жизни Ростислава. Связано это, вероятнее

[51] Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.

всего, с тем, что для всех патронов летописания, потомков Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей, Ростислав был одиозной фигурой, причем особенно нежелательными для запечатления в летописи оказались годы его княжения на Руси. Объяснение этому находится достаточно просто: Ростислав был сыном старшего Ярославича — Владимира, умершего в 1052 г., за два года до смерти Ярослава, и соответственно он был старшим в роде Рюриковичей. Но при дележе наследства Ярослава он дядьями своими был обойден. Новгород, где оставался после смерти своего отца Ростислав, в 1055 г. был отобран у него Изяславом, который стал Киевским князем, а он был оставлен без стола. Только в 1057 г., по данным В. Н. Татищева,[52] он был посажен во Владимир на Волыни, в область, с которой в конце XI — начале XII в. были связаны судьбы трех его сыновей Рюрика, Володаря и Василько. Единственным свидетельством политической активности Ростислава в это время может служить тот факт, что, оказавшись на Волыни, он немедленно вступает в союз с венгерским королевским домом и женится на венгерской принцессе. Этот брак вряд ли мог получить одобрение старших Ярославичей, и Ростислав за него, по всей вероятности, был подвергнут каким-то репрессиям, которые в конечном счете вынудили его бежать в Тмуторокань. Семья же его, по свидетельству В. Н. Татищева, который ссылается на так называемую Раскольничью летопись,[53] оказалась в руках Изяслава. Через несколько лет, уже после смерти Ростислава, Изяслав разрешил его жене уехать на родину, но оставил на Руси его сыновей.

Согласно Повести временных лет Ростислав появился в Тмуторокани («бежа... Тмутороканю») в 1064 г., однако летописный текст статей, помещенных в летописи под 1064 и 1065 гг. в сопоставлении с данными В. Н. Татищева дает основания думать, что это произошло несколько ранее, вероятнее всего, в 1061 или 1062 г. Никоновская летопись сообщает, что он бежал из Новгорода.[54] Это сообщение очень существенно, так как вместе с ним в Тмуторокани появились сын новгородского посадника Остромира Вышата, известный на Руси полководец, которому принадлежало командование войсками во время похода 1043 г. на Константинополь, проходившего под верховным главенством отца Ростислава Владимира Ярославича, и Порей, о котором известно, что он был одним из киевских воевод в сражении с половцами на Сожице в 1078 г.[55] На этом основании можно полагать, что Ростислав, прежде чем уйти в Тмуторокань, сделал попытку вернуться в Новгород, где он про-

[52] Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 82—84.

[53] Там же. С. 246.

[54] ПСРЛ. Т. IX—X. С. 92.

[55] ПВЛ. Т. 1. С. 110; Т. 2. С. 393—394.

вел детство и с которым он видимо был связан, но попытка эта потерпела неудачу. Он сам и его новогородские сторонники, причем из числа самой высшей новгородской аристократии (Вышата — потомок Добрыни, дяди Владимира), были вынуждены искать убежища за пределами Руси.

Почему новгородские мятежники во главе с Ростиславом бежали именно в Тмуторокань и как было осуществлено это бегство, неясно. Однако приходится допустить, что появление Ростислава в Тмуторокани не было случайностью. Вряд ли он привел сюда из Новгорода значительное войско, но дальнейшие события показывают, что он располагал достаточно крупными силами. Очевидно, ему была оказана серьезная поддержка на месте, настолько серьезная, что он изгнал «сидевшего» здесь сына Святослава Черниговского Глеба и, по словам летописи, «сам седе в него место».[56] Мало того, когда через некоторое время (Повесть временных лет сообщает об этом под следующим 1065 г.[57]) в Тмуторокани появился отец Глеба Святослав Ярославич, Ростислав, хотя и отступил из города, но сделал это не потому, что «убоявъся его», а из чисто тактических соображений. Вновь посаженный в Тмуторокани Глеб был изгнан Ростиславом сразу же, как только удалились войска Святослава. На свое княжение Глеб вернулся уже только после смерти Ростислава в 1067 г.

Никон, нашедший приют в Тмуторокани и начавший там строительство своего монастыря в период первого правления Глеба, дает Ростиславу краткую, но лестную характеристику: «...Мужь добль, ратен, взрастомь же леп и красен лицемь, и милостивъ убогым», которая рисует образ князя-рыцаря, преисполненного христианской добродетели. Вместе с этим он также кратко и четко определяет главные черты его недолгого правления: «...емлющю дань у касог и инех стран, сего же убоявшеся грьци...»,[58] которые позволяют вскрыть такую же картину взаимоотношений правителя Тмуторокани и окружающих ее земель, какая вскрывается на основании текста печати архонта Михаила. Ростислав в результате анализа его характеристик и поступков, описанных в летописи, предстает искусным дипломатом, умеющим снискать популярность правителем решительным и одновременно осторожным военачальником. Его взаимоотношения с Зихией (касогами) выражаются в получении от них постоянной дани («емлющю»), которая рассматривается как подать их соверену. Одновременно он, несмотря на весьма краткий срок правления, находит способы для включения в орбиту тмутороканской политики и «инех стран», которые вряд ли могли быть какими-то отдаленными территориями и не совпадали с землями, некогда вассальными по отношению к каганату. В. Н. Татищев среди данников Ростислава называет «яс»,[59] т. е. алан, а «тмутороканский камень», надпись на котором сделана через год после смерти Ростислава его соперником Глебом, является важным свидетельством того, что Керченская сторона пролива, т. е. собственно Крымская Хазария, уже была включена в состав Тмутороканского владения.

Все это, естественно, не могло не вызвать беспокойства в Византии, и Ростислав был отравлен.[60] Смерть Ростислава описана в летописи исключительно подробно. В ней Никон, видимо не без основания, прямо обвиняет греческого «котопана», всыпавшего «в чашю» князя медленно действующий яд. В этом «котопане» некоторые исследователи склонны видеть херсонского стратига и, таким образом, считать, что действия Ростислава были опасны исключительно для Херсона.[61] Однако очень сомнительно, чтобы стратиг Херсона выполнял столь деликатное дело. Котопан — это специальный посол империи, посланный к Ростиславу, как говорит летописец, «с лестью», который, не выполнив своего основного поручения и убедившись в опасности Ростислава для византийской политики, пошел на крайнюю меру — убийство. Дальнейший рассказ о судьбе котопана — он был забит камнями жителями Херсона (Корсуня), узнавшими о совершенном преступлении, — подтверждает это. Ярость херсонитов, погубившая его, — это не месть за смерть русского князя, как справедливо отмечал А. Л. Якобсон,[62] а выступление против политики центра империи, стремившегося, по всей вероятности, втянуть херсонитов в какие-то действия, направленные против Тмуторокани, сразу же после смерти ее правителя. Расчет представителя империи, как показывают дальнейшие события, в основном был правильным. Им не были учтены только антиправительственные настроения местного греческого населения, тесно связанного и с Русью и с Тмутороканью.

В Тмуторокани смерть Ростислава, несомненно, вызвала внутренние волнения, которые привели к обращению ее жителей к Святославу с просьбой вновь отпустить к ним на княжение Глеба и его возвращению на берега пролива. Русские княжества не приняли тело беглеца Ростислава, и он был погребен в церкви, построенной Мстиславом, что, по-видимому, должно было подчеркнуть его преемственность от первого тмутороканского князя. Тот факт, что он не был погребен в русском мона-

56 Там же. Т. 1. С. 110 (1064 г.).
57 Там же (1065 г.).
58 Там же. С. 111 (1066 г.).
59 Татищев В. Н. История Российская. С. 83.
60 ПВЛ. Т. 1. С. 111 (1066 г.).
61 Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 96—97; Ср.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 403—404.
62 Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. № 17. 1950. С. 20—23.

стыре Никона, также знаменателен. Это признак того, что в Тмуторокани он был связан с местной зихской епархией, которая поддерживала его при жизни и надеялась использовать его имя и после смерти. О большой популярности Ростислава в Тмуторокани говорит тот факт, что через 15 лет после его смерти тмутороканцы так же, как и в начале 60-х годов Ростиславу, оказали поддержку его сыну Володарю, который был оттуда изгнан только с помощью греческих наемников Олега Святославича.

Значительная политическая роль местных сил отчетливо проявляется как в истории вокняжения Ростислава, так и в событиях, последовавших за его смертью. Обращение к Святославу и Глебу после вторичного изгнания последнего несомненно было мерой вынужденной и крайней. Не случайно, как сообщает Киево-Печерский патерик, миссию в Чернигов возглавил Никон[63] — лицо в Тмуторокани и на Руси известное и, видимо, не замешанное в событиях 1064—1065 гг. Он, по выражению источника, был «умолен» тмутороканскими людьми «идти в Коноссу» к черниговскому князю. Рассматривая изложенные здесь события, М. И. Артамонов верно, на наш взгляд, отметил проявившуюся в них борьбу двух партий в Тмуторокани, которые выражали две политические линии ее социальных верхов: «козарской», которая поддерживала Ростислава, и «черниговской», которая стояла за союз со Святославом.[64] К этому наблюдению М. И. Артамонова следовало бы добавить только то, что обе партии были ориентированы на русскую княжескую династию, но на различные ее ветви.

Мы не знаем, когда «черниговская» партия взяла верх в Тмуторокани, но четко можем представить себе связи Тмуторокани с Черниговом на протяжении почти целого столетия. До бегства Ростислава в Тмуторокань, как было отмечено выше, на Тмутороканском столе сидел Глеб Святославич, а верховным сувереном области, судя по всему, являлся Святослав Ярославич, который получил Тмуторокань, вероятнее всего, вместе с Черниговом по завещанию Ярослава в 1054 г. Его права на тмутороканский стол как черниговского князя освящались тем, что основатель княжества и первый соверен Тмуторокани Мстислав в 1023—1026 гг. объединил Тмуторокань с Черниговом, перенеся в Чернигов свой стол, но посадив вместо себя в Тмуторокани своего сына Евстафия, который, по материалам В. Н. Татищева, там же и умер в 1033 г.[65] Святослав исключительно дорожил Тмутороканью и именно этим объясняется его поход на Ростислава через степи, несмотря на реально нависшую над южной Русью половецкую угрозу.

[63] Патерик Киево-Печерского монастыря. С. 28.
[64] Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 442.
[65] Татищев В. Н. История Российская. С. 77.

Глеб княжил в Тмуторокани до 1073 г., когда ставший киевским князем Святослав перевел его, как старшего сына, в Новгород. На его место в Тмуторокань был отправлен Роман Святославич, продержавшийся там до своей смерти в 1079 г. Предпринятая тогда же попытка Олега Святославича сесть на стол своих братьев не удалась. Население Тмуторокани — «козары» — подняли мятеж и, арестовав его, передали представителям империи. По данным летописи, Роман также пал — он был убит половцами, изменившими ему, во время похода на Переяславское княжество, вследствие происков тмутороканских «козар». Именно эти «козары» были и основными противниками Олега в его намерении после четырехлетнего плена вернуться на княжение. Только после расправы с этой группировкой («исече козары») Олег обосновался в Тмуторокани, где провел почти десять лет с 1083 по 1094 г. и, видимо, оставался ее совереном дальше, до смерти, передав княжение братьям и старшему сыну Всеволоду.[66]

Если к этим событиям прибавить явную поддержку, оказанную жителями Тмуторокани Ростиславу в 1064 и 1065 годах, и тот переворот, в результате которого Тмуторокань была захвачена Володарем Ростиславичем и был свергнут посаженный в Тмуторокани Всеволодом Ярославичем наместник Ратибор, то политическая активность «козарской» партии и ее противодействие «черниговцам» станут совершенно явными. При этом важно заметить, что «козары» в равной степени не поддерживали и линию на сближение с переяславльским князем. Попытка Всеволода прибрать Тмуторокань к рукам после пленения Олега, посадив там Ратибора — одного из наиболее крупных деятелей своего княжества, не имела успеха. Только Ростислав и его потомство принимаются «козарской» группировкой и только они, лишенные подобающего им по старшинству в роде места на Руси, оказываются желательными правителями Тмуторокани. Очевидно именно в этом — в независимости и самостоятельности при исключительно высоком положении в династической «табели о рангах»—тмутороканские «козары» видели притягательность потомства Владимира Ярославича.

Однако, конечно, не этим определялось существо политической линии этой партии. Она определялась той конкретной исторической ситуацией, которая складывалась вокруг Тмуторокани начиная с середины XI в. Над независимостью политической, а следовательно и торговой автономией, которыми пользовалась до этого Тмуторокань, нависла угроза. В середине XI в. византийские чиновники укрепляют и отстраивают Херсон, объединяя его административно с Сугдеей (Судак),[67] тем самым взяв в свои руки контроль за каботажным плаванием

[66] Там же. С. 138—139 (1127 г.).
[67] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес... С. 18.

из Руси, из Днепровского устья в Керченский пролив. На юге Византия захватила Анакопию, старый центр Абхазского царства[68] и, вероятно, начала антитмутороканскую пропаганду среди южных групп адыгов, исподволь готовя отрыв от Тмутороканн зихско-касожских князей. На востоке Аланское царство достигает наивысшей точки своего развития и устанавливает исключительно тесные связи с Грузией (Абхазско-Грузинским царством) и Византией.[69] Наконец, на севере появление половцев (1055 г.) становится прямой угрозой существованию и столь важного для Тмуторокани Волго-Донского пути и столь необходимой связи с Поднепровским Левобережьем и Подоньем. В этих условиях Тмуторокани, несомненно, нужен был и международный авторитет и сильная рука, но самое главное, вероятно, все-таки в том, что социальным верхам города, которыми, по всей вероятности, и являлись «козары», надо было сохранить внутри его общины те материальные ресурсы, которые поступали к ней от торговли и от связей с зихско-касожским окружением (дань). В новых политических условиях верхи города не могли мириться с тем, что часть его богатств перекачивается в Чернигов, и как только умер Святослав, а тмутороканский Святославич Роман попытался вместе со своими родственниками и нанятыми им половцами вмешаться во внутрирусские дела, они открыто восстали. Восстание 1079 г. — это по существу повторение мятежа, поднятого в начале 60-х годов и приведшего на тмутороканский стол Ростислава, обещавшего городу и его окружению свободу от черниговской зависимости и восстановление того значения, которое он имел в Хазарском каганате.

Чьи же интересы представляла в Тмуторокани «черниговская» партия? Вряд ли будет правильным полагать, что она опиралась на этнически иное население города и округи, по сравнению с партией «козарской». Вероятнее всего это были такие же обитатели города и его округи, что и сторонники противоположной группировки, но нашедшие в новой политической ситуации выгодные для себя пути эксплуатации черниговско-тмутороканских связей. Можно думать, что это были сторонники тесных контактов Тмуторокани с половцами, к которым первыми из русских князей перешли именно тмутороканские Святославичи. В союзе своих князей с половцами они видели возможность сохранить за Тмутороканью то значение «окна» в Средиземноморье, которое она имела в эпоху каганата и на рубеже X—XI вв. Однако для черниговских князей в конце XI — начале XII в. Тмуторокань уже не представляла той ценности, какую она имела в начале XI в. Олег, просидев в ней целое десятилетие, немедленно вторгается в борьбу за свои династические права на Руси, как только для этого настает удобный момент. Правда, его политика внутри Тмуторокани была направлена на укрепление ее независимости, хотя и не за счет русских интересов князя. В период его княжения в Тмуторокани во главе греческой зихской епархии, не подчиненной Киевской митрополии, появляется русский епископ, ставленник Киево-Печерского монастыря[70] и начинают чеканиться денежные знаки с русской надписью и приближенным к южнорусской весовой системе номиналом.[71] Эта явно русофильская политика внутри княжества может рассматриваться как еще один аргумент против попытки приписать Олегу печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии.

Возвращаясь к этому источнику, мы должны еще раз попытаться найти данные о христианском имени Ростислава, поскольку принадлежность крестного имени Михаил Олегу в настоящее время является наиболее сильным аргументом тех исследователей, которые приписывают печать этому князю. В. Л. Янин, не найдя этих данных, высказал предположение, что Ростислав носил христианское имя Георгий и что ряд неатрибутированных печатей середины XI — начала XII в. с этим именем могут принадлежать ему.[72] Однако он прошел мимо абсолютно определенного свидетельства, сохранившегося в «Истории Российской» В. Н. Татищева, где под 1038 г., ниже известия о походе Ярослава на ятвягов, которое, кстати, дается более полно, чем в Повести временных лет, имеется заметка: «Того же лета родился Владимиру Ярославичу сын Ростислав, а при кресчении назван Михаил (разрядка моя. — *А. Г.*)».[73]

Откуда В. Н. Татищев получил это свидетельство, сказать трудно, но выше мы отмечали, что он располагал значительно большей информацией о Ростиславе, чем ее сохранилось в известных в наши дни летописных сводах. Возможно, он почерпнул ее из свода, который он называл Раскольничьим, где, как можно судить по его комментариям, имелся целый ряд материалов, не встречающихся в других древнерусских письменных памятниках. В частности оттуда он, по его словам, взял сведения и о жене Ростислава и о ее желании после его смерти уехать с детьми в Венгрию.[74]

Не исключено, что сведения В. Н. Татищева о Ростиславе

[68] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 180—181.

[69] Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 29—31.

[70] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 153; см. также: Мошин В. А. Николай епископ Тмутараканский.

[71] Молчанов А. А. 1) Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. 1982. 3; 2) Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. 1982. 1. С. 251—254.

[72] Янин В. Л. Актовые печати... С. 24, 30.

[73] Татищев В. Н. История Российская. С. 78.

[74] Там же. С. 246.

имеют новгородский первоисточник. Данные о его рождении, а может быть и какие-то данные о биографии вполне могли сохраниться в Софийском соборе, где был погребен его отец. Во всяком случае, нельзя пройти мимо того факта, что более пространный рассказ о походе Ярослава на ятвягов, который соседствует с заметкой о рождении Ростислава у В. Н. Татищева, встречается только в сводах, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в.[75]

Косвенным подтверждением достоверности известия В. Н. Татищева о крестном имени Ростислава может служить тот факт, что, согласно материалам, приводимым В. Л. Яниным о княжеских именах XII — начала XIII в., абсолютное большинство князей, чьи имена достоверно известны, носивших княжеское имя Ростислав, при крещении получали имя Михаил.[76]

Нельзя пройти также и мимо следующего факта. Когда у младшего Ярославича Всеволода в 1070 г. родился второй сын, он был назван Ростиславом, причем это был второй княжич в потомстве Ярослава, которому было дано такое имя. Тогда же, т. е. в непосредственной связи с рождением этого сына, Всеволод заложил в своем Андреевском монастыре (крестное имя Всеволода — Андрей) церковь во имя архангела Михаила.[77]

Имя Михаил Ростиславу, видимо, также было дано не случайно. Это было имя правившего в Византии императора — Михаила IV (1034—1041). Ростислав родился в период интенсивных церковно-политических контактов Ярослава с империей, которые завершились появлением в Киеве митрополита Феопемпта.[78] Вряд ли киевского князя в этот момент не занимала судьба новорожденного — Ростиславу предстояло стать старейшиной русских князей, поскольку он был первым внуком Ярослава. Если учесть, что за два года до его рождения скончался, не оставив потомства, Мстислав, кстати, носивший имя Константин, также данное ему в честь императора Византии Константина VIII, то можно, на основании всего вышеизложенного, с достаточным основанием допустить, что Ярослав прочил Ростислава-Михаила на освободившийся Тмутороканско-Черниговский удел. Во всяком случае мы знаем, что пока был жив Ярослав, Тмуторокань не имела князя, а составляя завещание, он по непонятной, на первый взгляд, причине обошел молчанием сына своего рано умершего наследника Владимира, которому он, судя по его назначению на Новгородский стол, доверял и к которому испытывал расположение.

[75] Лихачев Д. С. Повесть временных лет: Историко-литературный очерк. С. 392.

[76] Янин В. Л. Актовые печати... С. 91. Табл. А, с. 125. Табл. В. с. 115, 118.

[77] ПВЛ. Т. 1. С. 116 (1070 г.).

[78] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси... С. 77—82.

Последние соображения, разумеется, имеют чисто гипотетический характер, но, тем не менее, ими вполне удовлетворительно объясняется и внезапное появление Ростислава в далекой от его вотчины Тмуторокани, и его успешная борьба за тмутороканский стол, и напугавшая империю активность его политики на ее северо-восточных границах, и стремление Святославичей вытеснить род Ростислава из Тмуторокани, куда он явно стремился, и те исключительно масштабные амбиции, о которых он заявлял в своей титулатуре на печатях.

Г. Л. КУРБАТОВ

ВИЗАНТИЯ И РУСЬ В IX—X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений)

Работа М. В. Левченко «Очерки по истории русско-византийских отношений»[1] была одним из первых в нашей историографии крупным исследованием, в котором была предпринята попытка органично и последовательно рассмотреть становление русско-византийских отношений на фоне и с учетом собственного внутреннего развития каждого из этих обществ, их объективных потребностей и интересов.[2] С тех пор исследователями был внесен немалый вклад в изучение различных аспектов русско-византийских отношений. Были уточнены и по-новому оценены некоторые узловые их этапы и события, существенно расширилась материальная база наших представлений об экономических отношениях Византии и Руси. В связи с прогрессом комплексного изучения развития древнерусского общества, его экономики, социальных отношений, города,[3] вероятно возможно говорить о созревании предпосылок для перехода к новому этапу изучения византийско-русских отношений с более глубоким учетом их реальной социально-экономической базы, ее динамики. Чем дальше, тем более отчетливое представление мы получаем о реальном объеме, масштабах тех экономических и социальных интересов и потребностей огромного региона от Скандинавии до Черного моря, которые объективно предопределяли динамику его отношений с Византией. Крупным шагом на этом пути явились работы, увязавшие общие тенденции социального развития и города Северо-Восточной Руси

[1] Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

[2] Зимин А. А., Курбатов Г. Л. [Рецензия] // ВВ. VIII. 1958. Рец. на кн.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений.

[3] Материалы и наиболее полную библиографию см.: Древняя Русь: Город, замок, село / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1985. См. также: Тезисы докладов советской делегации на V Международном Конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь, 1985 г.). М., 1985; Дубов И. В. Проблема возникновения городов на Руси по материалам отечественной археологии // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986 и др.

с общими процессами, происходившими на других территориях.[4] В своей совокупности они показали значение развития внешней, международной торговли на определенном качественно новом этапе становления древнерусских городов, роль X в. в их судьбах. Исследование Г. С. Лебедева, более органично подключив к системе этих связей Северную Европу, по существу, поставило вопрос о функционировании на определенном этапе достаточно единой системы коммуникаций, взаимосвязанных территорий, центров, институтов, опиравшихся на локальное развитие, обеспечивавших как местный обмен, так и, «многоступенчатым» путем, интересы дальнего международного обмена, системы, которая в определенной степени суммировала общий интерес и спрос огромного региона от Скандинавии до юга древнерусских земель к Византии.[5] Если динамика, эволюция его спроса в этом регионе более отчетливо вырисовывается в связи с учетом внутреннего развития входивших в него областей, то, видимо, еще в недостаточной мере приведены в соответствие с этими данными новейшие представления о том, чем могла «ответить» на спрос Византия IX—X вв.

Сложился некий традиционный образ Византии как страны, стабильно обладавшей неисчислимыми богатствами, огромным производственным потенциалом, извлекавшей огромные прибыли и доходы из посреднической торговли; образ страны с гигантским и непрерывно процветавшим производственным центром — Константинополем — Царьградом, которой огромный международный спрос давал исключительную возможность, не включаясь самостоятельно в дальнюю торговлю, получать огромные доходы от нее «на месте», искусственно поддерживать высокие цены на свои товары, а государству — не только извлекать из нее огромные выгоды, но и максимально превратить свои внешние экономические связи в активнейший инструмент политики. Этот образ Византии, во всяком случае для VIII—IX вв., заметно потускнел в свете новейших исследований по социально-экономической истории Византии, но историки Древней Руси не всегда в полной мере учитывают совокупное значение этих данных и поэтому, отчасти, переоценивают фактор и византийской дипломатии.[6]

Византинистов уже давно волнует проблема «безынициативности» византийского купечества, отсутствия у него тяги к включению в активную международную торговлю. Это выглядит особенно странным на фоне того подъема, который переживало константинопольское, византийское производство в X—XI вв.[7] Уже с конца X в. посредническая роль в торговле Византии с Западом твердо переходит к городам Италии. Объяснение этому часто ищут в том, что византийское купечество «отучилось» от активной торговли в результате того особого положения, которое страна занимала, как центр производства, в эпоху раннего средневековья. Огромный спрос на ее товары, изделия ремесла давал возможность продавать их «на месте», в самой Византии, Константинополе, диктовать свои условия, получать ту же прибыль, не обременяя себя затратами на организацию и осуществление дальней торговли, не подвергая себя риску, а византийское правительство в фискальных интересах и из соображений контроля стремилось сосредоточить всю международную торговлю в Константинополе. Не случайно в нашей литературе имела хождение формула об «избалованном монопольным положением» купечестве Константинополя. Если все это рассматривалось как определенная традиция и подоснова, то для X в. — эпохи подъема Константинополя — решающую роль в ослаблении позиций византийского купечества, по мнению ряда исследователей, сыграла усиливавшаяся государственная эксплуатация, ограничивавшая торговую прибыль, возможности накопления средств для расширения активного участия византийских купцов в международной торговле.[8] Все это в конечном счете привело к тому, что византийское купечество на Западе оказалось не в состоянии конкурировать с итальянским. Инициатива в активной средиземноморской торговле перешла к последнему. В нашей литературе длительное время преобладали представления об особой роли международной торговли в поддержании благополучия и особого значения городов и Византии.[9]

Однако обращают на себя внимание, применительно к раннесредневековой Византии, заключения О. Г. Большакова, сделанные на основании изучения развития городов Ближнего Востока, весьма резко расходящиеся с традиционными представлениями о роли международной торговли в сохранении и поддержании процветания раннесредневековых городов Ближнего Востока.[10] По его выводам «внешняя торговля не имела

---

[4] Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—X вв. Л., 1978; Дубов И. В. 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; 2) Города, величеством сияющие. Л., 1985.

[5] Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 267—268.

[6] Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980.

[7] Ducellier A. Le Drame de Byzance. Idéal et échec d'une société chrétienne. Paris, 1976. P. 104: "la classe marchande byzantin n'a jamais connu un véritable développement". Lopez R. S. An aristocracy of money in the Early Middle Ages // Speculum. 1953. 28.

[8] Сюзюмов М. Я. 1) Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. VIII. 1956; 2) Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. // ВВ. IV. 1951; 3) Византийская книга Эпарха. М., 1962. С. 34.

[9] Сюзюмов М. Я. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма: Автореф. докт. дис. Свердловск, 1953.

[10] Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. М., 1984.

для Ближнего Востока такого большого значения, какое ей иногда приписывают. Доходы от транзитной торговли необходимы были для покрытия пассивного торгового баланса с другими странами».[11] Несомненным достоинством цитируемого исследования, на наш взгляд, является убедительный показ автором того, что процветание раннесредневековых городов Ближнего Востока устойчиво зиждилось прежде всего на собственной внутренней основе. «В течение шести веков с момента арабского завоевания не произошло существенного изменения количества городов, общей и относительной численности городского населения».[12] Активная международная торговля арабов объясняется, в свете этих данных, прежде всего спросом самого мусульманского общества и, может быть, это частично и объясняет масштабы арабской международной торговли и собственную активность арабского купечества.[13] Как показывает уровень развития производства ближневосточных городов, его деятельность была обеспечена и соответствующими товарными возможностями.[14]

Материал раннесредневекового Ближнего Востока ставит и в отношении Византии вопрос: а не преувеличиваем ли мы действительную роль международной торговли в поддержании экономического благополучия ее городов и одновременно значения для государства возможности извлечения из нее доходов и степени его заинтересованности в них? Мы имеем в виду прежде всего эпоху до середины—конца IX в., когда действительно стал стремительно возрастать обмен между Востоком и Западом, его реальное экономическое значение. Весьма распространено представление о греко-римском и, соответственно, ранневизантийском обществе как преимущественно потребительском, для которого извлечение доходов из внешней торговли, а, соответственно, и государства не имело столь существенного значения по сравнению с задачами удовлетворения его собственных потребностей. Выдвижение на первый план фискальных интересов государства как такового иногда затеняет основной, социальный аспект его политики — задачи поддержания существующей системы социальных отношений. Это достаточно отчетливо выступает при рассмотрении политики ранневизантийского государства в отношении города.[15] С этой точки зрения мы не вправе, например, недооценивать создание в конце IV в. института навикуляриев — принудительных объединений судовладельцев, обеспеченных доходами от землевладения, как насильственной меры по поддержанию массового обмена, пришедшей на смену прежней «свободной» торговле. Если ранее создание и функционирование этого института связывалось преимущественно лишь с задачами обеспечения и снабжения Константинополя, то теперь более отчетливо выступает его общеимперская роль и значение.[16] Благополучие и относительное процветание судовладельцев-навикуляриев в Византии V—VI вв. во многом объясняется тем, что оно опиралось на еще мощную базу развитого внутреннего обмена, относительного благополучия массы городов.[17] Для нас существенно, что с развитием этого института было связано существование огромного флота крупнотоннажных судов, осуществлявшего крупномасшабные как государственные, так и частные перевозки. Именно их караваны добирались и в начале VII в. до туманной Британии. Мы не можем недооценивать роль этого флота,[18] преимущественно концентрировавшегося в Константинополе, Александрии, городах сиро-палестинского побережья и Западной Малой Азии, как в обеспечении внутреннего обмена, так и в вывозе товаров к границам империи, пограничным пунктам ее внешней торговли. С этой точки зрения, нам представляются несколько преувеличенными оценки значения в упадке внешней торговли Византии тех прямых ограничений, которые с конца IV в. стали вводиться правительством на вывоз ряда товаров.[19] Их военно-политический характер бесспорен, но объем внешней торговли Византии и в VI в. продолжал оставаться огромным.[20]

Масштабы перемен, происходящих в социально-экономических отношениях в Византии в VII в. и, так сказать, генезис их последствий лишь в настоящее время полностью вырисовываются перед исследователями. Долгое время в нашей литературе были распространены представления о том, что якобы в Византии начала раннего средневековья сохранилось слишком много от старого, античного общества, что придавало византийскому феодальному обществу уродливо-реакционные черты, хотя оно рано начало выходить из кризиса, связанного с крушением античности. Частично они нашли свое отражение и в цитированном выше труде М. В. Левченко, писавшего, что

---

[11] Большаков О. Г. Средневековый город... С. 299.
[12] Там же. С. 298—299.
[13] Древняя Русь... С. 388—390.
[14] Ср.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
[15] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. С. 100—137.

[16] Новейший материал суммирован: Чекалова А. А. Константинополь в VI в.: Восстание Ника. М., 1986. С. 52—56.
[17] Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: Конец античного города в Византии. Л., 1971.
[18] Arweiller H. Byzance et la mer. Paris, 1965. P. 53.
[19] Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 131.
[20] См., например: Patoura S. Ἐμπορικὲς σχέσεις τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας καὶ τῶν λαῶν τοῦ κάτω Δούναβη (4-οζ-6-οζ αἰ). — Ἀρχαιολογικὲς μαρτυρίες. — Πρακτικὰ Δ' Πανελληνίου ιστ. Συνεδρίου. Thessal, 1983, 6.91—105.

«византийский феодализм после победы иконопочитания (843 г. — *Г. К.*) окончательно принял черты феодализма реакционного, тормозящего развитие производительных сил».[21] Представление о том, что византийское общество было уже феодальным в IX—X вв., достаточно прочно укрепилось среди историков Руси (мы не говорим уже о расхожей формуле о том, что христианство было принято на Руси из «феодальной Византии»).[22] Между тем в настоящее время среди византинистов все более утверждается тенденция рассматривать византийское общество едва ли не до XII в. как раннефеодальное, а эпоху с VII до середины IX в. как своего рода переходную от античности.[23] Причины этого заключаются в том, что чем дальше, тем более отчетливо обнаруживается, что вскоре после выхода Византии из кризиса VII в. наступила не столько стабилизация ее экономики, сколько продолжалось дальнейшее развитие и углубление процессов, начавшихся в этом столетии. Мы имеем в виду аграризацию страны и продолжавшийся упадок городов. Как теперь показывает многочисленный археологический материал, дело не ограничилось «массовой смертью» большинства византийских городов в VII в.[24] Упадок многих из сохранившихся до фактически «негородского» состояния продолжался по крайней мере до середины IX в. и лишь для второй половины — конца IX и X в. мы имеем основания говорить о начавшемся оживлении городской жизни.[25] В свете этого попытки некоторых исследователей с большой четкостью относить материал и данные VII в. к началу византийского раннего средневековья нам представляются недостаточно обоснованными и убедительными.[26] Скорее всего, по крайней мере до середины VII в. мы и в отношении экономических, торговых связей Византии имеем дело еще с остатками старых связей и отношений, «пережитками» их, чем реальным «началом» новых, раннесредневековых.[27]

Для нас существенно то, что процессы внутреннего развития Византии в VII—IX вв. впервые начинают отчетливо выступать в их органичной взаимосвязанности. Теперь речь идет не просто об «аграризации» экономики Византии, а о том, что

[21] Левченко М. В. Очерки... С. 65.

[22] См., например: Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 268.

[23] См., например, разделы в кн.: Литаврин Г. Г. «Византия» // Раннефеодальные государства на Балканах: VI—XII вв. М., 1985.

[24] Patlagean E. Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance. 4—8 s. Paris, 1977. P. 431: "La mort des cites au VIIe siècle".

[25] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 137.

[26] См., например: Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск, 1976.

[27] Там же. С. 38. Разрыв в численности найденной монеты между VIII и VII вв. (55 и 40 — VII в. 11 и 12 — для VIII) больше, чем для VI и VII вв. (соответственно, 104 и 99 на 55 и 40) и не может характеризовать только собственно «внутреннее» развитие экономики Херсонеса.

в ней, по крайней мере до середины IX в., продолжался рост и укрепление мелкой свободной земельной собственности, крестьянского хозяйства.[28] Исследователи все чаще пишут о неясности степени сохранения в эти столетия и размеров крупной и средней частной земельной собственности.[29] У нас достаточно оснований полагать, что, во всяком случае в VIII в., она продолжала сокращаться, в том числе и церковно-монастырская, особенно в городе. Углублявшийся упадок городов был в определенной степени обусловлен и сокращением, обеднением прежде многочисленного слоя богатых городских землевладельцев, служителей городской церкви, клира.[30] Новые исследования по социальной истории Византии показывают, что постепенная «смена» господствующего класса происходила в Византии медленно и мучительно в течение всего VIII столетия, когда на смену старым «городским» землевладельцам приходила «новая знать», исходно не обладавшая богатствами и зависевшая преимущественно «от службы».[31] Во второй половине IX и в X в. западных путешественников поражала «бедность» византийских провинциальных епископов и духовенства, полностью подтверждаемая данными житийной литературы, для нас — разительно контрастирующая с богатством, экономическим потенциалом епископата, церкви и многочисленного городского духовенства ранней Византии.[32]

Еще В. Г. Васильевский обратил внимание на то, что источники этого времени никогда не говорят о значении собственного производства, ремесла городов, в отличие от позднеантичных, и упоминают только о торговом.[33] На материале более широкого их круга М. Я. Сюзюмов пришел к выводу о том, что византийские города этого времени были преимущественно центрами торговли сельскохозяйственной продукцией.[34] Не отрицая значения этого общего вывода, в свете новейших данных о сокращении численности населения городов, их аграризации, мы не можем видеть в городе этого времени крупного потребителя сельскохозяйственной продукции округи. Контраст меж-

[28] См. материалы блестящего исследования: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв.: Проблемы истории одного столетия. М., 1977.

[29] Удальцова З. В., Осипова К. А. Формирование феодального крестьянства в Византии // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1 / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1985. С. 404: «Сведения о крупном и среднем землевладении в византийских источниках VII—IX вв. крайне скудны и неопределенны.»

[30] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 150.

[31] Λουγγη Τ. Κ. Δοκίμιο γιὰ την κοινωνικὴ ἐξελιξη στη διαρκεία τῶν λεγομένων "σκοτεινῶν αἰώνων". (602—867) — Αθηνα, 1985.

[32] Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 74.

[33] Васильевский В. Г. Труды. Т. III Пг., 1917.

[34] Сюзюмов М. Я. Византийский город. Середина VII — середина IX в. С. 47.

ду мусульманским и византийским провинциальным городом этого времени разителен. Если в первом рост его производственно-торгового значения фиксируется не только разрастанием его ремесленно-торговой части (иногда до $^1/_4$ общей его площади) и перемещением ее в центр города — показатель значимости постоянного производства и обмена,[35] то для второго характерна иная картина и эволюция-исчезновение постоянного торгового центра и рядов, перенесение последних под стены города-укрепления, растущая роль непостоянного, периодического, ярмарочного обмена.[36] Тот имеющийся материал, который характеризует сельские ярмарки Византии, проводившиеся в крупных селениях, заставляет задуматься над исторической ролью и реальным наследием «городской» ранневизантийской эпохи. Византия раннего средневековья унаследовала от предшествующей эпохи один из наиболее высоких в Европе уровень товарно-денежных отношений и обмена. В нем нередко видели едва ли не прямое доказательство сохранения прежней роли и значимости городов. Но теперь мы более отчетливо видим, что у нас больше оснований говорить не о сохранении множества процветающих городов, как реальном наследии позднеантичной Византии, а о более высоком уровне производства и обмена, товарно-денежных отношений в обществе в целом, поддерживавшемся государством.[37] Вероятно совершенно справедлива основная мысль М. Я. Сюзюмова, что византийский раннесредневековый город долгое время развивался преимущественно как центр обмена сельскохозяйственной продукцией. Но даже для источников X в. характерны постоянные жалобы жителей различных областей на постоянную нехватку в одних — хлеба, в других — масла и вина и т. д., свидетельствующие не только о реальной значимости этого обмена, но и о его явной недостаточности.[38] Цепь локальных сельских ярмарок в конечном счете замыкалась на крупной провинциальной, столь хорошо отраженной в житии Георгия Амастридского.[39] Материал о состоянии византийских городов показывает, что не конкуренция арабского купечества до X в. «душила» византийскую торговлю на Черном море, с Восточной Европой, а состояние собственного византийского производства.

Как мы видели, в Византии даже в X в. не был налажен достаточный внутренний обмен. Неудивительно, что «маломощное» византийское купечество не могло выйти активно в международную торговлю. С этой точки зрения показательны судьбы Херсонеса. Исследователи справедливо подчеркивают процессы аграризации и натурализации его хозяйства, хозяйства юго-западного Крыма с VII до середины IX в.[40] Несомненна их связь не только с местной, локальной обстановкой, но и с тем, что происходило в Византии. Перебои со снабжением Херсонеса с VII в. мы не можем не связывать и с крушением «имперской» торговли, большого имперского флота. Херсониты, остро нуждавшиеся с VII в. в хлебе и ряде других продуктов, оказались вынужденными развивать собственную аграрную базу, сами выходить на локальные связи с соответствующими провинциями Византии. «Флот херсонитов» с этого времени часто упоминается в источниках, он обслуживал нужды и потребности города. Значительный «херсонесский отрывок» Константина Багрянородного, который и в X в., рассматривая меры возможного наказания города, ничего не говорит ни о константинопольском купечестве, ни о константинопольских или иных судах, ведущих торговлю с Херсонесом. Упоминаются лишь херсонесские корабли в столице и трех приморских фемах, ведших локальную торговлю с Херсоном (Армениак, Пафлагония и Вукелларии). Из отрывка явно видно преобладание собственной торговой активности херсонитов. Отрывок отражает традиционную ситуацию. Но мы не можем пройти мимо самой формулировки Константина: херсониты «не могут существовать» (οὐ δύναται Ζῆσαι οἱ χερσωνῖται), «если не доставляют зерно» из этих фем Романии.[41] Тот же термин, и очевидно не случайно, а взаимосвязанно по смыслу употреблен в следующей фразе: «если херсониты не приезжают в Романию и не продают (πιπράσκωσι) шкуры и воск которые они покупают у пачинакитов». Таким образом, по Константину, картина выглядит достаточно ясной: чтобы «существовать», херсониты сами должны закупать зерно и часть других продуктов (вино и т. д.) в провинциях империи, но для этих закупок сначала продавать то, что купили у своих северных соседей. Упадок и застой экономики города в VIII — середине IX в., численность населения которого сократилась до 3000 человек, таким образом, объясняются тем, что вся «северная» торговля Херсонеса была в достаточной степени вынужденной, велась не столько ради извлечения торговой прибыли, а прежде всего для обеспечения снабжения, существования города. Выручка от продажи северным соседям уходила на закупку не столько византийских товаров, сколько продовольствия для города. Не случайно в херсонес-

[35] Большаков О. Г. Средневековый город... С. 35—38.
[36] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 137—148.
[37] Там же.
[38] Ševčenco I. Constantinople viewed from the Eastern provinces in the Middle Byzantine period // HUS. V. III/IV. P. 2. Harvard, 1978—1980.
[39] Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Вып. II: Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893.
[40] Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959; Романчук А. И. Город и деревня юго-западного Крыма в VIII—IV вв. // JÖB, 32/3, 19—85. С. 549—557.
[41] Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Ed. Gy. Moravcsik // R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949. S. 286.

ском вывозе из империи преобладают вывоз хлеба и вина — «продуктов» (σίτος ἢ οἴνου ἡοἰασδπποτε χρείας), и лишь на последнем месте — «товаров» (πραγματείας). Отрывок, на наш взгляд, чрезвычайно интересен тем, насколько Херсонесу, оказавшемуся в сложном положении, приходилось проявлять собственную инициативу для обеспечения своего снабжения. Именно эта ситуация, может быть, прежде всего вынужденная, создала значительный собственный «флот херсонитов», который затем стал основой подъема роли города и в посреднической торговле Византии с ее северными соседями. Тот же Константин Багрянородный фактически показывает несоизмеримость возможностей и роли херсонесского флота и тех провинций, которые были связаны с Херсонесом и снабжали его. Главной мерой в нанесении удара по Херсону Константин считает не запрещение торговли с ним византийскому константинопольскому купечеству, а прежде всего, запрет торговли самим херсонитам, задержание их судов и в последнюю очередь запрет «кораблям и береговым суденышкам» (πλοῖα κατ πλαγίτικα) причерноморских фем «переплывать через море в Херсон».

Весь материал VIII — середины IX в., на наш взгляд, убедительно показывает, что Византия этого времени не располагала не только соответствующими возможностями для производства значительной массы ремесленных изделий для внешней торговли, но и торговым флотом, способным и заинтересованным выйти в международную торговлю.[42] «Неинициативность» византийского купечества восходит к этой эпохе и ее условиям и, может быть, одну из причин этого следует видеть в том, что в течение достаточно длительного времени главным экспортным товаром могли быть прежде всего не столь уж выгодные для дальней международной торговли продукты сельского хозяйства.

М. Я. Сюзюмов на материале Морского закона[43] убедительно показал процесс «демократизации» морской торговли Византии с VII в., исчезновения прежнего крупного «имперского» торгового флота, слоя богатых судовладельцев-навклиров. Только теперь мы можем в полной мере оценить степень упадка крупных портовых городов, которые ранее служили основной базой, «местом приписки» этого флота.[44] Первые попытки его возрождения относятся ко времени правления Никифора I — началу IX в.[45] Неудивительно, что к началу активных русско-византийских контактов не византийское купечество, подобно арабскому, продвигалось на Русь, а Русь шла к Византии. И

[42] Древняя Русь... С. 390.

[43] Византийский морской закон // АДСВ. 6. 1969.

[44] Ahrweiller H. Les ports byzantins (VII—IXe siècles) // La navigazione mediterranea nel Alto Medioevo. Spoleto, 1978. P. 257—297.

[45] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 159.

дело заключалось не столько в «византийской дипломатии», сколько, прежде всего, в нехватке в Византии VIII — середины IX в. значительной части того, что могло пойти на экспорт, даже для собственных нужд. Поэтому и болгарам и Руси приходилось в прямом смысле слова навязывать не очень-то желанные для Византии этого времени отношения. Инициатива с самого начала исходила от Руси и, соответственно, осуществлялась преимущественно ее силами. Русская военно-торговая верхушка буквально «пробивала» себе дорогу к Константинополю.[46]

Ныне мы более отчетливо представляем себе, каким был Сурож в пору нападения русов в сопоставлении с описанием жития Стефана Амастрида[47] того времени.[48] Очевидно, слабость и недостаточность для них «региональных» связей побудила Русь более энергично «выходить» на столицу империи — Константинополь. Что же представляла собой столица Византии в канун первого русского похода 860 г.? В свете новейших данных, наши представления о ней в эти столетия существенно изменились. Вряд ли может быть оспорен тезис о том, что Константинополь VIII—IX вв. был крупнейшим городом раннесредневековой Европы. Но степень его упадка в эти столетия явно недооценивалась исследователями. Срабатывала своего рода «магия цифр»: если, по достаточно достоверным расчетам, население византийской столицы при Юстиниане достигало 350—400 тыс. жителей и приблизительно столько же (до 400 тыс.) в конце XI—XII вв., то спад в промежутке вроде бы и не мог быть колоссальным, учитывая международное значение константинопольского производства и торговли.[49] Исследователями были учтены все данные письменных источников об упадке и сокращении населения столицы в VII—VIII вв.[50] Но тем не менее, и по мнению Д. Якоби, оно не сокращалось ниже предела в 100 тыс.

Попытка более тщательной увязки их данных (по Никифору — ἀοίκητον σχεδὸν ἤδη γεγονυταν τὴν πόλιν) с археологическим материалом Константинополя привела К. Манго к выводу о том, что в апогей упадка города его население не превосходило 40 тыс. человек.[51] В таком случае, на рубеже

[46] Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 25—36.

[47] Баранов И. А. Сугдея в VII—XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Тез. докл. советской делегации на V Международном Конгрессе славянской археологии. С. 53—54.

[48] Ševčenko I. Constantinople... P. 712—713.

[49] Jacoby D. La population de Constantinople à l'époque byzantine // Byzantion. 1961. 31. Для XII в. ср.: Карпов С. П. Латинская Романия // ВИ. 1984. № 12. С. 92.

[50] См., например: Петросян Ю. А. Древний город на берегах Босфора. М., 1986. С. 72—76.

[51] "Une population ne dépassante pas 40 000" (Mango C. Le développement urbain de Constantinople (IV—VII siècles). P. 54).

VIII—IX вв. оно в лучшем случае лишь вдвое превосходило численность населения Рима того времени.[52] Неудивительно, что Константинополь как город отнюдь не вызывал восторженных эмоций у арабских историков и географов тех столетий.[53] В халифате того времени было не менее, а, скорее, значительно более десятка городов по численности населения близких Константинополю, если не превосходивших его, а экономически, возможно, и более процветающих.[54]

Дело не только в численности. На наш взгляд, не менее важно, что на рубеж VIII—IX вв. приходится и апогей экономического упадка столицы Византии, максимальной пауперизации массы его населения, падения производства, сокращения численности и потребностей знати.[55] Отсюда понятен и «минимум» спроса Византии, Константинополя на внешних рынках. При всех локальных факторах и конкретных военно-политических ситуациях мы не можем не учитывать огромнейшего влияния реального упадка производства и торговли в Константинополе на судьбы таких форпостов византийской торговли, как, например, Херсонес.[56]

Практически весь наличный материал показывает, что в течение первой половины IX ст. во внутренней жизни и положении византийской столицы не произошло существенных сдвигов. Активное новое строительство и восстановительные работы относятся ко времени начиная с Василия I (после 867 г.).[57] Поэтому мы, очевидно, имеем достаточно оснований считать, что к моменту русского нападения 860 г. в жизни Константинополя не произошло больших перемен. А это несколько меняет оценку событий 860 г., ставшую традиционной в нашей историографии. Все согласны в том, что русы напали внезапно и рассчитывали на эту внезапность, как и в том, что им была известна сложившаяся обстановка к моменту нападения: уход императора со всем войском из Константинополя против арабов, а флота — на операцию против Крита.[58] Поход, исходя из традиционных представлений о соотношении сил, считают дерзким, в какой-то мере авантюрным с точки зрения возможностей овладения Константинополем, а потому, скорее, демонстрацией силы и средством давления. Поэтому масштабы угрозы, отраженные у патриарха Фотия,[59] относят скорее к приемам риторики. Однако если действительно численность населения столицы не превосходила 40—50 тыс. человек, император с 40-тысячной армией ушел из Константинополя против арабов, т. е. вывел почти все наличные военные силы, в том числе и из постоянного населения столицы, а флот, состоявший преимущественно из константинопольцев, ушел в Средиземное море, то сколько же жителей — защитников осталось в Константинополе? 20—25 тыс. вероятно, при огромной протяженности стен города, преимущественно бедноты, не очень-то способной оказать решительное сопротивление. Не забудем, что по современным данным города как единого целого, поселения в то время не существовало: с упадком и десятикратным сокращением численности населения он отчетливо распался на отдельные, разделенные незаселенными пространствами, агломерации.[60] На фоне всех этих данных сетования Фотия по поводу «беззащитности» города и его слова об «ужасе» — ὁ φόβος охватившем население, на наш взгляд, ближе к действительности, чем обычно думают.

Соответственно мы полагаем, что приходится учитывать при оценке ситуации не только то, что русы знали, где будет находиться византийская армия, флот и император, но и то, что они еще лучше реально представляли себе и учитывали, что представлял собой Константинополь того времени с его незаселенными районами и незащищенными участками стен. С учетом всех этих обстоятельств, внезапное нападение не выглядит столь уж авантюристичным и неразумным. Овладеть Константинополем не удалось, но реальных возможностей, вселявших на это надежду, было, как мы видим, значительно больше, чем мы могли предполагать ранее, и слова Фотия во второй проповеди, уже после ухода русских, о том, что «Город ... едва не был поднят на копье», заслуживают достаточного доверия. На наш взгляд, во время этого первого похода на Константинополь русы действительно хотели овладеть им и одним из провоцирующих моментов было то, что Византия и не очень могла и, соответственно, не очень хотела развивать с ними торговлю. После похода она была вынуждена отступить.

---

[52] История Италии. Т. 1 / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1970. С. 202.

[53] Miquel A. Constantinople: une ville sans visage // Mel. Ec. fr. de Rome // M.-A. 96, 1984. P. 397—463.

[54] Большаков О. Г. Средневековый город... С. 98—140.

[55] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 159—160.

[56] Колоссальное сокращение численности населения Константинополя — существенный показатель. При 350-тысячном в VI в. он нуждался в херсонесской рыбе и соли. «Большой флот» вез в достаточных размерах хлеб в Херсонес и вывозил херсонесские продукты. Этот обмен резко свертывается, поскольку в десять раз сократившееся константинопольское население уже не нуждалось в ввозе из далекого Херсонеса. Соответственно и хлеб перестал идти к херсонитам. С упадком Константинополя почти перестала поступать «на экспорт» и продукция константинопольского ремесла (Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в.).

[57] Mango C. Constantinople... P. 61—62; Петросян Ю. А. Древний город... С. 91—92.

[58] Левченко М. В. Очерки... С. 57—71; Сахаров А. Н. 1) Дипломатия Древней Руси... С. 25—37; 2) Мы от рода русского. Л., 1986. С. 64—65.

[59] «Когда жизнь была готова закатиться вместе с закатом солнца» и др.

[60] Mango C. Constantinople... P. 57—60.

Вслед за А. Н. Сахаровым,[61] в развитии русско-византийских отношений мы склонны особенно большое значение придавать проблеме «дани». Наши сведения об упадке городов, городского «частного» производства в Византии IX в. дополняются новыми данными о масштабах развития в это время взамен него, для удовлетворения государственных нужд, государственного производства, государственных хозяйств.[62] Только от государства, а не по каналам «частной» торговли, могли быть в значительных размерах получены наиболее ценные товары, драгоценные изделия и ткани.[63] Колоссальная роль государственного производства сохранялась едва ли не до середины — конца XI в. Отсюда огромная роль дани именно с византийского государства.

Обратимся к Константинополю IX—XI вв. Его зримый подъем начинается со второй половины IX в., подъем достаточно стремительный: за полтора-два столетия численность его населения выросла в 10 раз — с 30-40 тыс. до 300-400 тыс., причем основной прирост пришелся, по-видимому, на X в. Константинополь уже начала X в., — времени русско-византийских договоров 907—911 гг., был уже совсем иным городом, чем в начале — середине IX в. Неслучайно со второй половины IX в. начинается торгово-экономический подъем и Херсонеса. Связь

[61] Сахаров А. Н. Русско-византийский договор 907 г.: Реальность или вымысел летописца? // ВИ. 1978. № 2. С. 114.

[62] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 161.

[63] Литаврин Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в.: По материалам завещаний // Византийские очерки. М., 1971. — Г. Г. Литаврин показал, что значительная часть тех богатств, которыми обладал византийский феодал даже в этом столетии — в золоте, серебре, украшениях, одежде — были пожалованиями или платой от государства. Государство использовало натуральные доходы для снабжения армии и флота, натуральных раздач чиновничеству и воинам, даров правителям соседних государств. (Византийское общество и государство в X—XI вв. С. 197.) Отсюда, на наш взгляд, особое значение для Руси именно «контрибуции», не только денег, но и «золотых вещей, тканей и т. п.», выплаты «периодической дани Руси», проблема которой не переплеталась прямо с проблемами торговли, как это видно по материалам договоров (Сахаров А. Н. Русско-византийский договор 907 г.: Реальность или вымысел летописца? // ВИ. 1978. № 2). А. Н. Сахаров считает ее самостоятельной и важнейшей и в договоре 907 г. (С. 98): «Торговые статьи договора 907 г. (о других мы пока не говорим) — это лишь небольшая и не самая важная часть соглашения. Основной пафос договора... восстановление мирных отношений, проблема ежегодной дани...» (С. 112); «уплата Византией дани являлась одним из основных условий договора „мира и любви" между Русью и Византией 907 г. ... и в период событий 941—944 гг. вопрос о дани выносится на передний план... В этом факте мы видим не только решающее значение вопроса о дани в судьбах русско-византийских отношений в период военного конфликта Руси с Византией в 60—70-е годы X в., вопрос об уплате Византией дани Руси неоднократно возникал... на переговорах о мире в 971 г. Святослав пошел, согласно тексту летописи, лишь после того, как греки обязались по-прежнему уплачивать Руси дань» (Там же. С. 114).

его, как и растущая зависимость от византийской столицы, была во многом связана с подъемом экономического значения Константинополя, ростом поступления в Херсонес изделий константинопольского ремесла.

Во второй половине IX — начале X в. в Византии резко возросли не только поступления государства от населения, но и сложился, прежде всего в Константинополе, достаточно богатый господствующий класс, потребительские возможности которого резко возросли. Это создало на рубеже IX—X вв. качественно новую ситуацию в византийско-русских отношениях.[64] И не случайно тема торговли все более явственно звучит в русско-византийских договорах X ст.: «Егда ходили в Грекы или с куплею, или ...» (ПВЛ. 1950, I. С. 27). Константинополь вновь становился крупнейшим производящим и потребляющим центром. Десятикратное умножение населения — это и многократное умножение числа ремесленников, бурный подъем «частного» производства. Именно тогда многократно возрос спрос на русские товары — рабов, меха, воск, мед, пеньку и др. и появилась возможность более широко удовлетворять растущий спрос Руси на изделия константинопольского ремесла. С подъемом Константинополя синхронны и подъем и оживление посреднической роли Херсонеса (Сурожа). Город был подготовлен к ней. У нас нет оснований вновь обращаться к детальному анализу текстов русско-византийских договоров, официальных контактов Руси и Византии в X—XI вв. В последние годы они были вновь предметом тщательного рассмотрения целого ряда исследователей (Г. Г. Литаврина, Э. В. Удальцовой, А. Н. Сахарова и др.). Но накопленный и обобщенный в последние годы новый материал о социально-экономическом развитии Руси и Византии позволяет рассмотреть и оценить более широкую основу динамики византийско-русских торгово-экономических отношений в эти столетия в большем сопряжении с основными внутренними процессами, протекавшими в Византии и на Руси.

Стремительное нарастание и расширение византийско-русского обмена в X в. ни у кого не вызывает сомнений. Параллельно подъему Константинополя происходила консолидация древнерусских земель вокруг Киева, подъем древнерусской столицы, ставшей к концу X в. одним из крупнейших городов Европы.[65] Г. Г. Литаврин, на наш взгляд, исключительно удачно подметил особенность развития византийско-русского обмена — взаимозаинтересованность, взаимодополняемость, отсутствие конкуренции.[66] Д. Д. Оболенский характеризовал его со сто-

[64] Романчук А. И. Херсонес... С. 38.

[65] Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.

[66] Литаврин Г. Г., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. // XIII Int. Congr. of Byzantine Studies. Oxford, 1966. Main Papers. III.

роны Византии как тип «колониальный»,[67] имея, очевидно, прежде всего в виду, что из Руси ввозилось прежде всего сырье, а в вывозе преобладали изделия ремесла — точка зрения не совсем верная, поскольку с самого начала в византийском экспорте был значителен удельный вес продуктов сельского хозяйства — вина, масла, фруктов, овощей, что засвидетельствовано и в договорах. В X—XI вв. он продолжал возрастать, и Древняя Русь была расширяющимся рынком сбыта сельскохозяйственной продукции Византии. С другой стороны, «колониальный» характер торговли, как правило, характеризуется тем, что ее ведет преимущественно сама более высокоразвитая страна, извлекая из нее дополнительные выгоды. Неслучайно Г. Г. Литаврин сопоставил византийско-русскую торговлю с византийско-венецианской.[68] На двух «флангах» византийского мира мы имеем для определенного времени в известной мере сходные ситуации — Венеция и Херсонес. Их посредническая роль в течение определенного времени возрастала, оба они были в X в. «вассальными» от Византии образованиями. Причины «исходного» роста понятны. Они одинаковы. Это слабость собственных торгово-купеческих кругов Византии, Константинополя.[69] Итоги различны. При всех прочих условиях, существеннейшим обстоятельством является в подрыве посреднического Херсонеса то, что Русь сама и все более прямо выходила на Константинополь.[70] Немаловажную роль в этом сыграло то, что можно в какой-то мере назвать «византийским феноменом», — совокупность внутренних обстоятельств, благоприятствовавших подъему Константинополя и сдерживавших экономическое оживление остальной массы византийских городов — процесс, продолжавшийся в течение всего X в. Можно сказать, что рост русского спроса «приложился» к этой ситуации. Бурный рост населения Константинополя со второй половины IX в. был во многом стихийным, вызванным не только подъемом экономики столицы, может быть даже неожиданным для господствующей верхушки империи, и в основном происходил за счет бедноты, разорявшегося крестьянства. Поэтому мы не можем не учитывать заинтересованности не только Руси, но и византийской

[67] Obolensky D. The Byzantine Common-wealth. Eastern Europe, 500—1453. London, 1974. P. 293: 2 "colonialist in character".

[68] Литаврин Г. Г., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии... С. 4.

[69] Курбатов Г. Л., Лебедева Т. Е. Город и государство в Византии... С. 173.

[70] Это обстоятельство — рост прямых контактов русских земель с Константинополем и преимущественно через русских купцов, по-видимому, уже с X в. стал ощутимо снижать посредническое значение Херсонеса (Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 76). По Г. Г. Литаврину (Литаврин Г. Г., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в.) Int. Congr. of Byzantine Studies. Oxford. Main papers, III. Oxford, 1966. «Значительно укрепляются непосредственные (разрядка наша. — *Г. К.*) русско-византийские связи».

стороны в расширении торговли с Русью, не только по «финансовым» и политическим, но и по внутренним, социальным мотивам — поддержать существование стремительно растущей массы константинопольского населения.[71] То, что обращает для X в. на себя внимание современников в Константинополе посла Оттона Лиутпранда — это бедность подавляющего большинства населения столицы, в том числе основного торгово-ремесленного (множества мелких торговцев, незначительных людей ... жалкого зрелища,[72] как и обилие масс «торгующих». В свете этих данных мы не склонны преувеличивать значение некоторых интерпретаций пунктов договора с князем Игорем, как проявление тенденций к ограничению русско-византийской торговли. На наш взгляд, значительно большего внимания в них заслуживают положения о стремлении, чтобы русы не уезжали из Константинополя, не закупив товары, что само по себе свидетельствует об обилии русских купцов в Константинополе. Для нас совершенно бесспорно, что по мере расширения масштабов русско-византийской торговли в ней все более доминирует русское купечество.[73] Процессы сопоставимые: слабость византийского, константинопольского купечества, как характерное для Византии общее явление, закономерность развития, привела к одинаковым результатам как на Западе, так и на Востоке в том же столетии: переходу инициативы в византийско-западной торговле к итальянцам, венецианцам, в Восточной Европе — к Руси.

Рассматривая динамику византийско-русских торгово-экономических отношений в X в., мы не можем не учитывать самих масштабов сдвигов в социально-экономических отношениях в Византии, ныне видимых более отчетливо. Бесспорно их несомненное влияние на развитие византийско-русских торгово-экономических отношений, на определенные их особенности. X в. в истории Византии был временем массового обнищания и разорения византийского крестьянства, притока аграрного и полуаграрного населения прежде всего в Константинополь, его обращения к ремеслу, создания избыточной массы мелкого торгово-ремесленного населения, обилие его и ожесточенная конкуренция внутри которого, по-видимому, также была одним из препятствий быстрого выделения и конституирования богатой торгово-купеческой верхушки. Одной стороной этого общего процесса был кризис фемного крестьянского войска, а следо-

[71] Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 171.

[72] Liutprandi Legatio, 15; MGH, III.

[73] Характеризуя ситуацию уже начала X в., А. Н. Сахаров (Русско-византийский договор... С. 100) пишет о русской купеческой «стихии, прорвавшейся силой на византийские рынки», как мы видели, с подъемом экономики Константинополя. Соответственно, с умножением числа византийской знати клира в X в. рос спрос и на традиционные товары древнерусского экспорта — меха, ценные сорта рыбы, икру, рабов, воск.

вательно, и возрастание роли наемных военных дружин, договорное участие русских дружин и отдельных наемников в действиях византийской армии — аспект, приобретший немалое значение в развитии византийско-русских отношений и контактов с X в.[74] Другой — подобная ситуация была основанием для расширения именно собственно русской торговли в Константинополе, поскольку византийское, константинопольское купечество не обладало достаточными средствами и возможностями для широкого развертывания собственной византийской торговли на Руси. Мы, видимо, еще не в должной степени изучили и оценили некоторые аспекты этого обстоятельства, в частности, например того, что в такой ситуации у русского купечества было значительно больше возможностей для отбора того, что более соответствовало вкусам и интересам древнерусского покупателя, большая самостоятельность «выбора». Другое немаловажное обстоятельство заключалось в том, что в этих условиях в X в. не только стремительно возрастает экспорт византийских товаров и прежде всего ремесленных изделий на Русь, но и сама внутренняя обстановка в Византии, положение массы ремесленного населения создает все более благоприятные условия для усиления к концу X в. экспорта самого византийского ремесла и его носителей.[75] С этой точки зрения мы, видимо, не вправе недооценивать значения первых свидетельств договоров уже начала X в. о «бегстве» на Русь. Византийские условия X—XI вв. создавали благоприятную ситуацию для притока византийских ремесленников и мастеров на Русь не только на основе официальных договоренностей.[76] В связи с этим, нельзя недооценивать значение достаточно раннего, скорее всего невольного, но вызванного объективными обстоятельствами, реального и особенно значительного в XI в. вклада Византии в становление и развитие собственного древнерусского ремесла, так сказать «на месте», подъем которого в ряде областей уже в XII в. стал приводить к частичному сокращению экспорта собственно византийской продукции и началу экспорта древнерусских изделий.[77]

Приток не только ремесленных изделий, но и византийских ремесленников естественно значительно усилился с принятием и распространением христианства на Руси.[78] Но и при этом мы должны учитывать влияние рассмотренной выше общей ситуации в Византии X—XI вв. В Византии не только было широко распространено занятие низших представителей клира ремеслом. Именно длительное и постепенное разорение массы свободного крестьянства в X—XI вв. привело к гипертрофированному росту монастырей, особенно значительной роли монашества и монастырей в ремесле, экономической жизни поднимавшегося византийского феодального города, а в связи с этим, мы не можем недооценивать и того факта, что определенная часть византийского духовенства на Руси, в отличие от католического, была также носителем опыта и традиций византийского ремесла и, таким образом, также в определенной степени способствовала становлению и подъему древнерусского.[79]

Таким образом, масштабы некоторых процессов внутреннего развития Византии в X—XI оттеняют некоторые черты своеобразия эволюции византийско-русских торгово-экономических отношений, подчеркивают то обстоятельство, что они в достаточной степени способствовали подъему и развитию собственного ремесла и торговли древней Руси, формированию и становлению древнерусского купечества, обеспечению высокой степени самостоятельности Руси в торгово-экономических отношениях с Византией в один из важнейших периодов — период становления и подъема древнерусского ремесла и торговли.

---

74 В этом смысле показательно, что главным русским центром в Константинополе была колония, квартал, скорее светский «центр» купцов, дипломатов, воинов (Литаврин Г. Г., Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. // История СССР. 1970. № 4), в то время как в Киеве подворье греческого митрополита (Литаврин Г. Г., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии... С. 5).

75 По материалам истории русского стеклоделия промежуток между началом массового распространения византийского стекла и очевидным появлением и началом работы византийских стеклоделов на Руси охватывает не более столетия (см.: Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983). Ср.: Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. № 3. 1977; Смирнов В. В. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VII—XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1980.

76 Уже договор 907/11 гг. говорит и о «бегстве» на Русь. В какой-то мере о масштабах отхода византийских ремесленников-стеклоделов на Русь свидетельствует то, что они выпускали там изделия достаточно широкого спроса, оконное стекло (Литаврин Г. Г., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии... С. 6).

77 Достаточно широкий импорт керамики и византийского стекла на Русь фиксируется с середины X в., в конце X—XI в. появляются греческие мастерские, а с конца XI—XII в. собственное русское производство уже начинает ограничивать импорт византийской поливной посуды и стеклянных изделий (Даркевич В. П. Византийский импорт // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 393—395; Шапова Ю. Л. Очерки истории... С. 177 сл.).

78 См., например: Сапунов Б. В. Книжная культура Древней Руси (XI—XIII вв.): Автореф. докт. дис. Л., 1975. С. 15 сл.

79 Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии... С. 192.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века.
АН	— Архитектурное наследство.
АО	— Археологические открытия.
АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВВ	— Византийский временник.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГО	— Географическое общество.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения.
ЗОРСА РАО	— Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИЗ	— Исторические записки.
ИОАЛЕАЭ	— Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
ЛЗАК	— Летопись занятий археографической комиссии.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии.
ЛПС	— Летописец Переяславля Суздальского.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НИС	— Новгородский исторический сборник.
НПЛ	— Новгородская первая летопись.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПКНО	— Памятники культуры. Новые открытия.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Седов В. В. (ИА АН СССР) Проблема происхождения и начальной истории славян 7

Носов Е. Н. (ЛОИА АН СССР) Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства 21

Кирпичников А. Н. (ЛОИА АН СССР) Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. 38

Лебедев Г. С. (Ленингр. ун-т) Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) 79

Шевников А. А. (ЛВХПУ имени В. Мухиной) Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии 99

Рябинин Е. А. (ЛОИА АН СССР) Финно-угорские племена Северной Руси (к проблеме археологического изучения) 116

Дубов И. В. (Ленингр. ун-т) Ярославское Поволжье в IX—XIII вв. (ведущие исследователи и основные проблемы) 136

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. (Ленингр. ун-т) Возникновение и развитие города-государства в Северо-Восточной Руси XI — начала XIII в. 150

Толочко П. П. (Ин-т археол. АН УССР) Южная Русь: некоторые проблемы и перспективы историко-археологического изучения . . 179

Гадло А. В. (Ленингр. ун-т) К истории Тмутороканского княжества во второй половине XI в. 194

Курбатов Г. Л. (Ленингр. ун-т) Византия и Русь в IX—X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) 213

Список сокращений 232